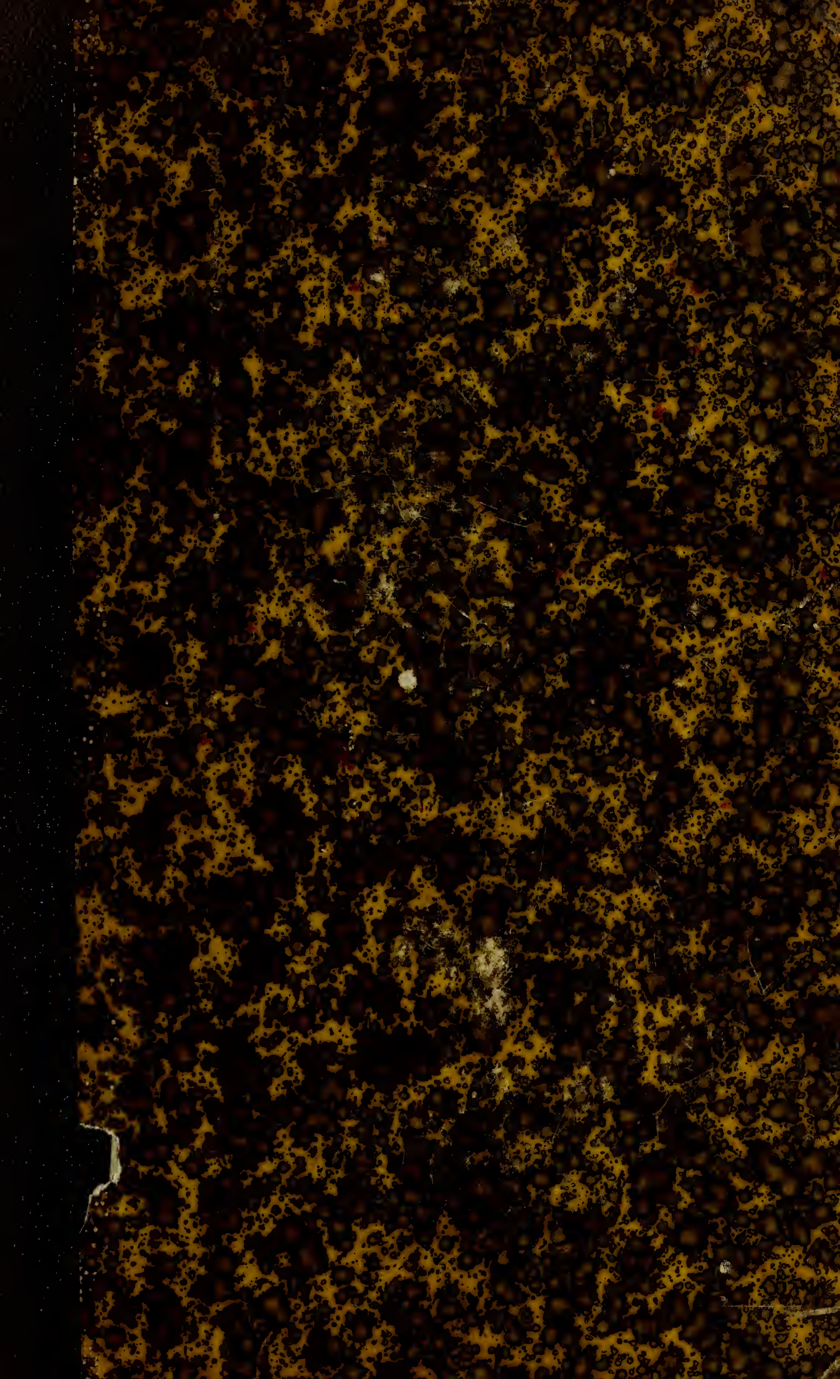

СТИХОТВОРЕНІЯ

ГРАФА

А. К. ТОЛСТАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ МОРСКАГО МИНИСТЕРСТВА,

въ Главномъ Адмиралтействѣ.

1867.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ

МАРІИ АЛЕКСАНДРОВНѢ.

Къ Твоимъ, Царица, я ногамъ
Несу и радость и печали,
Мечты, что̀ сердце волновали,
Веселье съ грустью пополамъ.

Припомни день, когда Ты, долу
Склонясь задумчивой главой,
Внимала русскому глаголу
Своею русскою душой;

Я мыслилъ, пѣсни тѣ слагая,
Онѣ невѣдомо замрутъ,
Но Ты дала имъ, о благая,
Свою защиту и прiютъ.

Встрѣчай-же въ солнцѣ и въ лазури,
Царица, радостные дни,
И насъ пѣвцовъ, въ годину бури,
Въ Своихъ молитвахъ помяни!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

БАЛЛАДЫ И ПРИТЧИ.

ПЕРЕВОДЫ.

ПОЭМЫ:

КЪ И. С. АКСАКОВУ.

Судя меня довольно строго,
Въ моихъ стихахъ находишь ты,
Что въ нихъ торжественности много
И слишкомъ мало простоты.
Такъ. Въ безпредѣльное влекома,
Душа незримый чуетъ міръ,
И я не разъ подъ голосъ грома,
Быть можетъ, строилъ мой псалтырь.
Но я не чуждъ и здѣшней жизни;
Служа таинственной отчизнѣ,
Я и въ пылу душевныхъ силъ
О томъ, что близко, не забылъ.
Повѣрь, и мнѣ мила природа,
И бытъ роднаго намъ народа;
Его стремленья я дѣлю,
И все земное я люблю,
Всѣ ежедневныя картины,
Поля, и села и равнины,
И шумъ колеблемыхъ лѣсовъ,
И звонъ косы въ лугу росистомъ,
И пляску съ топаньемъ и свистомъ

Подъ говоръ пьяныхъ мужичковъ;
Въ степи чумацкіе ночлеги,
И рѣкъ безбережный разливъ,
И скрыпъ кочующей телѣги,
И видъ волнующихся нивъ;
Люблю я тройку удалую,
И свистъ саней на всемъ бѣгу,
На славу кованную збрую,
И золоченую дугу;
Люблю тотъ край, гдѣ зимы долги,
Но гдѣ весна такъ молода,
Гдѣ внизъ по матушкѣ по Волгѣ,
Идутъ бурлацкія суда;
И всѣ мнѣ дороги явленья,
Тобой описанныя, другъ,
Твои гражданскія стремленья,
И честной рѣчи трезвый звукъ.
Но все, что чисто и достойно,
Что на землѣ сложилось стройно,
Для человѣка то ужель,
Въ тревогѣ вѣчной мірозданья,
Есть грань высокаго призванья
И окончательная цѣль?
Нѣтъ, въ каждомъ шорохѣ растѣнья
И въ каждомъ трепетѣ листа
Иное слышится значенье,
Видна иная красота!
Я въ нихъ иному гласу внемлю,
И жизнью смертною дыша,
Гляжу съ любовію на землю,

Но выше просится душа;
И что́ ее всегда чаруя,
Зоветъ и манитъ вдалекѣ,
О томъ повѣдать не могу я
На ежедневномъ языкѣ!

КЪ Б. М. МАРКЕВИЧУ.

Ты правъ; мой своенравный геній
Слеталъ лишь изрѣдка ко мнѣ;
Таясь въ душевной глубинѣ,
Дремала буря пѣснопѣній.
Меня ласкали сонъ и лѣнь,
Но цѣпь житейскую почуя,
Воспрянулъ я — и негодуя,
Стихи текутъ. Такъ въ бурный день,
Прорѣзавъ тучи, лучъ заката
Сугубитъ блескъ своихъ огней,
И такъ рѣка, скалами сжата,
Бѣжитъ сердитѣй и звучнѣй!

Когда природа вся трепещетъ и сіяетъ,
Когда ея цвѣта ярки и горячи,
Душа бездѣйственно въ пространствѣ утопаетъ
И въ нѣгѣ врозь ея расходятся лучи.
Но въ скромный, тихій день, осеннею погодой,
Когда и воздухъ сѣръ, и тѣсенъ кругозоръ,
Не развлекаюсь я смиренною природой
И немощенъ ея на жизнь мою напоръ,
Мой трезвый умъ открытъ для сильныхъ вдохновеній,
Сосредоточенъ, я живу въ себѣ самомъ,
И сжатая мечта зоветъ толпы видѣній,
Какъ зажигательнымъ рождая ихъ стекломъ.
Винтовку снявъ съ гвоздя, я оставляю домъ,
Иду межъ озимей, чернѣющей дорогой,
Смотрю на кучу скирдъ, на сломанный заборъ,
На прудъ и мельницу, на дикій косогоръ,
На берегъ ручейка, болотисто-отлогій,
И въ ближній лѣсъ вхожу. Тамъ покраснѣвшій кленъ,
Еще зеленый дубъ и желтыя березы
Печально на меня свои стряхаютъ слезы;
Но далѣ я иду, въ мечтанья погруженъ,
И виснутъ надо мной полунагіе сучья,
А мысли между тѣмъ слагаются въ созвучья,

Свободныя слова тѣснятся въ мѣрный строй,
И на душѣ легко, и сладостно, и странно,
И тихо все кругомъ, и подъ моей ногой
Такъ мягко мокрый листъ шумитъ благоуханный...

Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышетъ,
Гдѣ рѣки льются чище серебра,
Гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ,
Въ вишневыхъ рощахъ тонутъ хутора,
Среди садовъ деревья гнутся долу,
И до земли виситъ ихъ плодъ тяжелый?

Шумя тростникъ надъ озеромъ трепещетъ,
И чистъ, и тихъ, и ясенъ сводъ небесъ,
Косарь поетъ, коса звенитъ и блещетъ,
Вдоль берега стоитъ кудрявый лѣсъ,
И къ облакамъ, клубяся надъ водою,
Бѣжитъ дымокъ синѣющей струею?

Туда, туда всѣмъ сердцемъ я стремлюся,
Туда, гдѣ сердцу было такъ легко,
Гдѣ изъ цвѣтовъ вѣнокъ плететъ Маруся,
О старинѣ поетъ слѣпой Грицко,
И парубки, кружась на пожнѣ гладкой,
Взрываютъ пыль веселою присядкой?

Ты знаешь край, гдѣ нивы золотыя
Испещрены лазурью васильковъ,
Среди степей курганъ временъ Батыя,
Вдали стада пасущихся воловъ,
Обозовъ скрыпъ, ковры цвѣтущей гречи,
И вы, чубы, остатки славной Сѣчи!

Ты знаешь край, гдѣ утромъ въ воскресенье,
Когда росой подсолнечникъ блеститъ,
Такъ звонко льется жаворонка пѣнье,
Стада блеятъ, а колоколъ гудитъ,
И въ Божій храмъ, увѣнчаны цвѣтами,
Идутъ казачки пестрыми толпами?

Ты помнишь ночь надъ спящею Украйной,
Когда сѣдой вставалъ съ болота паръ,
Одѣтъ былъ міръ и сумракомъ и тайной
Блисталъ надъ степью искрами стожаръ,
И мнилось намъ: черезъ туманъ прозрачный
Несутся вновь Палѣй и Сагайдачный?

Ты знаешь край, гдѣ съ Русью бились Ляхи,
Гдѣ столько тѣлъ лежало средь полей?
Ты знаешь край, гдѣ нѣкогда у плахи
Мазепу клялъ упрямый Кочубей?
И много гдѣ пролито крови славной
Въ честь древнихъ правъ и вѣры православной.

Ты знаешь край, гдѣ Сеймъ печально воды
Межъ береговъ осиротѣлыхъ льетъ?
Надъ нимъ дворца разрушенные своды,
Густой травой давно заросшій входъ?
Надъ дверью щитъ съ гетманской булавою?
Туда, туда стремлюся я душою!

ЦЫГАНСКІЯ ПѢСНИ.

Изъ Индіи дальной
На Русь прилетѣвъ,
Со степью печальной
Ихъ свыкся напѣвъ,

Свободные звуки,
Журча, потекли,
И дышатъ разлукой
Отъ лучшей земли.

Не знаю, оттуда-ль
Ихъ нѣга звучитъ,
Но русская удаль
Въ нихъ бьетъ и кипитъ;

Въ нихъ голосъ природы,
Въ нихъ гнѣва языкъ,
Въ нихъ дѣтскіе годы,
Въ нихъ радости крикъ;

Желаній въ нихъ знойный
Я вихрь узнаю,
И отдыхъ спокойный
Въ счастливомъ краю;

Бенгальскія розы,
Свѣтъ южныхъ лучей,
Степные обозы,
Полетъ журавлей,

И грозный шумъ сѣчи,
И шопотъ струи,
И тихія рѣчи,
Маруся, твои!

Шумитъ на дворѣ непогода,
А въ домѣ давно уже спятъ;
Къ окошку, вздохнувъ, подхожу я:
Чуть видѣнъ чернѣющій садъ;

На небѣ такъ темно, такъ темно,
И звѣздочки нѣтъ ни одной,
А въ домѣ старинномъ такъ грустно
Среди непогоды ночной!

Дождь бьетъ, барабаня, по крышѣ,
Хрустальныя люстры дрожатъ,
За шкапомъ проворныя мыши
Въ бумажныхъ обояхъ шумятъ;

Онѣ себѣ чуютъ раздолье:
Какъ скоро хозяинъ умретъ,
Наслѣдникъ покинетъ помѣстье,
Гдѣ жилъ его доблестный родъ,

И домъ навсегда запустѣетъ,
Заглохнутъ ступени травой....
И думать объ этомъ такъ грустно
Среди непогоды ночной!

Боръ сосновый въ странѣ одинокой стоитъ;
Въ немъ ручей межъ деревьевъ бѣжитъ и журчитъ.
Я люблю тотъ ручей, я люблю ту страну,
Я люблю въ томъ лѣсу вспоминать старину.
«Приходи вечеркомъ въ боръ дремучій тайкомъ,
«На зеленомъ садись берегу ты моемъ!
«Много лѣтъ я бѣгу, разсказать я могу
«Что́ случилось когда на моемъ берегу,
«Изъ сокрытой страны я сюда прибѣжалъ,
«Я чудеснаго много дорогой узналъ!
«Когда солнце зайдетъ, когда мѣсяцъ взойдетъ,
«И звѣзда средь моихъ закачается водъ,
«Приходи ты тайкомъ, ты узнаешь о томъ,
«Что́ бываетъ порой здѣсь въ туманѣ ночномъ!»
Такъ шепталъ, и журчалъ, и бѣжалъ ручеёкъ;
На ружье опершись, я стоялъ одинокъ,
И лишь говоръ струи тишину прерывалъ,
И о прежнихъ я грустно годахъ вспоминалъ.

Колокольчики мои,
Цвѣтики степные!
Что́ глядите на меня,
Темноголубые?
И о чемъ звените вы
Въ день веселый мая,
Средъ некошеной травы
Головой качая?

Конь несетъ меня стрѣлой
На полѣ открытомъ,
Онъ васъ топчетъ подъ собой,
Бьетъ своимъ копытомъ.
Колокольчики мои,
Цвѣтики степные,
Не кляните вы меня,
Темноголубые!

Я бы радъ васъ не топтать,
Радъ промчаться мимо,
Но уздой не удержать
Бѣгъ неукротимый!
Я лечу, лечу стрѣлой,

Только пыль взметаю,
Конь несетъ меня лихой,
А куда — не знаю!

Онъ ученымъ ѣздокомъ
Не воспитанъ въ холѣ,
Онъ съ буранами знакомъ,
Выросъ въ чистомъ полѣ,
И не блещетъ какъ огонь
Твой чепракъ узорный,
Конь мой, конь, славянскій конь,
Дикій, непокорный!

Есть намъ, конь, съ тобой просторъ!
Міръ забывши тѣсный,
Мы летимъ во весь опоръ
Къ цѣли неизвѣстной!
Чѣмъ окончится нашъ бѣгъ?
Радостью-ль? Кручиной?
Знать не можетъ человѣкъ —
Знаетъ Богъ единый!

Упаду-ль на солончакъ
Умирать отъ зною?
Или злой Киргизъ-Кайласъ,
Съ бритой головою,
Молча, свой натянетъ лукъ,
Лежа подъ травою,
И меня догонитъ вдругъ
Мѣдною стрѣлою?

Иль влетимъ мы въ свѣтлый градъ
Со кремлемъ престольнымъ?
Чудно улицы гудятъ
Гуломъ колокольнымъ,
И на площади народъ,
Въ шумномъ ожиданьи,
Видитъ: съ запада идетъ
Свѣтлое посланье?

Въ кунтушахъ и въ чекменяхъ,
Съ чубами, съ усами,
Гости ѣдутъ на коняхъ,
Машутъ булавами,
Подбочась, за строемъ строй
Чинно выступаетъ,
Рукава ихъ за спиной
Вѣтеръ раздуваетъ.

И хозяинъ на крыльцо
Вышелъ величавый;
Его свѣтлое лицо
Блещетъ новой славой;
Всѣхъ его исполнилъ видъ
И любви и страха,
На челѣ его горитъ
Шапка Мономаха.

«Хлѣбъ да соль! И въ добрый часъ!»
Говоритъ державный,
«Долго, дѣти, ждалъ я васъ

«Въ городъ православный!»
И они ему въ отвѣтъ:
«Наша кровь едина,
«И въ тебѣ мы съ давнихъ лѣтъ
«Чаемъ господина!»

Громче звонъ колоколовъ,
Гусли раздаются,
Гости сѣли вкругъ столовъ,
Медъ и брага льются,
Шумъ летитъ на дальній югъ
Къ Туркѣ и къ Венгерцу —
И ковшей славянскихъ звукъ
Нѣмцамъ не по сердцу!

Гой вы, цвѣтики мои,
Цвѣтики степные,
Чтó глядите на меня,
Темноголубые?
И о чемъ грустите вы
Въ день веселый Мая,
Средь некошеной травы
Головой качая?

Ой стоги̂, стоги̂,
На лугу широкомъ,
Васъ не перечесть
Не окинуть окомъ!

Ой стоги̂, стоги̂
Въ зеленомъ болотѣ,
Стоя на часахъ,
Что́ вы стережете?

Добрый человѣкъ,
Были мы цвѣтами,
Покосили насъ
Острыми косами.

Раскидали насъ
Посрединѣ луга,
Раскидали врозь
Далѣ другъ отъ друга.

Отъ лихихъ гостей
Нѣтъ намъ обороны,
На главахъ у насъ
Черныя вороны.

На главахъ у насъ,
Затмѣвая звѣзды,
Галокъ стая вьетъ
Поганыя гнѣзда.

Ой орелъ, орелъ,
Нашъ отецъ далекій,
Опустися къ намъ,
Грозный, свѣтлоокій!

Ой орелъ, орелъ,
Внемли нашимъ стонамъ!
Долѣ насъ срамить
Не давай воронамъ!

Накажи скорѣй
Ихъ высокомѣрье,
Съ неба въ нихъ ударь,
Чтобъ летѣли перья,

Чтобъ летѣли врозь,
Чтобъ въ степи широкой
Вѣтеръ ихъ разнесъ
Далеко, далеко!

---

*

По греблѣ неровной и тряской,
Вдоль мокрыхъ рыбачьихъ сѣтей,
Дорожная ѣдетъ коляска,
Сижу я задумчиво въ ней;

Сижу и смотрю я дорогой
На сѣрый и пасмурный день,
На озера берегъ отлогій,
На дальній дымокъ деревень.

По греблѣ, со взглядомъ угрюмымъ,
Проходитъ оборванный жидъ;
Изъ озера съ пѣной и шумомъ
Вода черезъ греблю бѣжитъ;

Тамъ мальчикъ играетъ на дудкѣ,
Забравшись въ зеленый тростникъ;
Въ испугѣ взлетѣвшія утки
Надъ озеромъ подняли крикъ;

Близъ мельницы старой и шаткой
Сидятъ на травѣ мужики;
Телѣга съ разбитой лошадкой
Лѣниво подвозитъ мѣшки.....

Мнѣ кажется все такъ знакомо,
Хоть не̇ былъ я здѣсь никогда,
И крыша далекаго дома,
И мальчикъ, и лѣсъ, и вода,

И мельницы говоръ унылый,
И ветхое въ полѣ гумно,
Все это когда-то ужъ было,
Но мною забыто давно.

Такъ точно ступала лошадка,
Такіе-жъ тащила мѣшки;
Такіе-жъ у мельницы шаткой
Сидѣли въ травѣ мужики;

И такъ-же шелъ жидъ бородатый,
И такъ-же шумѣла вода —
Все это ужъ было когда-то,
Но только не помню когда.....

Что̀ за грустная обитель,
И какой знакомый видъ!
За стѣной храпитъ смотритель,
Сонно маятникъ стучитъ;

Стукнетъ вправо, стукнетъ влѣво,
Будитъ мыслей длинный рядъ;
Въ немъ разсказы и напѣвы
Затверженные звучатъ.

А въ подсвѣчникѣ пылаетъ
Догорѣвшая свѣча,
Гдѣ-то песъ далеко лаетъ,
Ходитъ маятникъ, стуча;

Стукнетъ влѣво, стукнетъ вправо,
Все твердитъ о старинѣ;
Грустно такъ! Не знаю право
На яву я иль во снѣ?

Вотъ ужъ лошади готовы —
Сѣлъ въ кибитку и скачу —
Полно, такъ-ли? Вижу снова
Ту-же сальную свѣчу,

Край ты мой, родимый край!
Конскій бѣгъ на волѣ!
Въ небѣ крикъ орлиныхъ стай!
Волчій голосъ въ полѣ!

Гой ты, родина моя!
Гой ты, боръ дремучій!
Свистъ полночный соловья!
Вѣтеръ, степь да тучи!

Ту-же грустную обитель
И кругомъ знакомый видъ,
За стѣной храпитъ смотритель,
Сонно маятникъ стучитъ.....

Замолкнулъ громъ, шумѣть гроза устала,
Свѣтлѣютъ небеса,
Межъ черныхъ тучь привѣтно засіяла
Лазури полоса;

Еще дрожатъ цвѣты, полны водою
И пылью золотой—
О, не топчи ихъ съ новою враждою
Презрительной пятой!

Пусть тотъ, чья честь не безъ укора,
Страшится мнѣнія людей;
Пусть ищетъ шаткой онъ опоры
Въ рукоплесканіяхъ друзей!
Но кто въ самомъ себѣ увѣренъ,
Того хулы не потрясутъ;
Его глаголъ нелицемѣренъ,
Ему чужой не нуженъ судъ.

Ни предъ какой земною властью
Своей онъ мысли не таитъ,
Не льститъ неправому пристрастью,
Враждѣ неправой не кадитъ.
Ни предъ вѣнчанными царями,
Ни предъ судилищемъ молвы,
Онъ не торгуется словами,
Не клонитъ рабски головы.

Друзьямъ въ угодность, боязливо
Онъ никому не шлетъ укоръ;
Когдажъ-жъ толпа несправедливо
Свой постановитъ приговоръ,

Одинъ, не слѣдуя за нею,
Предъ тѣмъ, что чисто и свѣтло,
Дерзаетъ онъ, благоговѣя,
Склонить свободное чело.

Тщетно, художникъ, ты мнишь, что твореній своихъ ты создатель!
Вѣчно носились они надъ землею, незримыя оку.
Нѣтъ, то не Фидій воздвигъ олимпійскаго славнаго Зевса!
Фидій-ли выдумалъ это чело, эту львиную гриву,
Ласковый, царственный взоръ изъ подъ мрака бровей громоносныхъ?
Нѣтъ, то не Гёте великаго Фауста создалъ, который,
Въ древне-германской одеждѣ, но въ правдѣ глубокой, вселенской,
Съ образомъ сходенъ предвѣчнымъ своимъ отъ слова до слова!
Или Бетговенъ, когда находилъ онъ свой маршъ похоронный,
Бралъ изъ себя этотъ рядъ раздирающихъ сердце аккордовъ,
Плачъ неутѣшной души надъ погибшей великою мыслью,
Рушенье свѣтлыхъ міровъ въ безнадежную бездну хаоса?
Нѣтъ, эти звуки рыдали всегда въ безпрерывномъ пространствѣ,
Онъ-же, глухой для земли, неземныя подслушалъ рыданья.
Много въ пространствѣ невидимыхъ формъ и неслышимыхъ звуковъ,
Много чудесныхъ въ немъ есть сочетаній и слова и свѣта,
Но передастъ ихъ лишь тотъ, кто умѣетъ и видѣть и слышать,
Кто, уловивъ лишь рисунка черту, лишь созвучье, лишь слово,

Цѣлое съ нимъ вовлекаетъ созданье въ нашъ міръ удивленный.
О, окружи себя мракомъ, поэтъ, окружися молчаньемъ,
Будь одинокъ и слѣпъ какъ Гомеръ, и глухъ какъ Бетговенъ,
Слухъ-же душевный сильнѣй напрягай и душевное зрѣнье,
И, какъ надъ пламенемъ грамоты тайной безцвѣтныя строки
Вдругъ выступаютъ, такъ выступятъ вдругъ предъ тобою картины,
Выйдутъ изъ мрака все ярче цвѣта, осязательнѣй формы,
Стройныя словъ сочетанія въ ясномъ сплетутся значеньи—
Ты-жъ въ этотъ мигъ и внимай и гляди, притаивши дыханье,
И созидая потомъ, мимолетное помни видѣнье!

———

Онъ водилъ по струнамъ; упадали
Волоса на безумныя очи;
Звуки скрыпки такъ дивно звучали,
Разливаясь въ безмолвіи ночи.
Въ нихъ разсказъ убѣдительно-лживый
Развивалъ невозможную повѣсть,
И змѣинаго цвѣта отливы
Соблазняли и мучили совѣсть.
Обвиняющій слышался голосъ,
И рыдали въ отвѣтъ оправданья,
И безсильная воля боролась
Съ возрастающей бурей желанья;
И въ туманныхъ волнахъ рисовались
Берега позабытой отчизны,
Неземныя слова раздавались
И манили назадъ съ укоризной;
И такъ билося сердце тревожно,
Такъ ему становилось понятно
Все блаженство, что было возможно
И потеряно такъ невозвратно;
И къ себѣ безпощадная бездна
Свою жертву, казалось, тянула,
А стезею лазурной и звѣздной
Ужъ полъ-неба луна обогнула;

Звуки пѣли, дрожали такъ звонко,
Замирали и пѣли сначала,
Бѣглымъ пламенемъ синяя жженка
Музыканта лицо освѣщала......

Горними тихо летѣла душа небесами,
Грустныя долу она опускала рѣсницы;
Слезы въ пространство отъ нихъ упадая звѣздами,
Свѣтлой и длинной вилися за ней вереницей.

Встрѣчныя тихо ее вопрошали свѣтила:
Что ты грустна? и о чемъ эти слезы во взорѣ?
Имъ отвѣчала она: Я земли не забыла,
Много оставила тамъ я страданья и горя.

Здѣсь я лишь ликамъ блаженства и радости внемлю,
Праведныхъ души не знаютъ ни скорби, ни злобы—
О отпусти меня снова, Создатель, на землю,
Было-бъ о комъ пожалѣть и утѣшить кого-бы.

Змѣя, что по скаламъ влечешь свои извивы
И между травъ скользишь, обманывая взоръ,
Помедли, дай списать чешуйный твой узоръ.
Хочу для дѣвы я холодной и красивой
Счеканить по тебѣ причудливый уборъ.
Пускай, когда она, скользя зарей вечерней,
Къ сопернику тайкомъ счастливому пойдетъ,
Пускай блеститъ, какъ ты, и въ золотѣ и въ черни,
И пестрый твой въ травѣ напоминаетъ ходъ.

---

*

Есть много звуковъ въ сердца глубинѣ,
Неясныхъ думъ, непѣтыхъ пѣсней много;
Но заглушаетъ вѣчно ихъ во мнѣ
Заботъ немолчныхъ скучная тревога.

Тяжелъ ея непрошенный напоръ,
Издавна сердце съ жизнію боролось—
Но жизнь шумитъ, какъ вихорь ломитъ боръ—
Какъ ропотъ струй, такъ шепчетъ сердца голосъ.

Сердце, сильнѣй разгораясь отъ году до году,
Брошено въ свѣтскую жизнь какъ въ студеную воду.
Въ ней, какъ желѣзо въ раскалѣ, оно закипѣло:
Сдѣлала, жизнь, ты со мною недоброе дѣло!
Буду кипѣть, негодуя, тоской и печалью—
Все-же не стану блестящей, холодною сталью.

Ужъ ты нива моя, нивушка,
Не скосить тебя съ маху единаго,
Не связать тебя всю во единый снопъ!
Ужъ вы думы мои, думушки,
Не стряхнуть васъ разомъ съ плечь долой,
Одной рѣчью-то васъ не высказать!
По тебѣ-ль, нива, вѣтеръ разгуливалъ,
Гнулъ колосья твои до́-земли,
Зрѣлы зерна всѣ разметывалъ!
Широко вы, думы, поразсыпались,
Куда пала какая думушка,
Тамъ всходила люта печаль-трава,
Выростало горе горючее.

Дождя отшумѣвшаго капли
Тихонько по листьямъ текли,
Тихонько шептались деревья,
Кукушка кричала вдали.

Луна на меня изъ-за тучи
Смотрѣла, какъ будто въ слезахъ,
Сидѣлъ я подъ кленомъ и думалъ,
И думалъ о прежнихъ годахъ.

Не знаю, была-ли въ тѣ годы
Душа непорочна моя,
Но многому-бъ я не повѣрилъ,
Не сдѣлалъ-бы многаго я;

Теперь-же мнѣ стали понятны
Обманъ, и коварство, и зло,
И многія свѣтлыя мысли
Одну за другой унесло.

Такъ думалъ о дняхъ я минувшихъ,
О дняхъ, когда былъ я добрѣй,
А въ листьяхъ высокаго клена
Сидѣлъ надо мной соловей,

И пѣлъ онъ такъ нѣжно и страстно,
Какъ будто хотѣлъ онъ сказать:
«Утѣшься, не сѣтуй напрасно,
«То время вернется опять.»

Грядой клубится бѣлою
Надъ озеромъ туманъ;
Тоскою добрый молодецъ
И горемъ обуянъ.

Не до́-вѣку бѣлѣется
Туманная гряда,
Разсѣется, развѣется,
А горе никогда!

Двухъ становъ не боецъ, но только гость случайный,
За правду я-бы радъ поднять мой добрый мечъ,
Но споръ съ обоими досель мой жребій тайный
И къ клятвѣ ни одинъ не могъ меня привлечь;
Союза полнаго не будетъ между нами —
Не купленный никѣмъ, подъ чье-бъ ни сталъ я знамя,
Пристрастной ревности друзей не въ силахъ снесть,
Я знамени врага отстаивалъ бы честь!

Лишь только одинъ я останусь съ собою,
Меня голоса призываютъ толпою,
Которому жъ голосу отповѣдь дамъ?
Въ сомнѣніи рвется душа пополамъ.
Совѣтовъ, угрозъ, обѣщаній такъ много,
Но гдѣ-же прямая, святая дорога?
Съ мучительной думой стою на пути—
Не знаю на право-ль, на лѣво-ль идти?
Махни ужъ рукой да иди, не робѣя,
На голосъ, который всѣхъ манитъ сильнѣе,
Который немолчно, вблизи, вдалекѣ,
Съ тобой говоритъ на родномъ языкѣ!

Деревцо мое миндальное
Все цвѣтами убирается,
Въ сердцѣ думушка печальная
По неволѣ зарождается;

Деревцомъ цвѣты обронятся,
И созрѣетъ плодъ непрошенный,
И зеленое наклонится
До земли подъ горькой ношею!

Въ совѣсти искалъ я долго обвиненья,
Горестное сердце вопрошалъ довольно—
Чисты мои мысли, чисты побужденья,
А на свѣтѣ жить мнѣ тяжело и больно!

Каждый звукъ случайный я ловлю пытливо;
Пѣсня-ли раздастся на селѣ далекомъ,
Вѣтеръ-ли всколышетъ золотую ниву,
Каждый звукъ неяснымъ мнѣ звучитъ упрекомъ.

Залегло глубоко смутное сомнѣнье,
И душа собою вѣчно недовольна;
Нѣтъ ей приговора, нѣтъ ей примиренья,
И на свѣтѣ жить мнѣ тяжело и больно!

Согласить я силюсь чтó несогласимо,
Но напрасно разумъ бьется и хлопочетъ:
Горестная чаша не проходитъ мимо,
Ни къ устамъ зовущимъ низойти не хочетъ.

Господь, меня готовя къ бою,
Любовь и гнѣвъ вложилъ мнѣ въ грудь,
И мнѣ десницею святою
Онъ указалъ правдивый путь,
Одушевилъ могучимъ словомъ,
Вдохнулъ мнѣ въ сердце много силъ,
Но непреклоннымъ и суровымъ
Меня Господь не сотворилъ.
И гнѣвъ я свой истратилъ даромъ,
Любовь не выдержалъ свою,
Ударъ напрасно за ударомъ
Я отбивая, устаю.
Навстрѣчу ихъ враждебной вьюгѣ
Я вышелъ въ поле безъ кольчуги
И гибну, раненный въ бою!

Хорошо, братцы, тому на свѣтѣ жить,
У кого въ головѣ добра не много есть,
А сидитъ тамъ одно-одинешенько,
А и сидитъ оно крѣпко-нá-крѣпко,
Словно гвоздь обухомъ вколоченный.
И глядитъ ужъ онъ на свое добро,
Все глядитъ на него, не спуская глазъ,
И не смотритъ по сторонушкамъ,
А знай претъ впередъ, на проломъ идетъ,
Давитъ встрѣчнаго поперечнаго.

А бѣда тому, братцы, на свѣтѣ жить,
Кому Богъ далъ очи зоркія,
Кому видѣть далъ во всѣ стороны.
И тѣ очи у него разбѣгаются;
И кажись хорошо, а лучше есть!
А и худо кажись, не безъ добраго!
И дойдетъ онъ до распутьица,
Не одну видитъ въ полѣ дороженьку;
И онъ станетъ, призадумается,
И пойдетъ впередъ, воротится,
Начинаетъ идти съизнова;
А дорогою-то засмотрится
На луга, на лѣса зеленые,

Залюбуется на божьи цвѣтики
И заслушается вольныхъ пташечекъ.
И всѣ люди его корятъ, бранятъ:
«Ишь, идетъ, молъ, озирается,
«Ишь, стоитъ, молъ, призадумался,
«Ему-бъ мѣрить все да взвѣшивать,
«На всѣ боки-бы поворачивать.
«Не бывать ему воеводою,
«Не бывать ему посадникомъ,
«Думнымъ дьякомъ не бывать ему,
«Ни торговымъ дѣломъ не правити!»

Ой честь-ли то молодцу лёнъ прясти?
А и хвала-ли боярину кичку носить?
Воеводѣ по́-воду ходить?
Гусляру-пѣвуну во приказѣ сидѣть,
Во приказѣ сидѣть, потолокъ коптить?

Ой коня-бъ ему, гусли-бъ звонкія!
Ой въ луга-бъ ему, во зеленый боръ,
Черезъ рѣченьку да въ темный садъ,
Гдѣ соловушка на черемушкѣ
Цѣлу ноченьку на пролётъ поетъ!

Не божіимъ громомъ горе ударило,
Не тяжелой скалой навалилося,
Собиралось оно малыми тучками,
Затянули тучки небо ясное,
Посѣяло горе мелкимъ дождичкомъ,
Мелкимъ дождичкомъ осенніимъ.
А и сѣетъ оно давнымъ-давно,
И сѣчетъ оно безъ умолку,
Безъ умолку, безъ устали,
Безъ конца сѣчетъ, безъ отдыха;
Проняло насквозь добра молодца,
Проняло дрожью холодною,
Лихорадкою, лихоманкою,
Сонъ-дремотою, зѣвотою.
Уже полно, горе, дубъ ломать по прутикамъ,
Щипати по листикамъ!
А и бывало-же другимъ счастьице:
Налетало горе вихремъ-бурею,
Ворочало горе дубы съ корнемъ вонъ.

Разсѣвается, разступается
Грусть подъ думами, подъ могучими,
Въ душу темную пробивается
Словно солнышко между тучами.

Ой-ли, молодецъ, не разступится,
Не разсѣется ночь осенняя, —
Скоро свѣдаешь чѣмъ искупится
Непоказанный мигъ веселія!

Прикачнулася, привалилася
Къ сердцу съизнова грусть обычная,
И головушка вновь склонилася,
Безталанная, горемычная.

———

*

О не пытайся духъ унять тревожный!
Твою тоску я знаю съ давнихъ поръ, —
Твоей душѣ покорность невозможна,
Она болитъ и рвется на просторъ.

Но всѣ ея невидимыя муки,
Нестройный гулъ сомнѣній и заботъ,
Всѣ межъ собой враждующіе звуки,
Послѣдній часъ въ созвучіе сольетъ;

Въ одинъ порывъ смѣшаетъ въ сердцѣ гордомъ
Всѣ чувства, врозь которыя звучатъ,
И разрѣшитъ торжественнымъ аккордомъ
Ихъ голосовъ мучительный разладъ.

Ты невѣдомое, незнамое,
Безъ виду, безъ образа,
Безъ имени-прозвища,
Полно гнуть меня ко сырой землѣ,
Донимать меня, добра молодца!
Какъ съ утра-то встану здоровешенекъ,
Здоровешенекъ, кажись, гору сдвинулъ-бы;
А къ полудню уже руки опущаются,
Ноги словно ко землѣ приросли.
А подходитъ оно безъ оклика,
Межъ хотѣнья и дѣла втирается,
Говоритъ: Не спѣши, добрый молодецъ,
«Еще много впереди времени!»
И субботу называетъ пятницей,
Ѳомину недѣлю свѣтлымъ праздникомъ.
Я пущуся-ли въ путь дороженьку,
Анъ оно повело проселками,
На полъ-пути корчмой выросло.
Я за дѣло примусь, анъ оно мухою
Передъ носомъ снуетъ, извивается.
А потомъ тебѣ-же насмѣхается:
«Ой удалъ-силенъ добрый молодецъ,»
«Еще много-ли на боку полежано,
«Силы-удали понакоплено,

«Отговорокъ-то понахожено?
«А и много-ли богатырскихъ дѣлъ
«На печи сидючи, понадумано,
«Вахлаками другихъ поругано,
«Себѣ спину почесано?»

Я задремалъ, главу понуря,
И прежнихъ силъ не узнаю;
Дохни, Господь, живящей бурей
На душу сонную мою!

Какъ гласъ упрека, надо мною
Свой громъ призывный прокати,
И выжми ржавчину покоя,
И прахъ бездѣйствія смети!

Да вспряну я, тобой подъятый,
И внявъ карающимъ словамъ,
Какъ камень отъ удара млата,
Огонь таившійся издамъ!

Бываютъ дни, когда злой духъ меня тревожитъ
И шепчетъ на ухо неясныя слова,
И къ небу вознестись душа моя не можетъ,
И отягченная склоняется глава.
И онъ, не вѣдая ни радости, ни вѣры,
Въ меня вдыхаетъ злость — къ кому? не знаю самъ,
И лживымъ зеркаломъ могучіе размѣры
Лукаво придаетъ ничтожнымъ мелочамъ.
Вкругу моихъ друзей со мной сидитъ онъ рядомъ,
Веселость имъ у насъ на долго отнята,
И сердце онъ мое напитываетъ ядомъ
И рѣчи горькія влагаетъ мнѣ въ уста,
И все что есть во мнѣ порочнаго и злаго,
Клубится и растетъ, все гуще и мрачнѣй,
И застилаетъ тьмой сіянье дня роднаго,
И неба синеву, и золото полей,
Въ пустыню грустную и въ ночь преобразуя
Все то, чтó я люблю, чѣмъ вѣрю и живу я.

Нѣтъ, ужъ не вѣдать мнѣ, братцы, ни сна, ни покоя!
Съ жизнью бороться приходится, съ бабой-ягою!
Старая крѣпко меня за бока ухватила,
Сломится, такъ и гляжу, молодецкая сила!
Пусть-бы хоть молча, а то вѣдь накинулась съ бранью,
Слухъ утомляетъ мнѣ, сплетница, всякою дрянью.
Охъ насолили мнѣ дрязги и мелочи эти!
Баба, постой, погоди, не одна ты на свѣтѣ!
Сила и воля нужны мнѣ для боя инаго —
Послѣ, пожалуй, съ тобою мы схватимся снова!

Сижу да гляжу я все, братцы, вонъ въ эту сторонку,
Гдѣ катятся волны, одна за другой въ перегонку.
Волна погоняетъ волну среди бурнаго моря,
Что́ день, то за горемъ все новое валится горе,
Сижу я и думаю: Что́ мнѣ тужить за охота,
Коль завтра прогонитъ заботу другая забота?
Вѣдь надобно-жъ мѣсто все новымъ да новымъ кручи-
намъ —
Такъ что́-же тужить, коли клинъ выбивается клиномъ?

Вздымаются волны какъ горы
И къ тверди возносятся звѣздной,
И съ ужасомъ падаютъ взоры
Въ мгновенно разрытыя бездны.

Подобная страсти, не знаетъ
Средины тревожная сила,
То къ небу, то въ пропасть бросаетъ
Ладью безъ весла и кормила.

Не вѣрь-же, ко звѣздамъ взлетая,
Высокой избранника долѣ,
Не вѣрь, въ глубину ниспадая,
Что звѣздъ не увидишь ты болѣ!

Стихіи безбрежной, бездонной,
Уймется волненье, и вскорѣ
Въ свой уровень снова законный
Войдетъ примиренное море.

Дробится и плещетъ и брызжетъ волна
Мнѣ въ очи соленою влагой;
Недвижно на камнѣ сижу я — полна
Душа безотчетной отвагой.

Валы за валами, прибой и отбой,
И пѣна ихъ гребни покрыла —
О море, кого-же мнѣ вызвать на бой,
Извѣдать воскресшія силы?

Почуяло сердце, что жизнь хороша,
Вы, волны, размыкали горе,
Отъ грома и плеска проснулась душа —
Съ родни ей шумящее море!

Не пѣнится море, не плещетъ волна,
Деревья листами не двинутъ;
На глади прозрачной царитъ тишина,
Какъ въ зеркалѣ міръ опрокинутъ.

Сижу я на камнѣ; висятъ облака,
Недвижныя, въ синемъ просторѣ;
Душа безмятежна, душа глубока —
Съ родни ей спокойное море!

Выростаетъ дума, словно дерево,
Вроетъ въ сердцѣ корни глубокіе,
По поднебесью вѣтвями раскинется,
Задрожитъ, зашумитъ тучей листіевъ,
Сердце знаетъ ту думу крѣпкую,
Что оно взростило, взлелѣяло,
Разумъ сможетъ ту думу окинути,
Сможетъ слово ту думу высказать.
А какая то другая думушка,
Что ни высказать, ни вымѣрить,
Ни обнять умомъ, ни окинути?
Промелькнетъ она безъ образа,
Вспыхнетъ дальнею зарницею,
Озаритъ на мигъ душу темную,
Много вспомнится забытаго,
Много смутнаго, непонятнаго,
Въ мигъ тотъ ясно сердцу скажется,
А рванешься за ней, погонишься —
Только очи ее и видѣли,
Только сердце ее и чуяло!
Не поймать на лету вѣтру буйнаго,
Тѣнь отъ облака летучаго
Не прибить гвоздемъ ко сырой землѣ!

Что ни день, какъ поломя со влагой,
Такъ унынье борется съ отвагой,
Жизнь бѣжитъ то круто, то отлого,
Вьется вдаль неровною дорогой,
Отъ безпечной удали къ заботамъ
Переходитъ пестрымъ переплетомъ,
Думы ткутъ, то въ солнцѣ, то въ туманѣ,
Золотой узоръ на темной ткани.

Я васъ узналъ, святыя убѣжденья,
Вы, спутники моихъ минувшихъ дней,
Когда за бѣглой не гоняясь тѣнью,
И думалъ я и чувствовалъ вѣрнѣй,
И юною душою ясно видѣлъ
Все, что́ любилъ и все, что́ ненавидѣлъ!

Средь міра лжи, средь міра мнѣ чужаго,
Не навсегда моя остыла кровь;
Пришла пора — и вы воскресли снова,
Мой прежній гнѣвъ и прежняя любовь!
Разсѣялся туманъ и, славу Богу,
Я выхожу на старую дорогу.

По прежнему сіяетъ правды сила,
Ее сомнѣнья болѣ не затмятъ,
Неровный кругъ планета совершила
И къ солнцу снова катится назадъ.
Зима прошла, природа зеленѣетъ,
Луга цвѣтутъ, весной душистой вѣетъ...

Звонче жаворонка пѣнье,
Ярче вешніе цвѣты,
Сердце полно вдохновенья,
Небо полно красоты.

Разорвавъ тоски оковы,
Цѣпи пошлыя разбивъ,
Набѣгаетъ жизни новой
Торжествующій приливъ,

И звучитъ свѣжо и юно
Новыхъ силъ могучій строй,
Какъ натянутыя струны
Между небомъ и землей.

Коль любить, такъ безъ разсудку,
Коль грозить, такъ не на шутку,
Коль ругнуть, такъ сгоряча,
Коль рубнуть, такъ ужъ сплеча!

Коли спорить, такъ ужъ смѣло,
Коль карать, такъ ужъ за дѣло,
Коль простить, такъ всей душой,
Коли пиръ, такъ пиръ горой!

Ты помнишь-ли, Марія,
Одинъ старинный домъ,
И липы вѣковыя
Надъ дремлющимъ прудомъ?

Безмолвныя аллеи,
Заглохшій, старый садъ,
Въ высокой галереи
Портретовъ длиный рядъ?

Ты помнишь-ли, Марія,
Вечерній небосклонъ,
Равнины полевыя,
Села далекій звонъ?

За садомъ берегъ чистый,
Спокойный бѣгъ рѣки,
На нивѣ золотистой
Степные васильки?

*

И рощу, гдѣ впервые
Бродили мы одни?
Ты помнишь - ли, Марія,
Утраченные дни?

Ты клонишь ликъ, о немъ упоминая,
И до чела твоя восходитъ кровь;
Не вѣрь себѣ! Сама того не зная,
Ты любишь въ немъ лишь первую любовь.

Ты не его въ немъ видишь совершенства,
И не собой привлечь тебя онъ могъ —
Лишь тайныхъ думъ, мученій и блаженства
Онъ для тебя отысканный предлогъ.

То лишь обманъ неопытнаго взора,
То жизни лучъ изъ сердца ярко бьетъ
И золотитъ, лаская безъ разбора
Все, чтó къ нему случайно подойдетъ.

Кабы знала я, кабы вѣдала,
Не смотрѣла-бы изъ окошечка
Я на мо́лодца разудалаго,
Какъ онъ ѣхалъ по нашей улицѣ,
На бекрень заломивши мурмолку,
Какъ лихаго коня буланаго,
Звонконогаго, долгогриваго,
Супротивъ оконъ на дыбы вздымалъ!
Кабы знала я, кабы вѣдала,
Для него-бы я не рядилася,
Съ золотой каймой ленту алую
Въ косу длинную не вплетала-бы,
Рано до́-свѣту не вставала-бы,
За околицу не спѣшила-бы,
Въ росѣ ноженьки не мочила-бы,
На проселокъ тотъ не глядѣла-бы,
Не проѣдетъ-ли тѣмъ проселкомъ онъ,
На рукѣ держа пестра сокола?
Кабы знала я, кабы вѣдала,
Не сидѣла-бы поздно вечеромъ,
Пригорюнившись, на завалинѣ,
На завалинѣ, близь колодезя,
Поджидаючи да гадаючи,
Не прійдетъ-ли онъ, ненаглядный мой,
Напоить коня студеной водой!

Острою сѣкирой ранена береза,
По корѣ серебристой покатились слезы.
Ты не плачь, береза, бѣдная, не сѣтуй,
Рана не смертельна, вылечишься къ лѣту,
Будешь красоваться, листьями убрана —
Лишь больное сердце не залечитъ раны.

Ужъ ты мать-тоска, горе-гореваньице,
Ты скажи, скажи, ты повѣдай мнѣ:
На добычу-то какъ выходишь ты?
Какъ сживаешь людъ божій со-свѣту?
Ты змѣей-ли ползешь подколодною?
Ты-ли бьешь съ неба бурымъ коршуномъ?
Сѣрымъ волкомъ-ли рыщешь по-полю?
Аль ты, горе, богатырь могучъ,
Выѣзжаешь со многой силою,
Выѣзжаешь со гридни и отроки?
Ужъ вскочу въ сѣдло, захвачу тугой лукъ,
Ужъ доѣду тебя, горе горючее,
Подстрѣлю тебя, тоску лютую!
— Полно, полно, добрый мо́лодецъ,
Бранью на́-вѣтеръ кидатися,
Неразумны слова выговаривать.
Я не волкомъ бѣгу, не змѣей ползу,
Я не коршуномъ бью изъ поднебесья.
Не съ дружиною выѣзжаю я,
Выступаю-то я красной дѣвицей,
Подхожу-то я молодицею,
Подношу чару, въ поясъ кланяюсь.
И ты самъ слѣзешь съ коня долой,

Красной дѣвицѣ отдашь поклонъ,
Выпьешь чару, отуманишься,
Отуманишься, сердцемъ всплачешься,
Ноги скорыя-то подкосятся
И тугой лукъ изъ рукъ выпадетъ.

Источникъ за вишневымъ садомъ,
Слѣды голыхъ дѣвичьихъ ногъ,
И тутъ-же оттиснулся рядомъ
Гвоздями подбитый сапогъ.

Все тихо на мѣстѣ ихъ встрѣчи,
Но чуетъ ревниво мой умъ
И шопотъ, и страстныя рѣчи,
И ведеръ расплесканныхъ шумъ....

Милый другъ, тебѣ не спится,
Душенъ комнатъ жаръ,
Неотвязчивый кружится
Надъ тобой комаръ....

Подойди сюда, къ окошку,
Все кругомъ молчитъ,
За оградою дорожку
Мѣсяцъ серебритъ;

Не скрыпятъ въ сѣняхъ ступени,
И въ саду темно,
Чуть замѣтно въ полу-тѣни
Дальнее гумно.

Встань, пріютъ тебя со мною
Тамъ спокойный ждетъ;
Сторожъ тамъ, звеня доскою,
Мимо не пройдетъ.

Не брани меня, мой другъ,
Гнѣвъ твой выразится худо;
Онъ мнѣ только нѣжитъ слухъ,
Я слова ловить лишь буду,
Какъ они польются вдругъ,
Такъ посыпятся, что чудо, —
Точно падаетъ жемчугъ
На серебряное блюдо!

Средь шумнаго бала, случайно,
Въ тревогѣ мірской суеты,
Тебя я увидѣлъ, но тайна
Твои покрывала черты;

Лишь очи печально глядѣли,
А голосъ такъ дивно звучалъ,
Какъ звонъ отдаленной свирѣли,
Какъ моря играющій валъ.

Мнѣ станъ твой понравился тонкій
И весь твой задумчивый видъ,
А смѣхъ твой, и грустный и звонкій,
Съ тѣхъ поръ въ моемъ сердцѣ звучитъ.

Въ часы одинокіе ночи
Люблю я, усталый, прилечь;
Я вижу печальныя очи,
Я слышу веселую рѣчь,

И грустно я такъ засыпаю,
И въ грезахъ невѣдомыхъ сплю.....
Люблю-ли тебя, я не знаю —
Но кажется мнѣ, что люблю!

Съ ружьемъ за плечами, одинъ, при лунѣ,
Я пó полю ѣду на добромъ конѣ.
Я бросилъ поводья, я мыслю о ней,
Ступай-же, мой конь, по травѣ веселѣй!
Я мыслю такъ тихо, такъ сладко, но вотъ
Невѣдомый спутникъ ко мнѣ пристаетъ,
Одѣтъ онъ какъ я, на такомъ-же конѣ,
Ружье за плечами блеститъ при лунѣ.
— Ты, спутникъ, скажи мнѣ, скажи мнѣ кто ты?
Твои мнѣ какъ будто знакомы черты.
Скажи, чтó тебя въ этотъ часъ привело?
Чему ты смѣешься такъ горько и зло?
— Смѣюсь я, товарищъ, мечтаньямъ твоимъ; —
Смѣюсь, что ты будущность губишь,
Ты мыслишь, что вправду ты ею любимъ?
Что вправду ты самъ ее любишь?
Смѣшно мнѣ, смѣшно, что такъ пылко любя,
Ея ты не любишь, а любишь себя.
Опомнись! Порывы твои ужъ не тѣ,
Она для тебя ужъ не тайна.
Случайно сошлись вы въ мірской суетѣ,
Вы въ ней разойдетесь случайно.
Смѣюся я горько, смѣюся я зло,

Тому, что вздыхаешь ты такъ тяжело.
Все тихо, объято молчаньемъ и сномъ,
Изчезъ мой товарищъ въ туманѣ ночномъ,
Въ тяжеломъ раздумьѣ, одинъ, при лунѣ,
Я пó полю ѣду на добромъ конѣ.....

Колышется море; волна за волной
Бѣгутъ и шумятъ торопливо....
О другъ ты мой бѣдный, боюся, со мной
Не быть тебѣ долго счастливой!
Во мнѣ и надеждъ и отчаяній рой,
Кочующей мысли прибой и отбой,
Приливы любви и отливы.

Не вѣрь мнѣ, другъ, когда, въ избыткѣ горя,
Я говорю, что разлюбилъ тебя, —
Въ отлива часъ не вѣрь измѣнѣ моря,
Оно къ землѣ воротится, любя.

Ужъ я тоскую, прежней страсти полный,
Мою свободу вновь тебѣ отдамъ —
И ужъ бѣгутъ съ обратнымъ шумомъ волны
Издалека къ любимымъ берегамъ.

Порой, среди заботъ и жизненнаго шума,
Внезапно набѣжитъ мучительная дума
И гонитъ образъ твой изъ горестной души;
Но только лишь одинъ останусь я въ тиши,
И суетнаго дня минуетъ гулъ тревожный,
Смиряется во мнѣ волненье жизни ложной,
Душа, какъ озеро, прозрачна и сквозна,
И взоръ я погрузить въ нее могу до дна;
Спокойной мыслію, ничѣмъ не возмутимой,
Твой отражаю ликъ, желанный и любимый,
И ясно вижу глубь, гдѣ, какъ блестящій кладъ,
Любви моей къ тебѣ сокровища лежатъ.

Когда кругомъ безмолвенъ лѣсъ дремучій
И вечеръ тихъ;
Когда невольно просится пѣвучій
Изъ сердца стихъ;
Когда упрекъ мнѣ шепчетъ шелестъ нивы,
Иль шумъ деревъ;
Когда кипитъ во мнѣ нетерпѣливо
Правдивый гнѣвъ;
Когда вся жизнь моя покрыта тьмою
Тяжелыхъ тучъ;
Когда вдали мелькнетъ передо мною
Надежды лучъ;
Средь суеты мірскаго развлеченья,
Среди заботъ,
Моя душа въ надеждѣ и въ сомнѣньи
Тебя зоветъ,
И трудно мнѣ умомъ понять разлуку,
Ты такъ близка!
И хочетъ сжать твою родную руку
Моя рука.

Мнѣ въ душу, полную ничтожной суеты,
Какъ бурный вихорь, страсть ворвалася нежданно,
Съ налета смяла въ ней нарядные цвѣты
И разметала садъ, тщеславіемъ убранный.

Условій мелкій соръ, крутящимся столбомъ,
Изъ мысли унесла живительная сила
И токомъ теплыхъ слезъ, какъ благостнымъ дождемъ,
Опустошенную мнѣ душу оросила.

И надъ обломками, безмолвенъ, я стою,
И трепетомъ еще невѣдомымъ объятый,
Воскреснувшаго дня пью свѣжую струю
И грома дальняго внимаю перекаты.....

Ты не спрашивай, не распытывай,
Умомъ-разумомъ не раскидывай:
Какъ люблю тебя, почему люблю,
И за что̀ люблю, и на долго-ли?
Ты не спрашивай, не распытывай:
Что сестра-ль ты мнѣ, молода-ль жена,
Или дѣтище ты мнѣ малое?

И не знаю я и не вѣдаю
Какъ назвать тебя, какъ прикликати.
Много цвѣтиковъ во чисто́мъ полѣ,
Много звѣздъ горитъ по подне́бесью,
А назвать-то ихъ нѣтъ умѣнія,
Распознать-то ихъ нѣту силушки.
Полюбивъ тебя, я не спрашивалъ,
Не разгадывалъ, не распытывалъ;
Полюбивъ тебя, я махнулъ рукой,
Очертилъ свою буйну голову!

Не вѣтеръ, вѣя съ высоты,
Листовъ коснулся, ночью лунной —
Моей души коснулась ты:
Она тревожна какъ листы,
Она какъ гусли многострунна!
Житейскій вихрь ее терзалъ,
И сокрушительнымъ набѣгомъ
Свистя и воя, струны рвалъ
И заносилъ холоднымъ снѣгомъ;
Твоя-же рѣчь ласкаетъ слухъ,
Твое легко прикосновенье,
Какъ отъ цвѣтовъ летящій пухъ,
Какъ майской ночи дуновенье.

Меня, во мракѣ и въ пыли
Досель влачившаго оковы,
Любови крылья вознесли
Въ отчизну пламени и слова;
И просвѣтлѣлъ мой темный взоръ,
И сталъ мнѣ виденъ міръ незримый,
И слышитъ ухо съ этихъ поръ
Что̀ для другихъ неуловимо.

И съ горней выси я сошелъ,
Проникнутъ весь ея лучами,
И на волнующійся долъ
Взираю новыми очами.
И слышу я какъ разговоръ
Вездѣ немолчный раздается,
Какъ сердце каменное горъ
Съ любовью въ темныхъ нѣдрахъ бьется,
Съ любовью въ тверди голубой
Клубятся медленныя тучи,
И подъ древесною корой,
Весною свѣжей и пахучей,
Съ любовью въ листья сокъ живой
Струей подъемлется пѣвучей;
И вѣщимъ сердцемъ понялъ я,

Что все, рожденное отъ слова,
Лучи любви кругомъ лія,
Къ нему вернуться жаждетъ снова,
И жизни каждая струя,
Любви покорная закону,
Стремится силой бытія
Неудержимо къ Божью лону,
И всюду звукъ, и всюду свѣтъ,
И всѣмъ мірамъ одно начало,
И ничего въ природѣ нѣтъ,
Чтó-бы любовью не дышало...

Слеза дрожитъ въ твоемъ ревнивомъ взорѣ —
О не грусти, ты все мнѣ дорога!
Но я любить могу лишь на просторѣ, —
Мою любовь, широкую какъ море,
Вмѣстить не могутъ жизни берега.

Когда Глагола творческая сила
Толпы міровъ воззвала изъ ночи,
Любовь ихъ всѣ, какъ солнце, озарила,
И лишь на землю, къ намъ, ея свѣтила
Нисходятъ порознь рѣдкіе лучи.

И порознь ихъ отыскивая жадно,
Мы ловимъ отблескъ вѣчной красоты;
Намъ вѣстью лѣсъ о ней шумитъ отрадной,
О ней потокъ гремитъ струею хладной,
И говорятъ, качаяся, цвѣты.

И любимъ мы любовью раздробленной
И тихій шопотъ вербы надъ ручьемъ,
И милой дѣвы взоръ на насъ склоненный,
И звѣздный блескъ, и всѣ края вселенной,
И ничего мы вмѣстѣ не сольемъ.

Но не грусти, земное минетъ горе,
Пожди еще — неволя недолга —
Въ одну любовь мы всѣ сольемся вскорѣ,
Въ одну любовь, широкую какъ море,
Чтó не вмѣстятъ земные берега.

Тебя такъ любятъ всѣ; одинъ твой тихій видъ
Всѣхъ дѣлаетъ добрѣй и съ жизнію миритъ.
Но ты грустна, въ тебѣ есть скрытое мученье,
Въ душѣ твоей звучитъ какой-то приговоръ;
Зачѣмъ твой ласковый всегда такъ робокъ взоръ,
И очи грустныя такъ молятъ о прощеньи,
Какъ будто солнца свѣтъ, и вешніе цвѣты,
И тѣнь въ полдневный зной, и шопотъ по дубравамъ,
И даже воздухъ тотъ, которымъ дышешь ты,
Все кажется тебѣ стяжаніемъ неправымъ?

Къ страданіямъ чужимъ ты горести полна
И скорбь ничья тебя не проходила мимо;
Къ себѣ лишь ты одной всегда неумолима,
Всегда безжалостна и вѣчно холодна.

Но еслибъ видѣть ты любящею душою
Могла со стороны хоть разъ свою печаль —
О какъ самой себя тебѣ-бы стало жаль
И какъ-бы плакала ты грустно надъ собою!

Что́ ты голову склонила?
Ты полна-ли тихой лѣнью,
Иль грустишь о томъ, что было,
Иль, подъ виноградной сѣнью,

Начертанія сквозныя
Разгадать хотѣла-бъ ты,
Что́ на землю вырѣзные
Сверху бросили листы?

Но дрожащаго узора
Намъ значенье непонятно —
Что́ прійдетъ, узнаешь скоро,
Что́ прошло, то невозвратно.

Часъ полуденный, палящій,
Полный жизни огневой,
Часъ веселый настоящій,
Этотъ часъ одинъ лишь твой.

Не клони-жъ печально взора
На рисунокъ непонятный —
Что́ прійдетъ, узнаешь скоро,
Что́ прошло, то невозвратно.

О еслибъ ты могла, хоть на единый мигъ,
Забыть свою печаль, забыть свои невзгоды,
О еслибы, хоть разъ, я твой увидѣлъ ликъ,
Какимъ я зналъ его въ счастливѣйшіе годы!
Когда въ твоихъ глазахъ засвѣтится слеза,
О еслибъ эта грусть могла пройти порывомъ,
Какъ въ теплую весну пролетная гроза,
Какъ тѣнь отъ облаковъ, бѣгущая по нивамъ.

О другъ, ты жизнь влачишь, безъ пользы увядая,
Пригнутая къ землѣ какъ тополь молодая,
Поблекла свѣжая вѣтвей твоихъ краса,
И листья кроетъ пыль и дольная роса.

О долго-ль быть тебѣ печальной и согнутой!
Смотри, пришла весна, твои не крѣпки путы —
Воспрянь и подымись трепещущимъ столбомъ,
Вершиною шумя въ эѳирѣ голубомъ!

Насъ не преслѣдовала злоба,
Не отъ вражды, иль клеветы —
Отъ нашихъ думъ ушли мы оба,
Бѣжали вмѣстѣ, я и ты.

Зачѣмъ-же прежній гласъ упрека
Опять твердитъ тебѣ одно, —
Опять пытующее око
Во глубь души устремлено?

Смотри: нашъ день восходитъ чисто,
Ночной разсѣялся туманъ,
Играя далью золотистой,
Насъ манитъ жизни океанъ.

Уже надутое вѣтрило
Нашъ челнъ уноситъ въ новый край —
Не сожалѣй о томъ, что́ было,
И взоръ обратно не кидай!

Ты знаешь, я люблю тамъ, за лазурнымъ сводомъ,
Рядъ жизней мысленно отыскивать иныхъ,
И путь свершая мой, съ улыбкой мимоходомъ
Смотрю на прахъ заботъ и горестей земныхъ.

Зачѣмъ-же сердце такъ сжимается невольно
Когда твой встрѣчу взоръ, и такъ тебя мнѣ жаль,
И каждая твоя мгновенная печаль
Въ душѣ моей звучитъ такъ долго и такъ больно?

Ты жертва жизненныхъ тревогъ,
И нѣтъ въ тебѣ сопротивленья,
Ты, какъ оторванный листокъ,
Плывешь, безъ воли, по теченью.

Ты какъ на жнивѣ сизый дымъ, —
Откуда вѣтеръ ни повѣетъ,
Онъ только стелется предъ нимъ
И къ облакамъ бѣжать не смѣетъ.

Ты словно яблони цвѣты,
Когда ихъ снѣгъ покрылъ тяжелый;
Стряхнуть тоску не можешь ты,
И жизнь тебя погнула долу.

Ты какъ лощинка въ вешній день, —
Когда весь міръ благоухаетъ,
Сосѣднихъ горъ ложится тѣнь
И ей одной цвѣсти мѣшаетъ.

И какъ съ вершинъ бѣжитъ въ нее
Снѣговъ растаявшая груда,
Такъ въ сердце бѣдное твое
Стекаетъ горе отовсюда.

Западъ гаснетъ въ дали блѣдно-розовой,
Звѣзды небо усѣяли чистое,
Соловей свищетъ въ рощѣ березовой,
И травою запахло душистою.

Знаю что́ къ тебѣ въ думушку вкралося,
Знаю сердца немолчныя жалобы,
Не хочу я, чтобъ ты притворялася
И къ улыбкѣ себя принуждала-бы.

Твое сердце болитъ безотрадное,
Въ немъ не свѣтитъ звѣзда ни единая —
Плачь свободно, моя ненаглядная,
Пока пѣсня звучитъ соловьиная,

Соловьиная пѣсня унылая,
Что́ какъ жалоба катится слезная,
Плачь, душа моя, плачь моя милая,
Тебя небо лишь слушаетъ звѣздное!

---

*

Усни, печальный другъ, уже съ грядущей тьмой
Вечерній алый свѣтъ сливается все болѣ,
Блѣящія стада вернулися домой
И улеглася пыль на опустѣломъ полѣ.

Да снидетъ ангелъ сна, прекрасенъ и крылатъ,
И да перенесетъ тебя онъ въ жизнь иную!
Издавна былъ онъ мнѣ въ печали другъ и братъ,
Усни, мое дитя, къ нему я не ревную.

На раны сердца онъ забвеніе прольетъ,
Пытливую тоску отъ разума отыметъ,
И съ горестной души на ней лежащій гнётъ
До новаго утра незримо приподыметъ.

Томимая весь день душевною борьбой,
Отъ взоровъ и рѣчей враждебныхъ ты устала,—
Усни, мое дитя, межъ ними и тобой
Онъ благостной рукой опустит покрывало.

Вотъ ужъ снѣгъ послѣдній въ полѣ таетъ,
Теплый паръ восходитъ отъ земли,
И кувшинчикъ синій разцвѣтаетъ,
И зовутъ другъ друга журавли.

Юный лѣсъ, въ зеленый дымъ одѣтый,
Теплыхъ грозъ нетерпѣливо ждетъ,
Все весны дыханіемъ согрѣто,
Все кругомъ и любитъ и поетъ;

Утромъ небо ясно и прозрачно,
Ночью звѣзды свѣтятъ такъ свѣтло —
Отчего-жъ въ душѣ твоей такъ мрачно,
И зачѣмъ на сердцѣ тяжело?

Грустно жить тебѣ, о другъ, я знаю,
И понятна мнѣ твоя печаль:
Отлетѣла-бъ ты къ родному краю
И земной весны тебѣ не жаль....

О пожди, пожди еще немного,
Дай и мнѣ уйти туда съ тобой,
Легче намъ покажется дорога,
Пролетимъ ее рука съ рукой!

О не спѣши туда, гдѣ жизнь свѣтлѣй и чище,
Среди міровъ иныхъ,
Помедли здѣсь со мной, на этомъ пепелищѣ
Твоихъ надеждъ земныхъ.

Отъ праха отрѣшась, не удержать полета
Въ невѣдомую даль, —
Кто будетъ въ той странѣ, о другъ, твоя забота
И кто твоя печаль?

Въ тревогѣ бытія, въ безбрежномъ колыханьи,
Безъ цѣли и слѣда,
Кто въ жизни будетъ мнѣ и радость и дыханье
И яркая звѣзда?

Сліясь въ одну любовь, мы цѣпи безконечной
Единое звено,
И выше восходить, въ сіянье правды вѣчной
Намъ врозь не суждено.

Въ странѣ лучей, незримыхъ нашимъ взорамъ,
Вокругъ міровъ вращаются міры;
Тамъ сонмы душъ возносятъ стройнымъ хоромъ
Своихъ молитвъ немолчные дары.

Блаженствомъ тамъ сіяющіе лики
Отвращены отъ міра суеты,
Не слышны имъ земной печали клики,
Не видны имъ земныя нищеты.

Все, что̀ онѣ желали и любили,
Все, что́ къ землѣ привязывало ихъ,
Все на землѣ осталось горстью пыли,
А въ небѣ нѣтъ ни близкихъ, ни родныхъ.

Но ты, о другъ, лишь только звуки рая
Какъ дальній зовъ въ твою проникнутъ грудь,
Ты обо мнѣ подумай, умирая,
И хоть на мигъ, блаженство позабудь!

Прощальный взоръ бросая нашей жизни,
Душою, другъ, вглядись въ мои черты,
Чтобы узнать въ заоблачной отчизнѣ
Кого звала, кого любила ты,

Чтобы не могъ моей молящей рѣчи
Небесный хоръ на вѣки заглушить,
Чтобы тебѣ, до нашей новой встрѣчи,
Въ странѣ лучей и помнить и грустить!

На нивы желтыя нисходитъ тишина,
Въ остывшемъ воздухѣ отъ меркнущихъ селеній
Дрожа, несется звонъ... Душа моя полна
Разлукою съ тобой и горькихъ сожалѣній.

И каждый мой упрекъ я вспоминаю вновь,
И каждое твержу привѣтливое слово,
Что̀ могъ-бы я сказать тебѣ, моя любовь,
Но что̀ внутри себя я схоронилъ сурово?

Съ тѣхъ поръ какъ я одинъ, съ тѣхъ поръ какъ ты
далёко,
Въ тревожномъ полуснѣ когда забудусь я,
Свѣтлѣй моей души недремлющее око
И близость явственнѣй духовная твоя.

Сестра моей души, съ улыбкою участья
Твой тихій, кроткій ликъ склоняется ко мнѣ,
И я, исполненный мучительнаго счастья,
Любящій чую взоръ въ тревожномъ полуснѣ.

О если въ этотъ часъ ты также имъ объята,
Мы думою, скажи, проникнуты-ль одной,
И видится-ль тебѣ туманный образъ брата,
Съ улыбкой грустною склоненный надъ тобой?

Смеркалось; жаркій день блѣднѣлъ неуловимо.
Надъ озеромъ туманъ тянулся полосой,
И кроткій образъ твой, знакомый и любимый,
Въ вечерній тихій часъ носился предо мной.

Улыбка та-жъ была, которую люблю я,
И мягкая коса какъ прежде расплелась,
И очи грустныя, по прежнему тоскуя,
Глядѣли на меня въ вечерній тихій часъ....

Ужъ ласточки, кружась, надъ крышей щебетали,
Красуяся, идетъ нарядная весна....
Порою входитъ такъ въ домъ скорби и печали
Въ цвѣтахъ красавица, надменна и пышна.

Какъ праздничный мнѣ ликъ весны теперь несносенъ,
Какъ грустенъ безъ тебя деревъ зеленыхъ видъ!
И мыслю я: когда-жъ на нихъ повѣетъ осень
И сыпля желтый листъ насъ вновь соединитъ!

Осень. Обсыпается весь нашъ бѣдный садъ,
Листья пожелтѣлые по́ вѣтру летятъ,
Лишь вдали красуются тамъ, на днѣ долинъ,
Кисти ярко-красныя вянущихъ рябинъ.
Весело и горестно сердцу моему,
Молча, твои рученьки грѣю я и жму,
Въ очи тебѣ глядючи, молча, слезы лью,
Не умѣю высказать какъ тебя люблю!

Минула страсть, и пылъ ея тревожный
Уже не мучитъ сердца моего,
Но разлюбить тебя мнѣ невозможно!
Все что́ не ты — такъ суетно и ложно,
Все что́ не ты — безцвѣтно и мертво.

Безъ повода и права негодуя,
Ужъ не кипитъ бунтующая кровь, —
Но съ пошлой жизнью слиться не могу я,
Моя любовь, о другъ, и не ревнуя,
Осталась та-же прежняя любовь.

Такъ отъ высотъ нахмуренной природы,
Съ нависшихъ скалъ сорвавшійся потокъ
Изъ царства тучь, грозы и непогоды
Въ просторъ степей выноситъ тѣ-же воды
И вдаль течетъ, спокоенъ и глубокъ.

КРЫМСКІЕ ОЧЕРКИ.

1.

Надъ неприступной крутизною
Повисъ туманный небосклонъ;
Тамъ горъ зубчатою стѣною
Отъ юга сѣверъ отдаленъ.
Тамъ ночь и снѣгъ; тамъ, врагъ веселья,
Сѣдой зимы сердитый богъ
Играетъ вьюгой и метелью,
Ярясь, уста примкнулъ къ ущелью
И воетъ въ ихъ гранитный рогъ.
Но здѣсь благоухаютъ розы,
Безсильно вихремъ снѣговымъ
Сюда онъ шлетъ свои угрозы,
Цвѣтущій берегъ невредимъ.
Надъ нимъ весна младая вѣетъ
И лавръ Діаною хранимъ,
Въ лучахъ полудня зеленѣетъ
Надъ моремъ вѣчно голубымъ.

2.

Клонитъ къ лѣни полдень жгучій,
Замеръ въ листьяхъ каждый звукъ,
Въ розѣ пышной и пахучей,
Нѣжась, спитъ блестящій жукъ;
А изъ камней вытекая,
Однозвученъ и гремучъ,
Говоритъ, неумолкая,
И поетъ нагорный ключъ....

3.

Всесильной волею Аллаха,
Дающаго намъ зной и снѣгъ,
Мы возвратились съ Чатырдаха
Благополучно на ночлегъ.
Всѣ на лицо, всѣ безъ увѣчья, —
Что́ значитъ ловкость человѣчья!
А признаюсь, когда мы тамъ
Ползли, какъ мухи по скаламъ,
То мнѣ немного было жутко:
Сорваться внизъ плохая шутка!

Гуссейнъ! Послушай, помоги
Стащить мнѣ эти сапоги,
Они потрескались отъ жара;
Да что̀-жъ не видно самовара?
Сходи за нимъ. А ты, Али,
Костеръ скорѣе запали!
Постелемъ скатерти у моря,
Достанемъ ромъ, заваримъ чай,
И всѣ возляжемъ на просторѣ
Смотрѣть какъ пламя, съ ночью споря,
Померкнетъ, вспыхнетъ невзначай,

И озаритъ до половины
Дубовъ зеленыя вершины,
Песчаный берегъ, водопадъ,
Крутыхъ утесовъ грозный рядъ,
Отъ пѣны бѣлый и ревущій
Изъ мрака выбѣжавшій валъ
И перепутаннаго плюща
Концы, висящіе со скалъ.

4.

Ты помнишь-ли вечеръ, какъ море шумѣло,
Въ шиповникѣ пѣлъ соловей,
Душистыя вѣтки акаціи бѣлой
Качались на шляпѣ твоей?

Межъ камней, обросшихъ густымъ виноградомъ,
Дорога была такъ узка;
Въ молчаньи надъ моремъ мы ѣхали рядомъ,
Съ рукою сходилась рука;

Ты такъ на сѣдлѣ нагибалась красиво,
Ты алый шиповникъ рвала;
Буланой лошадки косматую гриву
Съ любовью ты имъ убрала;

Одежды твоей непослушныя складки
Цѣплялись за вѣтви, а ты
Безпечно смѣялась, — цвѣты на лошадкѣ,
Въ рукахъ и на шляпѣ цвѣты.

*

Ты помнишь-ли ревъ дождеваго потока
И пѣну и брызги кругомъ?
И какъ наше горе казалось далёко,
И какъ мы забыли о немъ!

5.

Вы все любуетесь на скалы,
Одна природа васъ манитъ,
И возмущаетъ васъ не мало
Мой деревенскій апетитъ.

Но взглядъ мой здѣсь инаго рода;
Во мнѣ лицепріятья нѣтъ:
Ужели вишни не природа,
И тотъ кто ѣстъ ихъ не поэтъ?

Нѣтъ, нѣтъ, названія Вандала
Отъ васъ никакъ я не приму:
И Ифигенія ѣдала
Когда она была въ Крыму!

6.

Туманъ встаетъ на днѣ стремнинъ,
Среди полуночной прохлады
Сильнѣе пахнетъ дикій тминъ,
Гремятъ слышнѣе водопады.
Какъ ослѣпительна луна,
Какъ горъ очерчены вершины!
Въ сребристомъ сумракѣ видна
Внизу Байдарская долина.
Надъ нами свѣтятъ небеса,
Чернѣетъ бездна передъ нами,
Дрожитъ блестящая роса
На листьяхъ крупными слезами....

Душѣ легко; не слышу я
Оковъ земнаго бытія,
Нѣтъ мѣста страху, ни надеждѣ, —
Чтó будетъ впредь, чтó было прежде —
Мнѣ все равно — и чтó меня
Всегда какъ цѣпь къ землѣ тянуло,
Изчезло все съ тревогой дня,
Все въ лунномъ блескѣ потонуло.

Куда-же мысль унесена,
Что́ ей такъ видится дремливо?
Не средь волшебнаго-ли сна
Мы ѣдемъ вмѣстѣ вдоль обрыва?
Ты-ль это, робости полна,
Ко мнѣ склонилась молчаливо?
Ужель я вижу не во снѣ
Какъ звѣзды блещутъ въ вышинѣ,
Какъ конь ступаетъ осторожно,
Какъ дышетъ грудь твоя тревожно?
Иль, при обманчивой лунѣ,
Меня лишь дразнитъ призракъ ложный
И это сонъ? О еслибъ мнѣ
Проснуться было невозможно!

7.

Какъ чудесно хороши вы,
Южной ночи красоты:
Моря синяго заливы,
Лавры, скалы и цвѣты!

Но мѣшаютъ мнѣ немножко
Жизнью жить средь этихъ странъ
Скорпіонъ, сороконожка
И фигуры англичанъ.

8.

Обычной полная печали,
Ты входишь въ этотъ бѣдный домъ,
Который ядра осыпали
Недавно пламеннымъ дождемъ.

Но юный плющъ, віясь вкругъ зданья,
Покрылъ слѣды вражды и зла —
Ужель еще твои страданья
Моя любовь не обвила?

9.

Привѣтствую тебя, опустошенный домъ,
Завядшіе дубы, лежащіе кругомъ,
И море синее, и васъ, крутыя скалы,
И пышный прежде садъ, глухой и одичалый.
Усталымъ путникамъ, въ палящій лѣтній день,
Еще даешь ты, домъ, свѣжительную тѣнь.
Еще стоятъ твои поруганныя стѣны,
Но сколько горестной я вижу перемѣны!
Едва лишь я вступилъ подъ твой знакомый кровъ,
Бросаются въ глаза мнѣ надписи враговъ,
Рисунки грубые и шутки площадныя,
Гдѣ съ наглымъ торжествомъ поносится Россія;
Все тѣ-же громкія, хвастливыя слова
Нечестное враговъ оправдываютъ дѣло....

Вздохнувъ, иду впередъ; мохнатая сова
Безшумно съ зеркала разбитаго слетѣла, —
Вотъ въ уголъ бросилась испуганная мышь....
Вездѣ обломки, прахъ; куда ни поглядишь,
Вездѣ насиліе, насмѣшки и угрозы, —
А изъ-саду въ окно вползающія розы,
За мраморный карнизъ цѣпляясь тамъ и тутъ,

Безпечно въ красотѣ раскидистой цвѣтутъ,
Какъ будто на дѣла враждебнаго народа
Набросить свой покровъ старается природа;
Вотъ ящерица здѣсь, межъ зелени и плитъ,
Блестя какъ изумрудъ, извилисто скользитъ
И любо ей играть въ молчаніи могильномъ,
Гдѣ на̀-полъ солнца лучъ столбомъ ударилъ пыльнымъ.

Но вотъ ужъ сумерки; вотъ постепенно мгла
На берегъ, на заливъ, на скалы налегла,
Все больше въ небѣ звѣздъ, въ аллеяхъ все темнѣе,
Душистѣе цвѣты и запахъ травъ сильнѣе;
На сломанномъ крыльцѣ сижу я, полонъ думъ, —
Какъ тихо все кругомъ, какъ слышенъ моря шумъ!...

10.

Тяжелъ нашъ путь; твой бѣдный мулъ
Усталъ топтать терновникъ злобный;
Взгляни на верхъ: то не аулъ,
Гнѣзду орлиному подобный,
То цѣлый городъ; смолкнулъ гулъ
Народныхъ празднествъ и торговли,
И вѣтеръ тлѣнія подулъ
На Богомъ проклятыя кровли.
Во дни глубокой старины,
(Гласятъ народныя скрижали)
Во дни неволи и печали,
Сюда Израиля сыны
Отъ ига чуждаго бѣжали,
И градъ возникъ на высяхъ горъ.
Забывъ отцовъ своихъ позоръ
И горькій плѣнъ Ерусалима,
Здѣсь мирно жили Караимы,
Но ждалъ ихъ давній приговоръ —
И пала тяжесть Божья гнѣва
На вѣтвь караемаго древа.
И городъ вымеръ. Здѣсь и тамъ

Остатки башенъ по стѣнамъ,
Кривыя улицы, кладбища,
Пещеры, рытыя въ скалахъ,
Давно безлюдныя жилища,
Обломки, камни, пыль и прахъ,
Гдѣ взоръ отрады не находитъ;
Двѣ, три семьи какъ тѣни бродятъ
Средь голыхъ стѣнъ; но дороги
Для нихъ родные очаги,
И храмъ отцовъ, отъ моха черный,
Надъ коимъ плавные круги,
Паря, чертитъ орелъ нагорный.

11.

Гдѣ свѣтлый ключъ, спускаясь внизъ,
По сѣрымъ камнямъ точитъ слезы,
Ползутъ на черный кипарисъ
Гроздами пурпурныя розы.
Сюда когда-то, въ жгучій зной,
Подъ темнолиственные лавры,
Бѣжали львы на водопой
И буропѣгіе кентавры;
Съ козломъ бодался здѣсь сатиръ,
Вакханки съ криками и смѣхомъ
Свершали виноградный пиръ,
И хоръ тимпановъ, флейтъ и лиръ
Сливался шумно съ дальнимъ эхомъ.

На той скалѣ Діаны храмъ
Хранила дѣвственная жрица,
А здѣсь, надъ моремъ, по ночамъ
Плыла богини колесница....
Но ужъ не та теперь пора,
Гдѣ былъ завѣтный лѣсъ Діаны,
Тамъ слышны звуки топора,
Грохочатъ вражьи барабаны;

И все прошло, нигдѣ слѣда
Не видно Греціи счастливой, —
Безъ тайны лѣсъ, безъ плясокъ нивы,
Безъ пѣсней пестрыя стада
Пасетъ татаринъ молчаливый....

12.

Солнце жжетъ; передъ грозою
Измѣнился моря видъ:
Засверкалъ межъ бирюзою
Изумрудъ и малахитъ.

Здѣсь на камнѣ буду ждать я
Какъ, вздымая корабли,
Море бросится въ объятья
Изнывающей земли,

И, покрытый пѣной бѣлой,
Утомясь, влюбленный богъ
Снова ляжетъ, онѣмѣлый,
У твоихъ, Таврида, ногъ.

13.

Смотри, все ближе, съ двухъ сторонъ
Насъ обнимаетъ лѣсъ дремучій.
Глубокимъ мракомъ полонъ онъ,
Какъ будто набѣжали тучи,
Иль межъ деревьевъ вѣковыхъ,
Насъ ночь безвременно застигла;
Лишь солнце сыплетъ черезъ нихъ
Мѣстами огненныя иглы.
Зубчатый кленъ, и гладкій букъ,
И твердый грабъ, и дубъ корнистый,
Вторятъ подковъ желѣзный звукъ
Средь гама птичьяго и свиста;
И ходитъ трепетная смѣсь
Полутѣней въ прохладѣ мглистой,
И чуетъ грудь какъ воздухъ весь
Пропитанъ сыростью душистой.
Вонъ тамъ украдкой слабый лучъ
Скользитъ по липѣ, мхомъ одѣтой,
И дятла стукъ, и близко гдѣ-то
Журчитъ въ травѣ незримый ключъ.....

———

14.

Привалъ. Дымяся, огонёкъ
Трещитъ подъ таганомъ дорожнымъ,
Пасутся кони, и далёкъ
Весь міръ съ его волненьемъ ложнымъ.
Здѣсь долго-бъ я съ тобою могъ
Мечтать о счастіи возможномъ!
Но очи грустно опустивъ,
И наклонясь надъ крутизною,
Ты, молча, смотришь на заливъ,
Окружена зеленой мглою....
Скажи, о чемъ твоя печаль?
Не той-ли думой ты томима,
Что счастье, какъ морская даль,
Бѣжитъ отъ насъ неуловимо?
Нѣтъ, не догнать его ужъ намъ!
Но въ жизни есть еще отрады;
Не для тебя-ли по скаламъ
Бѣгутъ и брызжутъ водопады?
Не для тебя-ль, въ ночной тѣни,
Вчера цвѣты благоухали?
Изъ синихъ волнъ не для тебя-ли
Восходятъ солнечные дни?

А этотъ вечеръ? О взгляни,
Какое мирное сіянье!
Не слышно въ листьяхъ трепетанья,
Недвижно море; корабли,
Какъ точки бѣлыя вдали,
Едва скользятъ въ пространствѣ тая;
Какая тишина святая
Царитъ кругомъ! Нисходитъ къ намъ
Какъ бы предчувствіе чего-то;
Въ ущельяхъ ночь; въ туманѣ тамъ
Дымится сизое болото,
И всѣ обрывы по краямъ
Горятъ вечерней позолотой.....

БАЛЛАДЫ И ПРИТЧИ.

1.

ВОЛКИ.

Когда въ селахъ пустѣетъ,
Смолкнутъ пѣсни селянъ,
И сѣдой забѣлѣетъ
Надъ болотомъ туманъ,
Изъ лѣсовъ тихомолкомъ
По полямъ волкъ за волкомъ
Отправляются всѣ на добычу.

Семь волковъ идутъ смѣло,
Впереди ихъ идетъ
Волкъ осьмой, шерсти бѣлой,
А таинственный ходъ
Заключаетъ девятый;
Съ окровавленной пятой
Онъ за ними идетъ и хромаетъ.

Ихъ ничто не пугаетъ:
На село-ли имъ путь,
Песъ на нихъ и не лаетъ,

А мужикъ и дохнуть,
Видя ихъ, не посмѣетъ;
Онъ отъ страха блѣднѣетъ
И читаетъ тихонько молитву.

Волки церковь обходятъ
Осторожно кругомъ,
Въ дворъ поповскій заходятъ
И шевелятъ хвостомъ;
Близъ корчмы водятъ ухомъ
И внимаютъ всѣмъ слухомъ:
Не ведутся-ль тамъ грѣшныя рѣчи?

Ихъ глаза словно свѣчи,
Зубы шила острѣй;
Ты тринадцать картечей
Козьей шерстью забей
И стрѣляй по нимъ смѣло!
Прежде рухнетъ волкъ бѣлый
А за нимъ упадутъ и другіе.

На селѣ-жъ, когда спящихъ
Всѣхъ разбудитъ пѣтухъ,
Ты увидишь лежащихъ
Девять мертвыхъ старухъ:
Впереди ихъ сѣдая,
Позади ихъ хромая,
Всѣ въ крови — съ нами сила Господня!

2.

Гдѣ гнутся надъ омутомъ лозы,
Гдѣ лѣтнее солнце печетъ,
Летаютъ и пляшутъ стрекозы,
Веселый ведутъ хороводъ:

«Дитя, подойди къ намъ поближе,»
Тебя мы научимъ летать!
«Дитя подойди, подойди-же,
«Пока не проснулася мать!

«Подъ нами трепещутъ былинки,
«Намъ такъ хорошо и тепло,
«У насъ бирюзовыя спинки,
«А крылышки точно стекло.

«Мы пѣсенокъ знаемъ такъ много,
«Мы такъ тебя любимъ давно...
«Смотри какой берегъ отлогій,
«Какое песочное дно!»

3.

КНЯЗЬ РОСТИСЛАВЪ.

Уношу Князю Ростиславу
затвори Днѣпръ темнѣ березѣ.
Сл. о полку Игоревѣ.

Князь Ростиславъ, въ землѣ чужой,
Лежитъ на днѣ рѣчномъ,
Лежитъ въ кольчугѣ боевой,
Съ изломаннымъ мечомъ.

Днѣпра подводныя красы
Лобзаться любятъ съ нимъ
И гребнемъ витязя власы
Разчесывать златымъ.

Его напрасно день и ночь
Княгиня дома ждетъ:
Ладья его умчала прочь —
Назадъ не принесетъ.

Въ глухомъ лѣсу, въ землѣ чужой,
Въ рѣкѣ его пріютъ.

Ему попы за упокой
Молитвы не поютъ;

Но съ нимъ подводныя красы,
Съ нимъ дѣвъ веселыхъ рой,
И чешетъ витязя власы
Ихъ гребень золотой.

Когда-же нá-берегъ Посвистъ
Сѣдыя волны мчитъ,
Въ лѣсу кружится желтый листъ,
Ярясь, Перунъ гремитъ,

Тогда отъ сна на днѣ рѣчномъ
Внезапно пробудясь,
Очами мутными кругомъ
Взираетъ бѣдный князь.

Жену младую онъ зовётъ, —
Увы! Его жена,
Прождавъ напрасно цѣлый годъ,
Съ другимъ обручена.

Зоветъ къ себѣ и брата онъ,
Его обнять-бы радъ, —
Но сонмомъ гридней окруженъ,
Пируетъ дома братъ.

Зоветъ онъ Кіевскихъ поповъ,
Велитъ себя отпѣть,

Но до отчизны слабый зовъ
Не можетъ долетѣть;

И онъ, склонясь на ржавый щитъ,
Опять тяжелымъ сномъ
Вкругу русалокъ юныхъ спитъ,
Одинъ на днѣ рѣчномъ.

4.

КУРГАНЪ.

Въ степи, на равнинѣ открытой,
Курганъ одинокій стоитъ;
Подъ нимъ богатырь знаменитый
Въ минувшіе вѣки зарытъ.

Въ честь витязя тризну свершали,
Дружина дралася три дня,
Жрецы ему разомъ заклали
Всѣхъ женъ и любимца коня.

Когда-же его схоронили
И шумъ на могилѣ затихъ,
Пѣвцы ему славу сулили,
На гусляхъ гремя золотыхъ:

«О витязь, дѣлами твоими
«Гордится великій народъ!
«Твое громоносное имя
«Столѣтія всѣ перейдетъ!

«И если курганъ твой высокій
«Сравнялся-бы съ полемъ пустымъ,
«То слава, разлившись далёко,
«Была-бы курганомъ твоимъ!»

И вотъ миновалися годы,
Столѣтія вслѣдъ протекли,
Народы смѣнили народы,
Лице измѣнилось земли;

Курганъ-же съ высокой главою,
Гдѣ витязь могучій зарытъ,
Еще не сравнялся съ землею,
По прежнему гордо стоитъ;

А витязя славное имя
До нашихъ временъ не дошло.
Кто былъ онъ? Вѣнцами какими
Свое онъ украсилъ чело?

Чью кровь проливалъ онъ рѣкою?
Какіе онъ жегъ города?
И смертью погибъ онъ какою?
И въ землю опущенъ когда?

Безмолвенъ курганъ одинокій,
Наѣздникъ державный забытъ,
И тризны въ пустынѣ широкой
Никто ужъ ему не свершитъ.

Лишь мимо кургана мелькаетъ
Сайгакъ, черезъ поле скача,
Иль вдругъ на него налетаетъ
Крилами треща, саранча;

Порой журавлиная стая,
Окончивъ подоблачный путь,
Къ кургану шумитъ подлетая,
Садится на немъ отдохнуть;

Пушканчикъ порою проскачетъ
По немъ, при мерцаніи дня,
Иль всадникъ высоко маячитъ
На немъ удалаго коня;

А слезы прольютъ развѣ тучи,
Надъ степью плывя въ небесахъ,
Да вѣтеръ лишь свѣетъ летучій
Съ кургана забытаго прахъ.

5.

БОГАТЫРЬ.

По русскому славному царству,
На клячѣ разбитой верхомъ,
Одинъ богатырь разъѣзжаетъ
И взадъ и впередъ и кругомъ.

Покрытъ онъ дырявой рогожей,
Мочалы вокругъ сапоговъ,
На брови надвинута шапка,
За пазухой пѣннику штофъ.

«Ко мнѣ, горемычные люди,
«Ко мнѣ, молодцы, поскорѣй!
«Ко мнѣ, молодицы и дѣвки, —
«Отвѣдайте водки моей!»

Онъ подчуетъ всѣхъ безъ разбору,
Гроша ни съ кого не беретъ,
Встрѣчаетъ его съ хлѣбомъ-солью,
Честитъ его руссскій народъ.

Красивъ-ли онъ, старъ, или молодъ —
Никто не замѣтилъ того;
Но ссоры, болѣзни и голодъ
Плетутся за клячей его.

И кто его водки отвѣдалъ,
Отъ ней не отстанетъ никакъ,
И всадникъ его провожаетъ
Услужливо въ ближній кабакъ.

Стучатъ и расходятся чарки,
Трехпробное льется вино,
Въ кабакъ, до послѣдней рубахи,
Добро мужика снесено.

Стучатъ и расходятся чарки,
Питейное дѣло ростетъ,
Жиды богатѣютъ, жирѣютъ,
Бѣднѣетъ, худѣетъ народъ.

Со службы домой воротился
Въ деревню усталый солдатъ;
Его угощаютъ родные,
Вкругъ штофа горѣлки сидятъ.

Приходу его они рады,
Но вотъ ужъ играетъ вино,
По жиламъ бѣжитъ и струится
И головы кружитъ оно.

«Да что́,» говорятъ ему братья,
«Ужъ нѣшто ты намъ и старшо́й?
«Вѣдь мы-то трудились, пахали,
«Не станемъ дѣлиться съ тобой!»

И ссора межъ нихъ закипѣла,
И подняли бабы содомъ;
Солдатъ ихъ ружейнымъ прикладомъ,
А братья его топоромъ!

Сидѣлъ надъ картиной художникъ,
Онъ Божію Матерь писалъ,
Любилъ какъ дитя онъ картину,
Онъ ею и жилъ и дышалъ;

Впередъ подвигалося дѣло,
Порой на него съ полотна
Съ улыбкой Святая глядѣла,
Его ободряла она.

Сгрустнулося разъ живописцу,
Онъ съ горя горѣлки хватилъ —
Забылъ онъ свою мастерскую,
Свою Богоматерь забылъ.

Весь день онъ валяется, пьяный,
И въ руки кистей не беретъ —
Межъ тѣмъ, подъ рогожею, всадникъ
На клячѣ плетется впередъ.

Работаютъ въ полѣ ребята
И градомъ съ нихъ катится потъ,
И имъ, въ умиленіи, всадникъ
Орленый свой штофъ отдаетъ.

Пошла между ними потѣха!
Трехпробное льется вино,
По жиламъ бѣжитъ и струится,
И головы кружитъ оно.

Бросаютъ они свои сохи,
Готовятъ себѣ кистени,
Идутъ на большую дорогу,
Купцовъ поджидаютъ они.

Былъ сынъ у родителей бѣдныхъ;
Любовью къ наукѣ влекомъ,
Семью онъ свою оставляетъ
И въ городъ приходитъ пѣшкомъ.

Онъ трудится денно и нощно,
Покою себѣ не даетъ,
Онъ терпитъ и голодъ и холодъ,
Но движется быстро впередъ.

Однажды, въ дождливую осень,
Въ одномъ переулкѣ глухомъ,
Ему попадается всадникъ,
На клячѣ разбитой верхомъ.

*

«Здорово, товарищъ, дай руку!
«Никакъ ты, бѣдняга, продрогъ?
«Чтó-жъ, выпьемъ за Русь и науку!
«Я самъ имъ служу, видитъ Богъ!»

Отъ стужи, иль отъ голодухи,
Прельстился на водку и ты —
И вотъ потонули въ сивухѣ
Родныя, святыя мечты!

За пьянство изъ судной управы
Повытчика выгнали разъ;
Теперь онъ крестьянамъ, на сходкѣ,
Читаетъ подложный указъ, —

Лукаво толкуетъ свободу
И бочками водку сулитъ;
«Нѣтъболѣ оброковъ, ни барщинъ;
«Того-де законъ не велитъ.

«Теперь, вишь, другіе порядки.
«Знай, пей, молодецъ, не тужи!
«А лучше чтобъ спорилось дѣло,
«На то топоры и ножи!»

А всадникъ на клячѣ не дремлетъ,
Онъ ѣдетъ и свищетъ въ кулакъ;
Гдѣ кляча ударитъ копытомъ,
Тамъ тотчасъ стоитъ и кабакъ.

За двѣсти мильоновъ Россія
Жидами на откупъ взята —
За тридцать серебрянныхъ денегъ
Они-же купили Христа.

И много Понтійскихъ Пилатовъ,
И много лукавыхъ Іудъ
Отчизну свою распинаютъ,
Христа своего продаютъ.

Стучатъ и расходятся чарки,
Рѣкою бушуетъ вино,
Уноситъ деревни и села
И Русь затопляетъ оно.

Дерутся и рѣжутся братья,
И мать дочерей продаетъ,
Плачь, пѣсни, и вой и проклятья —
Питейное дѣло ростетъ!

И гордо на клячѣ гарцуетъ
Теперь богатырь удалой;
Ужъ сбросилъ съ себя онъ рогожу,
Онъ шапку сымаетъ долой:

Гарцуетъ оглоданный остовъ,
Вѣнецъ на плѣшивомъ челѣ,
Вѣнецъ изъ разбитыхъ бутылокъ
Блеститъ и сверкаетъ въ мглѣ,

И черепъ безглазый смѣется:
«Призванье мое свершено!
«Не даромъ-же имъ достается
«Мое даровое вино!»

6.

Въ колоколъ, мирно дремавшій, съ налета тяжелая бомба
Грянула. Съ трескомъ кругомъ отъ нея разлетѣлись осколки.
Онъ-же вздрогнулъ — и къ народу могучіе мѣдные звуки
Вдаль потекли, негодуя, гудя и на бой созывая.

7.

НОЧЬ ПЕРЕДЪ ПРИСТУПОМЪ.

Поля̀ки ночью темною,
Предъ самымъ Покровомъ,
Съ дружиною наёмною
Сидятъ передъ огнемъ.

Исполнены отвагою,
Поляки крутятъ усъ,
Пришли они ватагою
Громить святую Русь.

И съ польскою державою
Пришли изъ разныхъ странъ,
Пришли войной неправою
Враги на россіянъ.

Тутъ во́лохи усатые,
И угры въ чекменяхъ,
Цыгане бородатые
Въ косматыхъ кожухахъ....

Валя толпою пѣгою,
Пришла за ратью рать,
Съ Лисовскимъ и съ Сапѣгою
Престолъ нашъ воевать.

И вотъ, махая бурками,
И шпорами звеня,
Веселыми мазурками,
Вкругъ яркаго огня

Съ ухватками удалыми
Несутся ихъ ряды,
Гремя, звеня цымбалами,
Кричатъ, поютъ жиды,

Брянчатъ цыганки бубнами,
Наѣздники шумятъ,
Дѣлами душегубными
Грозитъ ихъ ярый взглядъ,

И всѣ стучатъ стаканами:
«Да здравствуетъ Литва!»
Такъ возгласами пьяными
Встрѣчаютъ Покрова.

А тамъ, едва замѣтная,
Межъ сосенъ и дубовъ,
Во мглѣ стоитъ завѣтная
Обитель чернецовъ.

Монахи съ вѣрой пламенной
Во тьму вперили взоръ,
Вокругъ твердыни каменной
Ведутъ ночной дозоръ.

Среди мечей зазубренныхъ,
Въ священныхъ стихаряхъ,
И въ панцыряхъ изрубленныхъ,
И въ шлемахъ и въ тафьяхъ,

Всю ночь они морозную,
До утренней поры
Рукою держатъ грозною
Кресты, иль топоры.

Священное ихъ пѣніе
Вторитъ высокій храмъ,
Желѣзное терпѣніе
На диво ихъ врагамъ.

Не разъ они, предъ битвою,
Презрѣвъ ночной покой,
Смиренною молитвою
Встрѣчали день златой;

Не разъ, сверкая взорами,
Они въ глубокій ровъ
Сбивали шестопёрами
Литовскихъ удальцовъ.

Ни на̀-день въ ихъ обители
Гласъ Божій не затихъ,
Блаженные святители,
Въ окладахъ золотыхъ,

Глядятъ на нихъ съ любовію,
Святыхъ ликуетъ хоръ:
Они своею кровію
Литвѣ дадутъ отпоръ!

Но чу! Тамъ пушка грянула,
Во тьмѣ огонь блеснулъ,
Рать вражая воспрянула,
Раздался трубный гулъ!....

Молитесь Богу, братія!
Начнется скоро бой!
Я слышу ихъ проклятія,
И гиканье, и вой;

Несчетными станицами
Идутъ они вдали —
Приляжемъ за бойницами,
Раздуемъ фитили!

8.

КНЯЗЬ МИХАЙЛО РЕПНИНЪ.

Безъ отдыха пируетъ съ дружиной удалой
Иванъ Васильичъ Грозный подъ матушкой Москвой.

Ковшами золотыми столовъ блистаетъ рядъ,
Разгульные за ними опричники сидятъ.

Съ вечерни льются вины на царскіе ковры,
Поютъ ему съ полночи лихіе гусляры,

Поютъ потѣхи брани, дѣла былыхъ временъ,
И взятіе Казани, и Астрахани плѣнъ.

Но голосъ прежней славы царя не веселитъ,
Подать себѣ личину онъ кравчему велитъ.

«Да здравствуютъ тіуны, опричники мои!»
«Вы-жъ громче бейте въ струны, баяны-соловьи!

«Себѣ личину, други, пусть каждый изберетъ —
«Я первый открываю веселый хороводъ!

«За мной, мои тіуны, опричники мои!
Вы-жъ громче бейте въ струны, баяны-соловьи!»

И всѣ подъяли кубки. Не поднялъ лишь одинъ,
Одинъ не поднялъ кубка, Михайло Князь Репнинъ.

«О царь, забылъ ты Бога! Свой санъ ты, царь, забылъ!»
«Опричниной на горе престолъ свой окружилъ!

«Разсыпь державнымъ словомъ дѣтей бѣсовскихъ рать!
«Тебѣ-ли, властелину, здѣсь въ машкерѣ плясать!»

Но царь, нахмуря брови: «Въ умѣ ты, знать, ослабъ,
«Или хмѣленъ не въ мѣру? Молчи, строптивый рабъ!»

«Не возражай ни слова и машкеру надѣнь —
«Или клянусь, что прожилъ ты свой послѣдній день!»

Тутъ всталъ и поднялъ кубокъ Репнинъ, правдивый Князь:
«Опричнина да згинетъ!» онъ рекъ, перекрестясь,

«Да здравствуетъ во вѣки нашъ православный царь!
«Да правитъ человѣки, какъ правилъ ими встарь!

Да презритъ, какъ измѣну безстыдной лести гласъ!
«Личины-жъ не надѣну я въ мой послѣдній часъ!»

Онъ молвилъ и ногами личину растопталъ,
Изъ рукъ его на землю звенящій кубокъ палъ...

«Умри-же, дерзновенный!» царь вскрикнулъ, разъярясь —
И палъ, жезломъ пронзенный, Репнинъ, правдивый Князь.

И вновь подъяты кубки, ковши опять звучатъ,
За длинными столами опричники шумятъ,

И смѣхъ ихъ раздается, и пиръ опять кипитъ —
Но звонъ ковшей и кубковъ царя не веселитъ:

«Убилъ, убилъ напрасно я вѣрнаго слугу!
«Вкушать веселье нынѣ я болѣ не могу!»

Напрасно льются вины на царскіе ковры,
Поютъ царю напрасно лихіе гусляры,

Поютъ потѣхи брани, дѣла былыхъ временъ,
И взятіе Казани, и Астрахани плѣнъ.

9.

ВАСИЛІЙ ШИБАНОВЪ.

Князь Курбскій отъ царскаго гнѣва бѣжалъ,
Съ нимъ Васька Шибановъ, стремянный.
Дороденъ былъ Князь, конь измученный палъ —
Какъ быть среди ночи туманной?
Но рабскую вѣрность Шибановъ храня,
Свого отдаетъ воеводѣ коня:
«Скачи, Князь, до вражьяго стану,»
«Авось я пѣшой не отстану!»

И Князь доскакалъ. Подъ литовскимъ шатромъ
Опальный сидитъ воевода;
Стоятъ въ изумленьи литовцы кругомъ,
Безъ шапокъ толпятся у входа,
Всякъ русскому витязю честь воздаетъ,
Не даромъ дивится литовскій народъ
И ходятъ ихъ головы кругомъ:
«Князь Курбскій намъ сдѣлался другомъ!»

Но Князя не радуетъ новая честь,
Исполненъ онъ желчи и злобы;

Готовится Курбскій царю перечесть
Души оскорбленной зазнобы:
«Что долго въ себѣ я таю и ношу,
«То все я пространно къ царю напишу,
«Скажу напрямикъ, безъ изгиба,
«За всѣ его ласки спасибо!»

И пишетъ бояринъ всю ночь напролётъ,
Перо его местію дышетъ;
Прочтетъ, улыбнется, и снова прочтетъ,
И снова безъ отдыха пишетъ,
И злыми словами язвитъ онъ царя,
И вотъ ужъ когда занялася заря,
Поспѣло, ему на отраду,
Посланіе, полное яду.

Но кто-жъ дерзновенныя Князя слова
Отвезть Іоанну возмется?
Кому не люба на плечахъ голова,
Чье сердце въ груди не сожмется?
Невольно сомнѣнья на Князя нашли....
Вдругъ входитъ Шибановъ въ поту и въ пыли:
«Князь, служба моя не нужна-ли?
«Вишь, наши меня не догнали!»

И въ радости Князь посылаетъ раба,
Торопитъ его въ нетерпѣньи:
«Ты тѣломъ здоровъ, и душа не слаба,
«А вотъ и рубли въ награжденье!»
Шибановъ въ отвѣтъ господину: «Добро!

«Тебѣ здѣсь нужнѣе твое серебро,
«А я передамъ и за муки
«Письмо твое въ царскія руки!»

Звонъ мѣдный несется, гудитъ надъ Москвой,
Царь въ смирной одеждѣ трезвонитъ:
Зоветъ-ли обратно онъ прежній покой,
Иль совѣсть на вѣки хоронитъ?
Но часто и мѣрно онъ въ колоколъ бьетъ,
И звону внимаетъ московскій народъ,
И молится, полный боязни,
Чтобъ день миновался безъ казни.

Въ отвѣтъ властелину гудятъ терема,
Звонитъ съ нимъ и Вяземскій лютый,
Звонитъ всей опричнины кромѣшная тьма,
И Васька Грязной, и Малюта,
И тутъ-же, гордяся своею красой,
Съ дѣвичьей улыбкой, съ змѣиной душой,
Любимецъ звонитъ Іоанновъ,
Отверженный Богомъ Басмановъ.

Царь кончилъ; на жезлъ опираясь, идетъ
И съ нимъ всѣхъ окольныхъ собранье —
Вдругъ ѣдетъ гонецъ, раздвигаетъ народъ,
Надъ шапкою держитъ посланье.
И спрянулъ съ коня онъ поспѣшно долой,
Къ царю Іоанну подходитъ пѣшой
И молвитъ ему, не блѣднѣя:
«Отъ Курбскаго, Князя Андрея!»

И очи царя загорѣлися вдругъ:
«Ко мнѣ? Отъ злодѣя лихаго?»
«Читайте-же, дьяки, читайте мнѣ вслухъ
«Посланье отъ слова до слова!»
« — Подай сюда грамоту, дерзкій гонецъ!»
И въ ногу Шибанова острый конецъ
Жезла своего онъ вонзаетъ,
Налегъ на костыль — и внимаетъ:

«Царю, прославляему древле отъ всѣхъ,
«Но тонущу въ сквернахъ обильныхъ!
«Отвѣтствуй, безумный, какихъ ради грѣхъ
«Побилъ еси добрыхъ и сильныхъ?
«Отвѣтствуй, не ими-ль средь тяжкой войны
«Безъ счета твердыни враговъ сражены?
«Не ихъ-ли ты мужествомъ славенъ?
«И кто имъ бысть вѣрностью равенъ?

«Безумный! Иль мнишись безсмертнѣе насъ,
«Въ небытную ересь прельщенный?
«Внимай-же! Пріидетъ возмездія часъ,
«Писаніемъ намъ предрѣченный,
«И азъ, иже кровь, въ непрестанныхъ бояхъ,
«За тя, аки воду, ліяхъ и ліяхъ,
«Съ тобой предъ Судьею предстану!»
Такъ Курбскій писалъ къ Іоанну.

Шибановъ молчалъ. Изъ пронзенной ноги
Кровь алымъ струилася токомъ,
И царь на спокойное око слуги

Взиралъ испытующимъ окомъ.
Стоялъ неподвижно опричниковъ рядъ,
Былъ мраченъ владыки загадочный взглядъ,
Какъ будто исполненъ печали,
И всѣ, въ ожиданьи, молчали.

И молвилъ такъ царь: «Да, бояринъ твой правъ,
«И нѣтъ ужъ мнѣ жизни отрадной!»
«Кровь добрыхъ и сильныхъ ногами поправъ,
«Я песъ, недостойный и смрадный!
«Гонецъ, ты не рабъ, но товарищъ и другъ,
«И много, знать, вѣрныхъ у Курбскаго слугъ,
«Что выдалъ тебя за безцѣнокъ!
«Ступай-же съ Малютой въ застѣнокъ!»

Пытаютъ и мучатъ гонца палачи,
Другъ къ другу приходятъ на смѣну.
«Товарищей Курбскаго ты уличи,
«Открой ихъ собачью измѣну!»
И царь вопрошаетъ: «Ну что́-же гонецъ?
«Назвалъ-ли онъ вора друзей наконецъ?
« — Царь, слово его все едино:
«Онъ славитъ своего господина!»

День меркнетъ, приходитъ ночная пора,
Скрыпятъ у застѣнка ворота,
Заплечные входятъ опять мастера,
Опять зачалася работа.
«Ну что́-же? Назвалъ-ли злодѣевъ гонецъ?»
« — Царь, близокъ ему ужъ приходитъ конецъ,

*

«Но слово его все едино:
«Онъ славитъ своего господина!»

«О князь, ты, который предать меня могъ
«За сладостный мигъ укоризны,
«О князь, я молю, да проститъ тебя Богъ
«Измѣну твою предъ отчизной!
«Услышь меня, Боже, въ предсмертный мой часъ,
«Языкъ мой нѣмѣстъ и взоръ мой угасъ,
«Но въ сердцѣ любовь и прощенье —
«Помилуй мои прегрѣшенья!

«Услышь меня, Боже, въ предсмертный мой часъ,
«Прости моего господина!
«Языкъ мой нѣмѣетъ и взоръ мой угасъ,
«Но слово мое все едино:
«За грознаго, Боже, царя я молюсь,
«За нашу святую, великую Русь —
«И твердо жду смерти желанной!»
Такъ умеръ Шибановъ, стремянный.

10.

СТАРИЦКІЙ ВОЕВОДА.

Когда былъ обвиненъ старицкій воевода,
Что, гордый знатностью и древностію рода,
Присвоить онъ себѣ мечтаетъ царскій санъ,
Предстать ему велѣлъ предъ очи Іоаннъ.
И осужденному поднесъ вѣнецъ богатый,
И ризою облекъ изъ жемчуга и злата,
И бармы возложилъ, и самъ на свой престолъ,
По шелковымъ коврамъ виновнаго возвелъ.
И взоръ предъ нимъ склонивъ, онъ палъ среди палаты,
И въ землю кланяясь, съ покорностью, трикраты,
Сказалъ: «Доволенъ будь въ величіи своемъ,
«Се азъ, твой рабъ, тебѣ на царствѣ бью челомъ!»
И вспрянувъ тотъ-же часъ со злобой безпощадной,
Онъ въ сердце ножъ ему вонзилъ рукою жадной,
И ликъ свой наклоня надъ сверженнымъ врагомъ,
Онъ наступилъ на трупъ узорнымъ сапогомъ,
И въ очи мертвыя глядѣлъ — и съ дрожью зыбкой
Державныя уста змѣилися улыбкой.

11.

Ходитъ Спѣсь, надуваючись,
Съ боку на́-бокъ переваливаясь.
Ростомъ-то Спѣсь аршинъ съ четвертью,
Шапка-то на немъ во цѣлу сажень,
Пузо-то его все въ жемчугѣ,
Сзади-то у него раззолочено.
А и зашелъ-бы Спѣсь къ отцу къ матери,
Да ворота не крашены!
А и помолился-бъ Спѣсь во церкви Божіей,
Да полъ не метёнъ!
Идетъ Спѣсь, видитъ: на небѣ радуга;
Повернулъ Спѣсь во другую сторону:
Не пригоже-де мнѣ нагибатися!

12.

ЧУЖОЕ ГОРЕ.

Въ лѣсную чащу богатырь при лунѣ
Въѣзжаетъ, въ блестящемъ уборѣ;
Онъ въ остромъ шеломѣ, въ кольчатой бронѣ,
И свистнулъ безпечно, бочась на конѣ:
«Какое мнѣ дѣется горе!»

И ѣдетъ онъ рысью, гремя и звеня,
Стучатъ лишь о корни копыты —
Вдругъ съ дуба къ нему кто-то прыгъ на коня —
— «Эй, кто за плечами тамъ сѣлъ у меня?
«Со мной, берегись, не шути ты!»

И щупаетъ онъ у себя за спиной,
И шаритъ съ досадой во взорѣ,
Но внемлетъ отвѣтъ: «Я тебѣ не чужой,
«Ты, чай, объ усобицѣ слышалъ Княжой,
«Везешь Ярослава ты горе!»

«Ну, ври себѣ!» думаетъ витязь, смѣясь,
«Вотъ подлинно было-бы диво!
«Какая твоя съ Ярославомъ-то связь?
«Въ Софійскомъ соборѣ спитъ Кіевскій Князь,
«А горе, небось, его живо?»

Но далѣ онъ ѣдетъ, гремя и звеня,
Съ товарищемъ болѣ не споря —
Вдругъ снова къ нему кто-то прыгъ на коня —
И нà-ухо шепчетъ: «Вози-жъ и меня,
«Я, витязь, татарское горе!»

«Ну, видно, не въ добрый я выѣхалъ часъ!
«Вишь, притча какая бываетъ, —
«Чтó шишекъ еловыхъ здѣсь падаетъ васъ!»
Такъ думаетъ витязь, главою склонясь,
А конь уже шагомъ шагаетъ.

Но вотъ и ступать ужъ ему тяжело,
И сталъ спотыкаться онъ вскорѣ —
А тутъ кто-то съизнова прыгъ за сѣдло.
«Какого тамъ черта еще принесло?»
— Ивана Васильича горе!

«Долой васъ! И мѣста ужъ нѣтъ за сѣдломъ!
«Плеча мнѣ совсѣмъ отдавило.»
— Нѣтъ, витязь, ужъ сѣли, долой не сойдемъ! —
И ѣдутъ они на конѣ вчетверомъ,
И ломится конская сила.

«Эхъ,» думаетъ витязь, мнѣ-бъ изъ-лѣсу вонъ,
«Да въ полѣ скакать на просторѣ!
«И какъ я безъ битвы попался въ полонъ!
«Чужое, вишь, горе тащить осужденъ,
«Чужое, прошедшее горе!»

13.

У приказныхъ воротъ собирался народъ
Густо;
Говоритъ въ простотѣ, что въ его животѣ
Пусто.
— Дурачье! сказалъ дьякъ, изъ васъ долженъ быть всякъ
Въ тѣлѣ:
Еще въ думѣ вчера мы съ трудомъ осетра
Съѣли!

На базаръ мужикъ везъ черезъ рѣку обозъ
Пакли;
Мужичекъ-то, вишь, простъ; знай, везетъ черезъ мостъ,—
Такъ-ли?
— Вишь дуракъ! сказалъ дьякъ, тебѣ мостъ чай, пустякъ,
Дудки?
Ты-бъ его поберегъ; вѣдь плыли-жъ поперекъ
Утки!

Какъ у Васьки Волчка воръ стянулъ гусака,
Вишь ты!
Въ полотенце свернулъ, да поймалъ караулъ,
Ништо!

Дьякъ сказалъ: Дурачье! Полотенцо-то чье?
Васьки?
Стало, Васька и тать! Стало, Васькѣ и дать
Таску!

Пришелъ къ дьяку больной, говоритъ: Ой, ой, ой,
Дьяче!
Очень больно нутру, а ужъ вотъ поутру
Паче.
И не лечь и не сѣсть, и не можно мнѣ съѣсть
Столько!
— Вишь дуракъ! сказалъ дьякъ, ну не ѣшь на тощакъ —
Только!

Пришелъ къ дьяку истецъ, говоритъ: Ты отецъ
Бѣдныхъ!
Кабы ты мнѣ помогъ — видишь денегъ мѣшокъ
Мѣдныхъ —
Я-бъ те всыпалъ, ей, ей, въ шапку десять рублей,
Шутка!
— Сыпь сейчасъ! сказалъ дьякъ, подставляя колпакъ,
Нутка!

14.

ПРАВДА.

Ахъ ты гой еси, правда-матушка,
Велика ты, правда, широка стоишь!
Ты горами поднялась до поднѐбесья,
Ты степями, государыня, раскинулась,
Ты морями разлилася синими,
Городами изукрасилась людными,
Разрослася лѣсами дремучими!
Не объѣхать кругомъ тебя вó-сто лѣтъ,
Посмотрѣть на тебя — шапка валится!

Выѣзжало семеро братіевъ,
Семеро выѣзжало добрыхъ молодцевъ,
Посмотрѣть выѣзжали молодцы
Какова она, правда, на свѣтѣ живетъ?
А и много про нее говóрено,
А и много про нее писано,
А и много про нее лыгано,

Поскакали добры молодцы,
Всѣ семеро братьевъ удалыхъ,

И подъѣхали къ правдѣ со семи концовъ,
И увидѣли правду со семи сторонъ.

Посмотрѣли добры молодцы,
Покачали головами удáлыми,
И вернулись на свою родину.
А вернувшись на свою родину,
Всякъ разсказывалъ по свóему:
Кто горой называлъ ее высокою,
Кто городомъ люднымъ торговымъ,
Кто моремъ, кто лѣсомъ, кто степію.

И поспорили братья промежъ собой,
И вымали мечи булатные
И рубили другъ друга дó смерти,
И рубяся, корились, ругалися,
И братъ брата звалъ обманщикомъ.
Наконецъ полегли до единаго
Всѣ семеро братьевъ удалыихъ.
Умирая-жъ, каждый сыну наказывалъ,
Рубитися наказывалъ дó смерти,
Полегти за правду за истину.
Тожъ-жъ и сынъ сыну наказывалъ,
И доселѣ ихъ внуки рубятся,
Всѣ рубятся за правду за истину,
На великое себѣ разореніе.

А сказана притча не въ осужденіе,
Не въ укоръ сказана — въ поученіе,
Людямъ добрымъ въ уразумѣніе.

15.

Ой кабъ Волга матушка да вспять побѣжала!
Кабы можно, братцы, начать жить сначала!
Ой кабы зимою цвѣты разцвѣтали!
Кабы мы любили да не разлюбляли!
Кабы дно морское достать да измѣрить!
Кабы можно, братцы, краснымъ дѣвкамъ вѣрить!
Ой кабы всѣ бабы были-бъ молодицы!
Кабы въ полугарѣ поменьше водицы!
Кабы всегда чарка доходила дó-рту!
Да кабы приказныхъ пó-боку да къ черту!
Да кабы звенѣли за всегда карманы!
Да кабы намъ, братцы, да свои кафтаны!
Да кабы голодный всякій день обѣдалъ!
Да батюшка-бъ царь нашъ всю правду-бы вѣдалъ!

16.

ПАНТЕЛЕЙ ЦѢЛИТЕЛЬ.

Пантелей государь ходитъ по́-полю,
И цвѣтовъ и травы ему по́-поясъ;
И всѣ травы предъ нимъ разступаются,
И цвѣты всѣ ему поклоняются.
И онъ знаетъ ихъ силы сокрытыя,
Всѣ благія и всѣ ядовитыя;
И всѣмъ добрымъ онъ травамъ, невреднымъ,
Отвѣчаетъ поклономъ привѣтныимъ,
А которы ростутъ виноватыя,
Тѣмъ онъ палкой грозитъ суковатою.

По листочку съ благихъ собираетъ онъ
И мѣшокъ ими свой наполняетъ онъ,
И на хворую братію бѣдную
Изъ нихъ зеліе варитъ цѣлебное.
Государь Пантелей!
Ты и насъ пожалѣй!
Свой чудесный елей
Въ наши раны излей,

Въ наши многія раны сердечныя!
Есть межъ нами душою увѣчные,
Есть и разумомъ тяжко болящіе,
Есть глухіе, нѣмые, незрящіе,
Опоенные злыми отравами,
Помоги имъ своими ты травами!

А еще, государь,
(Чего нé было встарь,)
И такіе межъ насъ попадаются,
Чтó леченіемъ всякимъ гнушаются.
Они звона не терпятъ гуслярнаго,
Подавай имъ товара базарнаго!
Все, чего имъ не взвѣсить, не смѣряти,
Все, кричатъ они, надо похѣрити!
Только то, говорятъ, и дѣйствительно,
Что для нашего тѣла чувствительно;
И пріемы у нихъ дубоватые,
И ученье-то ихъ грязноватое;
И на этихъ людей,
Государь Пантелей,
Палки ты не жалѣй
Суковатыя!

ПЕРЕВОДЫ.

ИЗЪ ШЕНЬЕ.

1.

Крылатый богъ любви, склоняся надъ сохой,
Оратаемъ идетъ за взрѣзанной браздой;
Впряженные тельцы его послушны волѣ,
Прилежною рукой онъ засѣваетъ поле,
И дерзкій взглядъ поднявъ къ властителю небесъ,
Взываетъ: Жатву ты блюди мою, Зевесъ!
Не то, къ Европѣ страсть опять въ тебѣ волнуя,
Въ ярмо твою главу мычащую нагну я!

---

*

2.

Вотъ онъ, Низійскій богъ, смиритель дикихъ странъ,
Со взглядомъ дѣвственнымъ и гроздіемъ вѣнчанъ,
Влекомый желтымъ львомъ и барсомъ многоцвѣтнымъ,
Обратный держитъ путь къ садамъ своимъ завѣтнымъ!

3.

Ко мнѣ, младой Хромидъ, смотри какъ я прекрасна!
О юноша, тебя я полюбила страстно.
Діанѣ равная, когда, въ закатѣ дня,
Я шла, потупя взоръ, съ восторгомъ на меня
Глядѣли пастухи, другъ друга вопрошая:
«То смертная-ль идетъ, иль дѣва неземная?
«Неэра, не ввѣряй себя морскимъ волнамъ,
«Не то, богинею ты станешь, и пловцамъ
«Прійдется въ бурю звать, къ рулю теряя вѣру,
«Ѳетиду бѣлую и бѣлую Неэру!»

4.

Супругъ блудливыхъ козъ, нечистый и кичливый,
Узрѣвъ, что къ нимъ сатиръ подкрался похотливый
И чуя въ немъ себѣ опаснаго врага,
Вздыбяся, изловчилъ ревнивые рога.
Сатиръ склоняетъ лобъ — и стукъ ихъ ярой встрѣчи
Зефиры по лѣсамъ, смѣясь, несутъ далече.

5.

Багровый гаснетъ день; толпится за оградой
Вернувшихся телицъ недояное стадо.
Имъ въ ясли сочная навалена трава,
И ждутъ онѣ, жуя, пока ты рукава
По локоть засучивъ и волосы откинувъ,
Готовишь звонкій рядъ расписанныхъ кувшиновъ.
Безпечно на тебя лѣнивыя глядятъ,
Лишь краснобурой той, замѣть, неласковъ взглядъ;
Въ глазахъ ея давно сокрытая есть злоба,
Не даромъ отъ другихъ она паслась особо;
Но если вмѣстѣ мы къ строптивой подойдемъ
И ноги сильныя опутаемъ ремнемъ,
Мы покоримъ ее, и подъ твоей рукою
Польется молоко журчащею струею.

6.

Я вмѣсто матери уже считаю стадо,
Съ отцомъ ходить въ поля теперь моя отрада,
Мы трудимся вдвоемъ. Я заставляю мѣдь
Весной душистою на пчельникѣ звенѣть;
Съ царицею своей, услыша звукъ тяжелый,
Во страхѣ улетѣть хотятъ младыя пчелы,
Но новой ихъ семьѣ готовя новый домъ,
Сильнѣе все въ тазы мы кованные бьемъ,
И вольные рои, испуганные нами,
Межъ зелени висятъ жужжащими гроздами.

ИЗЪ БАЙРОНА.

Ассиріяне шли какъ на стадо волки,
Въ багрецѣ ихъ и въ златѣ сіяли полки,
И безъ счета ихъ копья сверкали окрестъ,
Какъ въ волнахъ Галилейскихъ мерцаніе звѣздъ.

Словно листья дубравные въ лѣтніе дни,
Еще вечеромъ такъ красовались они;
Словно листья дубравные въ вихрѣ зимы,
Ихъ къ разсвѣту лежали развѣяны тьмы.

Ангелъ смерти лишь на̀-вѣтеръ крылья простеръ
И дохнулъ имъ въ лицо, и померкнулъ ихъ взоръ,
И на мутныя очи палъ сонъ безъ конца,
И лишь разъ поднялись и остыли сердца.

Вотъ, расширившій ноздри, повернутый конь,
И не пышетъ изъ нихъ гордой силы огонь,
И какъ хладная влага на брегѣ морскомъ,
Такъ предсмертая пѣна бѣлѣетъ на немъ.

Вотъ и всадникъ лежитъ, распростертый во прахъ,
На бронѣ его ржа, и роса на власахъ;
Безотвѣтны шатры, у знаменъ ни раба,
И не свищетъ копье, и не трубитъ труба.

И Ассиріи вдовъ слышенъ плачъ на весь міръ,
И во храмѣ Ваала низверженъ кумиръ,
И народъ, не сраженный мечемъ до конца,
Весь растаялъ, какъ снѣгъ, передъ блескомъ Творца!

ИЗЪ НЕГО-ЖЕ.

Неспящихъ солнце, грустная звѣзда, —
Какъ слезно лучъ мерцаетъ твой всегда,
Какъ темнота при немъ еще темнѣй,
Какъ онъ похожъ на радость прежнихъ дней!

Такъ свѣтитъ прошлое намъ въ жизненной ночи,
Но ужъ не грѣютъ насъ безсильные лучи,
Звѣзда минувшаго такъ въ горѣ мнѣ видна,
Видна, но далека, — свѣтла, но холодна.

ИЗЪ ГЕРВЕГА.

Хотѣлъ-бы я угаснуть какъ заря,
Какъ алые отливы небосклона;
Какъ зарево вечернее горя,
Я-бы хотѣлъ излиться въ Божье лоно.

Я-бы хотѣлъ, какъ свѣтлая звѣзда,
Зайти, блестя въ негаснущемъ мерцаньи,
Я утонуть хотѣлъ-бы безъ слѣда
Во глубинѣ лазурнаго сіянья.

Пускай-бы смерть моя была легка
И жизнь моя такъ тихо уходила
Какъ легкій запахъ вешняго цвѣтка,
Какъ синій дымъ, бѣгущій отъ кадила.

И какъ летитъ отъ арфы слабый звонъ,
Въ предѣлахъ дальнихъ тихо замирая,
Такъ отъ земной темницы отрѣшенъ,
Я-бъ улетѣть хотѣлъ къ родному краю.

Нѣтъ, не зайдешь ты свѣтлою звѣздой,
Ты не угаснешь, заревомъ пылая,
Не какъ цвѣтокъ умрешь ты полевой,
Не улетишь, звеня, къ родному краю; —

Угаснешь ты, но грозная рука
Тебя сперва безжалостно коснется:
Природы смерть спокойна и легка; —
На части сердце, умирая, рвется!

ИЗЪ ГЕИНЕ.

У моря сижу, на утесѣ крутомъ,
Мечтами и думами полный;
Лишь вѣтеръ, да тучи, да чайки кругомъ,
Кочуютъ и пѣнятся волны.

Знавалъ и друзей я, и ласковыхъ дѣвъ —
Ихъ нынѣ припомнить хочу я:
Куда вы сокрылись? Лишь вѣтеръ, да ревъ,
Да пѣнятся волны, кочуя.

ИЗЪ НЕГО-ЖЕ.

Безоблачно небо, нѣтъ вѣтру съ утра,
Въ большомъ затрудненьи торчатъ флюгера:
Ужъ какъ ни гадаютъ, никакъ не добьются
Въ которую сторону имъ повернуться?

ИЗЪ НЕГО-ЖЕ.

Изъ водъ подымая головку,
Лилея въ раздумьѣ глядитъ;
Съ высотъ улыбаяся, мѣсяцъ
Къ ней тихой любовью горитъ.

Лилея стыдливо склонила
Головку на зеркало водъ —
А онъ ужъ у ногъ ея, бѣдный
Трепещетъ и блескъ свой ліетъ.....

ПОЭМЫ.

ГРѢШНИЦА.

I.

Народъ кипитъ; веселье, хохотъ,
Звонъ лютней и кимваловъ грохотъ,
Кругомъ и зелень и цвѣты,
И межъ столбовъ, у входа дома,
Парчи тяжелой переломы
Тесьмой узорной подняты.
Чертоги убраны богато,
Вездѣ горитъ хрусталь и злато,
Возницъ и коней полонъ дворъ;
Тѣснясь за трапезой великой,
Гостей пируетъ шумный хоръ,
Идетъ, сливаяся съ музыкой,
Ихъ перекрестный разговоръ.

Ничѣмъ бесѣда не стѣснима,
Они свободно говорятъ
О ненавистномъ игѣ Рима,
О томъ, какъ властвуетъ Пилатъ,
О ихъ старшинъ собраньи тайномъ,

Торговлѣ, мирѣ и войнѣ,
И мужѣ томъ необычайномъ,
Что́ появился въ ихъ странѣ:

II.

«Любовью къ ближнимъ пламенѣя,
«Народъ смиренью онъ училъ,
«Онъ всѣ законы Моисея
«Любви закону подчинилъ.
«Не терпитъ гнѣва онъ, ни мщенья,
«Онъ проповѣдуетъ прощенье,
«Велитъ за зло платить добромъ,
«Есть неземная сила въ немъ:
«Слѣпымъ онъ возвращаетъ зрѣнье,
«Даритъ и крѣпость и движенье
«Тому, кто былъ и слабъ и хромъ.
«Ему признанія не надо,
«Сердецъ мышленье отперто,
«Его пытующаго взгляда
«Еще не выдержалъ никто.
«Цѣля недугъ, врачуя муку,
«Вездѣ спасителемъ онъ былъ,
«И всѣмъ простеръ благую руку
«И никого не осудилъ.
«То, видно, Богомъ мужъ избранный!
«Онъ тамъ, по о́нполъ Іоардана
«Ходилъ какъ посланный небесъ,
«Онъ много тамъ свершилъ чудесъ,

«Теперь пришелъ онъ, благодушный,
«На эту сторону рѣки,
«Толпой прилежной и послушной
«За нимъ идутъ ученики.»

III.

Такъ гости, вмѣстѣ разсуждая,
За длинной трапезой сидятъ,
Межъ ними, чашу осушая,
Сидитъ блудница молодая.
Ея причудливый нарядъ
Невольно привлекаетъ взоры;
Ея нескромные уборы
О грѣшной жизни говорятъ.
Но дѣва падшая прекрасна,
Взирая на нее, наврядъ
Предъ силой прелести опасной
Мужи и старцы устоятъ:
Глаза насмѣшливы и смѣлы,
Какъ снѣгъ Ливана зубы бѣлы,
Какъ зной улыбка горяча;
Вкругъ стана падая широко,
Сквозныя ткани дразнятъ око,
Съ нагаго спущены плеча.
Ея и серьги и запястья,
Звеня, къ восторгамъ сладострастья,
Къ утѣхамъ пламеннымъ зовутъ,
Алмазы блещутъ тамъ и тутъ,

И тѣнь бросая на ланиты,
Во всемъ обиліи красы,
Жемчужной нитью перевиты,
Падутъ роскошные власы.
Въ ней совѣсть сердца не тревожитъ,
Стыдливо не вспыхаетъ кровь,
Купить за злато всякій можетъ
Ея продажную любвовь.

И внемлетъ дѣва разговорамъ,
И ей они звучатъ укоромъ,
Гордыня пробудилась въ ней,
И говоритъ съ хвастливымъ взоромъ:
«Я власти не страшусь ничьей!
«Закладъ со мной держать хотитель-ль?
«Пускай предстанетъ вашъ учетель,
«Онъ не смутитъ моихъ очей!»

IV.

Вино струится, шумъ и хохотъ,
Звонъ лютней и кимваловъ грохотъ,
Куренье, солнце и цвѣты —
И вотъ къ толпѣ, шумящей праздно,
Подходитъ мужъ благообразный.
Его чудесныя черты,
Осанка, поступь и движенья,
Во блескѣ юной красоты,
Полны огня и вдохновенья;

Его величественный видъ
Неотразимой дышетъ властью,
Къ земнымъ утѣхамъ нѣтъ участья,
И взоръ въ грядущее глядитъ.
То мужъ на смертныхъ не похожій,
Печать избранника на немъ,
Онъ свѣтелъ какъ архангелъ Божій,
Когда пылающимъ мечемъ
Врага въ кромѣшныя оковы
Онъ гналъ по манію Іеговы.
Невольно грѣшная жена
Его величьемъ смущена,
И смотритъ робко, взоръ понизивъ
Но, вспомня свой недавній вызовъ,
Она съ сѣдалища встаетъ,
И станъ свой выпрямивши гибкой,
И смѣло выступивъ впередъ,
Пришельцу съ дерзкою улыбкой
Фіялъ шипящій подаетъ.

«Ты тотъ, что̀ учитъ отреченью?
«Не вѣрю твоему ученью,
«Мое надежнѣй и вѣрнѣй.
«Меня смутить не мысли нынѣ,
«Одинъ скитавшійся въ пустынѣ,
«Въ постѣ проведшій сорокъ дней!
«Лишь наслажденьемъ я влекома,
«Съ постомъ, съ молитвой незнакома,
«Я вѣрю только красотѣ,
«Служу вину и поцѣлуямъ,

«Мой духъ тобою неволнуемъ,
«Твоей смѣюсь я чистотѣ!»

И рѣчь ея еще звучала,
Еще смѣялася она,
И пѣна легкая вина
По кольцамъ рукъ ея бѣжала,
Какъ общій говоръ вкругъ возникъ,
И слышитъ грѣшница въ смущеньи:
«Она ошиблась! Въ заблужденье
«Ее привелъ пришельца ликъ:
«То не учитель передъ нею,
«То Іоаннъ изъ Галилеи,
«Его любимый ученикъ.»

V.

Небрежно немощнымъ обидамъ
Внималъ онъ дѣвы молодой,
И вслѣдъ за нимъ, съ спокойнымъ видомъ
Подходитъ къ храминѣ другой.
Въ его смиренномъ выраженьи
Восторга нѣтъ, ни вдохновенья,
Но мысль глубокая легла
На очеркъ дивнаго чела.
То не пророка взглядъ орлиный,
Не прелесть ангельской красы, —
Дѣлятся нá двѣ половины
Его волнистые власы;

Поверхъ хитона упадая,
Одѣла риза шерстяная
Простою тканью стройный ростъ,
Въ движеньяхъ скроменъ онъ и простъ;
Ложась вкругъ устъ его прекрасныхъ,
Слегка раздвоена брада, —
Такихъ очей благихъ и ясныхъ
Никто не видѣлъ никогда.

И пронеслося надъ народомъ
Какъ дуновенье тишины,
И чудно благостнымъ приходомъ
Сердца гостей потрясены.
Замолкнулъ говоръ. Въ ожиданьи
Сидитъ недвижное собранье,
Тревожно духъ переводя —
И онъ, въ молчаніи глубокомъ,
Обвелъ сидящихъ тихимъ окомъ,
И въ домъ веселья не входя,
На дерзкой дѣвѣ самохвальной
Остановилъ свой взоръ печальный.

VI.

И былъ тотъ взоръ какъ лучъ денницы,
И все открылося ему,
И въ сердцѣ сумрачномъ блудницы
Онъ разогналъ ночную тьму.

И все, что́ было тамъ таимо,
Въ грѣхѣ что́ было свершено,
Въ ея глазахъ неумолимо
До глубины озарено.
Внезапно стала ей понятна
Неправда жизни святотатной
Вся ложь ея порочныхъ дѣлъ —
И ужасъ ею овладѣлъ.
Уже на грани сокрушенья,
Она постигла въ изумленьи
Какъ много благъ, какъ много силъ
Господь ей щедро подарилъ,
И какъ она восходъ свой ясный
Грѣхомъ мрачила ежечасно.
И въ первый разъ гнушаясь зла,
Она въ томъ взорѣ благодатномъ
И кару днямъ своимъ развратнымъ
И милосердіе прочла;
И чуя новое начало,
Еще страшась земныхъ препонъ,
Она, колеблясь, стояла....

И вдругъ въ тиши раздался звонъ
Изъ рукъ упавшаго фіала,
Стѣсненной груди слышенъ стонъ,
Блѣднѣетъ грѣшница младая,
Дрожатъ открытыя уста —
И пала ницъ она, рыдая,
Передъ святынею Христа.

ІОАННЪ ДАМАСКИНЪ.

I.

Любимъ калифомъ Іоаннъ,
Ему что день, почетъ и ласка,
Къ дѣламъ правленія призванъ
Лишь онъ одинъ изъ христіанъ
Порабощеннаго Дамаска.
Его поставилъ властелинъ
И судъ рядить и править градомъ,
Онъ съ нимъ бесѣдуетъ одинъ,
Онъ съ нимъ сидитъ въ совѣтѣ рядомъ;
Окружены его дворцы
Благоуханными садами,
Лазурью блещутъ изразцы,
Убраны стѣны янтарями;
Въ полдневный зной пріютъ и тѣнь
Даютъ навѣсы шелкомъ тканы,
Въ узорныхъ баняхъ ночь и день
Шумятъ студеные фонтаны.

Но отъ него бѣжитъ покой,
Онъ бродитъ сумраченъ; не той
Онъ прежде мнилъ идти дорогой;
Онъ счастливъ былъ-бы и убогій,
Когда-бъ онъ могъ въ тиши лѣсной,
Въ глухой степи, въ уединеньи,
Двора волненіе забыть
И жизнь смиренно посвятить
Труду, молитвѣ, пѣснопѣнью.

И раздавался ужъ не разъ
Его краснорѣчивый гласъ
Противу ереси безумной,
Что на искуство поднялась
Грозой неистовой и шумной.
Упорно съ ней боролся онъ,
И отъ Дамаска до Царьграда
Былъ какъ боецъ за честь иконъ
И какъ художества ограда
Давно извѣстенъ и почтенъ.

Но шумъ и блескъ его тревожатъ,
Ужиться съ ними онъ не можетъ,
И тяжкой думой обуянъ,
Тоска въ душѣ и скорбь на ликѣ,
Вошелъ правитель Іоаннъ
Въ чертогъ дамасскаго владыки:
«О государь, внемли: мой санъ,
«Величье, пышность, власть и сила—
«Все мнѣ несносно, все постыло!

«Инымъ призваніемъ влекомъ,
«Я не могу народомъ править:
«Простымъ рожденъ я быть пѣвцомъ,
«Глаголомъ вольнымъ Бога славить.
«Въ толпѣ вельможъ всегда одинъ,
«Мученья полонъ я и скуки;
«Среди пировъ, въ главѣ дружинъ,
«Иные слышатся мнѣ звуки.
«Неодолимый ихъ призывъ
«Къ себѣ влечетъ меня все болѣ —
«О отпусти меня, калифъ,
«Дозволь дышать и пѣть на волѣ!»

И тотъ просящему въ отвѣтъ,
«Возвеселись, мой рабъ любимый!
«Печали вѣчной въ мірѣ нѣтъ,
«И нѣтъ тоски неизлечимой.
«Твоею мудростью одной
«Кругомъ Дамаскъ могучъ и славенъ;
«Кто нынѣ намъ величьемъ равенъ,
«И кто дерзнетъ на насъ войной?
«А я возвышу жребій твой, —
«Не даромъ я окрестъ державенъ, —
«Ты примешь чести торжество,
«Ты будешь мнѣ мой братъ единый:
«Возьми полцарства моего,
«Лишь правь другою половиной!»

Къ нему пѣвецъ: «Твой щедрый даръ,
«О государь, пѣвцу не нуженъ;

«Съ иною силою онъ друженъ;
«Въ его груди пылаетъ жаръ,
«Которымъ зиждется созданье;
«Служить Творцу его призванье;
«Его души незримый міръ
«Престоловъ выше и порфиръ, —
«Онъ не измѣнитъ, не обманетъ, —
«Все, что́ другихъ влечетъ и манитъ:
«Богатство, сила, слава, честь,
«Все въ мірѣ томъ въ избыткѣ есть;
«А всѣ сокровища природы:
«Степей безбережный просторъ,
«Туманный очеркъ дальнихъ горъ,
«И моря пѣнистыя воды,
«Земля, и солнце, и луна,
«И всѣхъ созвѣздій хороводы,
«И синей тверди глубина,
«То все одно лишь отраженье,
«Лишь тѣнь таинственныхъ красотъ,
«Которыхъ вѣчное видѣнье
«Въ душѣ избранника живетъ.
«О вѣрь, ничѣмъ тотъ неподкупенъ,
«Кому сей чудный міръ доступенъ,
«Кому Господь дозволилъ взглядъ
«Въ то сокровенное горнило,
«Гдѣ первообразы кипятъ,
«Трепещутъ творческія силы.
«То ихъ торжественный приливъ
«Звучитъ пѣвцу въ его глаголѣ —

«О отпусти меня, калифъ,
«Дозволь дышать и пѣть на волѣ!

И рекъ калифъ: «Въ твоей груди
«Не властенъ я сдержать желанье,
«Пѣвецъ, свободенъ ты, иди
«Куда влечетъ тебя призванье!»

И вотъ правителя дворцы
Добычей сдѣлались забвенья,
Одѣлись пестрые зубцы
Травой и прахомъ запустѣнья;
Его несчетная казна
Давно ужъ нищимъ роздана,
Усердныхъ слугъ не видно болѣ,
Рабы отпущены на волю,
И не укажетъ ни одинъ
Куда ихъ скрылся господинъ.
Въ хоромахъ стѣны и картины
Давно затканы паутиной,
И мхомъ фонтаны заросли;
Плющи ползущіе по хорамъ,
Отъ самыхъ сводовъ до земли
Зеленымъ падаютъ узоромъ,
И макъ спокойно полевой
Ростетъ кругомъ на звонкихъ плитахъ,
И вѣтеръ, шелестя травой,
Въ чертогахъ ходитъ позабытыхъ.

II.

Благословляю васъ, лѣса,
Долины, нивы, горы, воды,
Благословляю я свободу
И голубыя небеса!
И посохъ мой благословляю,
И эту бѣдную суму,
И степь отъ краю и до краю,
И солнца свѣтъ, и ночи тьму,
И одинокую тропинку,
По коей, нищій, я иду,
И въ полѣ каждую былинку,
И въ небѣ каждую звѣзду!
О если-бъ могъ всю жизнь смѣшать я
Всю душу вмѣстѣ съ вами слить;
О если-бъ могъ въ мои объятья,
Я васъ, враги, друзья и братья,
И всю природу заключить!
Какъ горней бури приближенье,
Какъ натискъ пѣнящихся водъ,
Теперь въ груди моей ростетъ
Святая сила вдохновенья.
Ужъ на устахъ дрожитъ хвала

Всему, что́ благо и достойно; —
Какія-жъ мнѣ воспѣть дѣла,
Какія битвы, или войны?
Гдѣ я для дара моего
Найду высокую задачу,
Чье передамъ я торжество,
Иль чье паденіе оплачу?
Блаженъ, кто рядомъ славныхъ дѣлъ
Свой вѣкъ украсилъ быстротечный,
Блаженъ, кто жизнію умѣлъ
Хоть разъ коснуться правды вѣчной;
Блаженъ, кто истину искалъ,
И тотъ, кто побѣжденный палъ
Въ толпѣ ничтожной и холодной,
Какъ жертва мысли благородной,
Но не для нихъ моя хвала,
Не имъ восторга изліянья, —
Мечта для пѣсень избрала
Не ихъ высокія дѣянья,
И не въ вѣнцѣ сіяетъ Онъ,
Къ кому душа моя стремится;
Не блескомъ славы окруженъ,
Не на звенящей колесницѣ
Стоитъ онъ, гордый сынъ побѣдъ,
Не въ торжествѣ величья, — нѣтъ, —
Я зрю Его передо мною
Съ толпою бѣдныхъ рыбаковъ,
Онъ тихо, мирною стезею,
Идетъ межъ зрѣющихъ хлѣбовъ;
Благихъ рѣчей своихъ отраду

Въ сердца простыя Онъ ліетъ,
Онъ правды алчущее стадо
Къ ея источнику ведетъ.

Зачѣмъ не въ то рожденъ я время,
Когда межъ нами, во плоти,
Неся мучительное бремя,
Онъ шелъ на жизненномъ пути!
Зачѣмъ я не могу нести,
О мой Господь, Твои оковы,
Твоимъ страданіемъ страдать
И крестъ на плечи Твой пріять
И на главу вѣнецъ терновый!
О если-бъ могъ я лобызать
Лишь край святой Твоей одежды,
Лишь пыльный слѣдъ Твоихъ шаговъ,
О мой Господь, моя надежда,
Моя и сила и покровъ!
Тебѣ хочу я всѣ мышленья,
Тебѣ всѣхъ пѣсней благодать,
И думы дня, и ночи бдѣнья,
И сердца каждое біенье,
И душу всю мою отдать!
Не отверзайтесь для другаго
Отнынѣ вѣщія уста!
Греми лишь именемъ Христа,
Мое восторженное слово!

III.

Часы бѣгутъ. Ночная тѣнь
Не разъ смѣняла зной палящій,
Не разъ, всходя, лазурный день
Свивалъ покровъ съ природы спящей;
И передъ странникомъ вдали
И волновались и росли
Разнообразныя картины:
Бѣлѣли снѣжныя вершины
Надъ лѣсомъ кедровымъ густымъ,
Іорданъ сверкалъ въ степномъ просторѣ,
И Мертвое чернѣло море,
Сливаясь съ небомъ голубымъ.
И вотъ, віясь въ степи широкой,
Чертой изо́гнутой легло
Предъ нимъ Кедронскаго потока
Давно безводное русло.

Смеркалось. Паръ струился синій;
Кругомъ царила тишина;
Мерцали звѣзды; надъ пустыней
Всходила медленно луна.
Бреговъ сожженныя стремнины

На дно сбѣгаютъ крутизной,
Спирая узкую долину
Двойной отвѣсною стѣной.
Внизу кресты, символы вѣры,
Стоятъ въ обрывахъ здѣсь и тамъ,
И видны странника очамъ
Въ утесахъ рытыя пещеры.
Сюда, со всѣхъ концовъ земли,
Бѣжавъ мірскаго треволненья,
Отцы святые притекли
Искать покоя и спасенья.
Съ краевъ до высохшаго дна,
Гдѣ спускъ крутой ведетъ въ долину,
Руками ихъ возведена
Изъ камней крѣпкая стѣна,
Отпоръ степному сарацыну.
Въ стѣнѣ ворота; тѣсный входъ
Надъ ними башня стережетъ,
Тропинка вьется надъ оврагомъ,
И вотъ, спускаясь по скаламъ,
При свѣтѣ звѣздъ, усталымъ шагомъ
Подходитъ странникъ къ воротамъ.
«Тебя, безбурное жилище,
«Тебя, познанія купель,
«Житейскихъ помысловъ кладбище,
«И новой жизни колыбель,
«Тебя привѣтствую, пустыня,
«Къ тебѣ стремился я всегда!
«Будь мнѣ убѣжищемъ отнынѣ,
«Пріютомъ пѣсень и труда,

«Всѣ попеченія мірскія
«Сложивъ съ себя у этихъ вратъ,
«Приноситъ вамъ, отцы святые,
«Свой даръ и гусли новый братъ.»

IV.

— Отшельники Кедронскаго потока,
«Игуменъ васъ сзываетъ на совѣтъ.
«Сбирайтесь всѣ: пришедшій издалёка,
«Вамъ новый братъ приноситъ свой привѣтъ.
«Велики въ немъ и вѣра и призванье,
«Но долженъ онъ пройти чрезъ испытанье.

«Изъ васъ его вручаю одному:
«Онъ тотъ пѣвецъ, межъ всѣми знаменитый,
«Чтó разглашалъ иконоборства тьму,
«Чьимъ словомъ ложь попрана и разбита,
«То Іоаннъ, святыхъ иконъ защита, —
«Кто хочетъ быть наставникомъ ему?»

И лишь назвалъ игуменъ это имя,
Заволновался весь монаховъ рядъ,
И на пѣвца дивятся и глядятъ,
И пробѣгаетъ шопотъ между ними.
Главами всѣ поникнувши сѣдыми,
Съ смиреніемъ игумну говорятъ:

«Благословенъ сей славный Божій воинъ,
«Благословенъ межъ насъ его приходъ,

«Но кто-же здѣсь учить того достоинъ,
«Кто правды свѣтъ вокругъ себя лiетъ?
«Чье слово намъ какъ колоколъ звучало —
«Того-ль прiять дерзнемъ мы подъ начало?»

Тутъ изъ толпы одинъ выходитъ братъ;
То черноризецъ былъ на видъ суровый,
И строгъ его пытующiй былъ взглядъ,
И строгое пѣвцу онъ молвилъ слово:
«Держать посты уставы намъ велятъ,
«Служенья-жъ мы не вѣдаемъ инаго.

«Коль подъ моимъ началомъ хочешь быть,
«Тебѣ согласенъ дать я наставленье,
«Но долженъ ты отнынѣ отложить
«Ненужныхъ думъ безплодное броженье;
«Духъ праздности и прелесть пѣснопѣнья
«Постомъ, пѣвецъ, ты долженъ побѣдить.

«Коль ты пришелъ отшельникомъ въ пустыню,
«Умѣй мечты житейскiя попрать,
«И на уста, смиривъ свою гордыню,
«Ты наложи молчанiя печать;
«Исполни духъ молитвой и печалью, —
«Вотъ мой уставъ тебѣ въ новоначалье!«

* *
*

Замолкъ монахъ. Нежданный приговоръ
Какъ громъ упалъ средь мирнаго синклита.

Смутились всѣ. Пѣвца померкнулъ взоръ,
Покрыла блѣдность впалыя ланиты.

И неподвижно долго онъ стоялъ,
Безмолвно опустивъ на землю очи,
Какъ будто-бы отвѣта онъ искалъ,
Но отвѣчать не доставало мочи.

И началъ онъ: «Моихъ всю бодрость силъ,
«И мысли всѣ, и всѣ мои стремленья
«Одной я только цѣли посвятилъ:
«Хвалить Творца и славить въ пѣснопѣньи.

«Но ты велишь скорбѣть мнѣ и молчать, —
«Твоей, отецъ, я повинуюсь волѣ:
«Весельемъ сердце не взыграетъ болѣ,
«Уста сомкнетъ молчанія печать.

«Такъ вотъ гдѣ ты таилось, отреченье,
«Что́ я не разъ въ молитвахъ обѣщалъ!
«Моей отрадой было пѣснопѣнье,
«И въ жертву ты, Господь, его избралъ!

«Настаньте-жъ дни молчанія и муки!
«Прости мой даръ! Ложись на гусли прахъ!
«А вы, въ груди взлелѣянные звуки,
«Замрите всѣ на трепетныхъ устахъ!

«Спустися ночь на горестнаго брата
«И тьмой его отъ солнца отлучи!

«Померкните, затмитесь безъ возврата,
«Моихъ псалмовъ звенящіе лучи!

«Погибни, жизнь! Погасни огнь алтарный!
«Уймись во мнѣ взволнованная кровь!
«Свѣти лишь ты, небесная любовь,
«Въ моей ночи звѣздою лучезарной!

«О мой Господь, прости послѣдній стонъ,
«Послѣдній сердца страждущаго ропотъ!
«Единый мигъ, — замретъ и этотъ шопотъ,
«И встану я, Тобою возрожденъ!

«Свершилось. Мрака набѣгаютъ волны, —
«Взоръ гаснетъ, — стынетъ кровь, — всему конецъ!
«Изъ міра звуковъ нынѣ въ міръ безмолвный
«Нисходитъ къ вамъ развѣнчанный пѣвецъ!»

V.

Въ глубокомъ ущельи,
Какъ гнѣзда стрижей,
По желтымъ обрывамъ темнѣютъ пустынныя кельи,
Но рѣчи не слышно ничьей;
Все тихо, пока не сберется къ служенью
Отшельниковъ рой,
И вторитъ тогда ихъ обрядному пѣнью
Одинъ отголосокъ глухой.
А тамъ, надъ краями долины,
Безлюдной пустыни царитъ торжество,
И пальмы не видно нигдѣ ни единой,
Все пусто кругомъ и мертво.
Какъ жгучее бремя,
Такъ небо усталую землю гнететъ,
И кажется, будто-бы время
Свой медленный звучно свершаетъ надъ нею полетъ.
Порой отдаленное слышно рычанье
Голоднаго льва;
И снова наступитъ молчанье,
И снова шумитъ лишь сухая трава,
Когда изъ подъ камней змѣя выползая,
Блеснетъ чешуей;

Крылами треща, саранча полевая
Взлетитъ иногда. Иль случится порой,
Пустыня проснется отъ дикаго клика,
Посыпятся камни, и тамъ, въ вышинѣ,
Дрожа и колеблясь, мохнатая пика
Покажется въ небѣ; на легкомъ конѣ
Появится всадникъ; надъ самымъ оврагомъ
Сдержавъ скакуна запѣненнаго летъ,
Проѣдетъ онъ мимо обители шагомъ,
Да инокамъ сверху проклятье пошлетъ.
И снова все стихнетъ. Лишь въ полдень орлицы
На крыльяхъ недвижныхъ парятъ,
Да вечеромъ звѣзды горятъ,
И скучною тянутся длинные дни вереницей.

VI.

Порою въ тверди голубой
Проходятъ тучи надъ долиной;
Онѣ картину за картиной
Плывя, свиваютъ межъ собой.
Такъ, въ нескончаемомъ движеньи,
Клубится надо мной всегда
Воспоминаній череда,
Погибшей жизни отраженья;
И льнутъ и вьются безъ конца,
И вѣчно волю осаждаютъ,
И онѣмѣвшаго пѣвца,
Ласкаясь, къ пѣснямъ призываютъ.
И казнью сталъ мнѣ праздный даръ,
Всегда готовый къ пробужденью;
Такъ ждетъ лишь вѣтра дуновенья
Подъ пепломъ тлѣющій пожаръ.
Передъ моимъ тревожнымъ духомъ
Тѣснятся о́бразы толпой,
И въ тишинѣ, надъ чуткимъ ухомъ,
Дрожитъ созвучій мѣрный строй;
И я, не смѣя святотатно
Ихъ вызвать въ жизнь изъ царства тьмы,

Въ хаоса ночь гоню обратно
Мои непѣтые псалмы.
Но тщетно я, въ безплодной битвѣ,
Твержу уставныя слова
И заученныя молитвы, —
Душа беретъ свои права!
Увы, подъ этой ризой черной,
Какъ въ оны дни подъ багрецомъ,
Живымъ палимое огнемъ,
Мечется сердце непокорно.
Юдоль, гдѣ я похоронилъ
Броженье дѣятельныхъ силъ,
Свободу творческаго слова, —
Юдоль молчанья роковаго, —
О передай душѣ моей
Твоихъ стремнинъ покой угрюмый!
Пустынный вѣтеръ, о развѣй
Мои недремлющія думы!

VII.

Тщетно онъ проситъ и ждетъ отъ безмолвной юдоли покоя,
Вѣтеръ пустынный не можетъ недремлющей думы развѣять;
Годы проходятъ одинъ за другимъ, все безплодные годы!
Все тяжелѣе надъ нимъ тяготитъ роковое молчанье.
Такъ онъ однажды сидѣлъ у входа пещеры, рукою
Грустныя очи закрывъ и внутреннимъ звукамъ внимая.
Къ скорбному тутъ къ нему подошелъ одинъ черноризецъ,
Палъ на колѣни предъ нимъ и сказалъ: «Помоги, Іоанне!
«Братъ мой по плоти преставился; братомъ онъ былъ по душѣ мнѣ.
«Тяжкая горесть снѣдаетъ меня; я плакать хотѣлъ-бы, —
«Слезы не льются изъ глазъ, но скипаются въ горестномъ сердцѣ.
«Ты-же мнѣ можешь помочь: напиши лишь умильную пѣсню,
«Пѣснь погребальную милому брату, ее чтобы слыша,
«Могъ я рыдать и тоска-бы моя получила ослабу!»
Кротко взглянулъ Іоаннъ и печально въ отвѣтъ ему молвилъ:
«Или не вѣдаешь ты какимъ я связанъ уставомъ?
«Строгое старецъ на пѣсни мои положилъ запрещенье.»
Тотъ-же сталъ паки его умолять, говоря: «Не узнаетъ
«Старецъ о томъ никогда; онъ отсель отлучился на три дня,
«Брата-жъ мы завтра хоронимъ; молю тебя всею душою,

«Дай утѣшеніе мнѣ въ безпредѣльно горькой печали!»
Паки-жъ отказъ получивъ: «Іоанне, сказалъ черноризецъ,
«Если-бы былъ ты тѣлеснымъ врачемъ, а я-бъ отъ недуга
«Такъ умиралъ, какъ теперь умираю отъ горя и скорби,
«Ты-ли бы въ помощи мнѣ отказалъ! И не дашь-ли отвѣта
«Господу Богу о мнѣ, если нынѣ умру безутѣшенъ?
Такъ говоря, колебалъ въ Дамаскинѣ онъ мягкое сердце.
Собственной полонъ печали, пѣвецъ далъ жалости мѣсто;
Черною тучей тогда на него низошло вдохновенье,
Образы мрачной явились толпой, и въ воздухѣ звуки
Стали надгробное мѣрно гласить надъ усопшимъ рыданье.
Слушалъ пѣвецъ, наклонивши главу, то незримое пѣнье,
Долго слушалъ, и всталъ, и съ молитвой вошедши въ пещеру,
Тамъ послушной рукой начерталъ что́ ему прозвучало; —
Такъ былъ нарушенъ уставъ, такъ прервано было молчанье.

* * *

Надъ вольной мыслью Богу неугодны
Насиліе и гнётъ:
Она, въ душѣ рожденная свободно,
Въ оковахъ не умретъ!

Ужели вправду мнишь ты, близорукій,
Сковать свои мечты?
Ужель попрать въ себѣ живые звуки
Насильно думалъ ты?

Съ ливанскихъ горъ, гдѣ, въ высотѣ лазурной,
Бѣлѣетъ дальній снѣгъ,

Въ просторъ степей стремяся, вѣтеръ бурный
Удержитъ-ли свой бѣгъ?

И потекутъ-ли вспять струи потока,
Что́ между скалъ гремятъ?
И солнце тамъ, поднявшись отъ востока,
Вернется-ли назадъ?

VIII.

Колоколовъ унылый звонъ
Съ утра долину оглашаетъ;
Покойникъ въ церковь принесенъ;
Обрядъ печальный похоронъ
Соборъ отшельниковъ свершаетъ.
Свѣчами свѣтится алтарь,
Стоитъ пѣвецъ съ поникшимъ взоромъ,
Поетъ напутственный тропарь,
Ему монахи вторятъ хоромъ.

Тропарь.

«Какая сладость въ жизни сей
«Земной печали непричастна?
«Чье ожиданье не напрасно,
«И гдѣ счастливый межъ людей?
«Все то превратно, все ничтожно,
«Чтó мы съ трудомъ пріобрѣли, —
«Какая слава на земли
«Стоитъ тверда и непреложна?
«Все пепелъ, призракъ, тѣнь и дымъ,
«Исчезнетъ все какъ вихорь пыльный,
«И передъ смертью мы стоимъ

«И безоружны и безсильны.
«Рука могучаго слаба,
«Ничтожны царскія велѣнья, —
«Пріими усопшаго раба,
«Господь, въ блаженныя селенья!

«Какъ ярый витязь смерть нашла,
«Меня какъ хищникъ низложила,
«Свой зѣвъ разинула могила
«И все житейское взяла.
«Спасайтесь, сродники и чада,
«Изъ гроба къ вамъ взываю я,
«Спасайтесь, братья и друзья,
«Да не узрите пламень ада!
«Вся жизнь есть царство суеты,
«И дуновенье смерти чуя,
«Мы увядаемъ какъ цвѣты; —
«Почто-же мы метемся всуе?
«Престолы наши суть гроба,
«Чертоги наши — разрушенье; —
«Пріими усопшаго раба
«Господь въ блаженныя селенья!

«Средь груды тлѣющихъ костей
«Кто царь, кто рабъ, судья иль воинъ?
«Кто царства Божія достоинъ
«И кто отверженный злодѣй?
«О братья, гдѣ сребро и злато,
«Гдѣ сонмы многіе рабовъ?
«Среди невѣдомыхъ гробовъ

«Кто есть убогій, кто богатый?
«Все пепелъ, дымъ, и пыль и прахъ,
«Все призракъ, тѣнь и привидѣнье —
«Лишь у Тебя, на небесахъ,
«Господь, и пристань и спасенье!
«Исчезнетъ все, что было плоть,
«Величье наше будетъ тлѣнье —
«Пріими усопшаго, Господь,
«Въ твои блаженныя селенья!

«И Ты, предстательница всѣмъ,
«И Ты, заступница скорбящимъ,
«Къ Тебѣ о братѣ, здѣсь лежащемъ,
«Къ Тебѣ, Святая, вопіемъ!
«Моли Божественнаго сына,
«Его, Пречистая, моли,
«Дабы отжившій на земли
«Оставилъ здѣсь свои кручины!
«Все пепелъ, прахъ, и дымъ, и тѣнь,
«О други, призраку не вѣрьте!
«Когда дохнетъ въ нежданный день
«Дыханье тлительное смерти,
«Мы всѣ поляжемъ какъ хлѣба
«Серпомъ подрѣзанные въ нивахъ, —
«Пріими усопшаго раба,
«Господь, въ селеніяхъ счастливыхъ!

«Иду въ незнаемый я путь,
«Иду межъ страха и надежды;
«Мой взоръ угасъ, остыла грудь,

*

«Не внемлетъ слухъ, сомкнуты вѣжды;
«Лежу безгласенъ, недвижимъ,
«Не слышу братскаго рыданья,
«И отъ кадила синій дымъ
«Не мнѣ струитъ благоуханье;
«Но вѣчнымъ сномъ пока я сплю,
«Моя любовь не умираетъ,
«И ею, братья, васъ молю,
«Да каждый къ Господу взываетъ:
«Господь! Въ тотъ день, когда труба
«Вострубитъ міра преставленье —
«Пріими усопшаго брата
«Въ Твои блаженныя селенья!

IX.

Такъ онъ съ монахами поетъ
Но вотъ межъ ними гость нежданный,
Нахмуря брови, предстаетъ
Наставникъ старый Іоанна.
Суровы строгія черты,
Главу подъемля величаво:
«Пѣвецъ,» онъ молвитъ, «такъ-ли ты
«Блюдешь и чтишь мои уставы?
«Когда предъ нами братскій прахъ,
«Не пѣть, но плакать намъ пристойно!
«Изыди, инокъ недостойный, —
«Не въ нашихъ жить тебѣ стѣнахъ!»

И гнѣвной рѣчью пораженный,
Виновный палъ къ его ногамъ:
«Прости, отецъ! Не знаю самъ
«Какъ преступилъ твои законы!
«Во мнѣ звучалъ немолчный гласъ,
«Въ неодолимой сердца мукѣ
«Невольно вырвалися звуки,
«Невольно пѣсня полилась!»
И ноги старца онъ объемлетъ;

«Прости вину мою, отецъ!»
Но тотъ раскаянью не внемлетъ,
Онъ говоритъ: «Бѣги, пѣвецъ!
«Досель житейская гордыня
«Еще жива въ твоей груди, —
«Отъ нашихъ келій отойди,
«Не оскверняй собой пустыни!»

X.

Прошла по лаврѣ роковая вѣсть.
Отшельниковъ смутилося собранье:
«Нашъ Іоаннъ, Христовой церкви честь,
«Наставника навлекъ негодованье!
«Ужель ему прійдется перенесть,
«Ему, пѣвцу, позорное изгнанье?»
И жалостью исполнились сердца,
И всѣ соборомъ молятъ за пѣвца.

Но, словно столпъ, наставникъ непреклоненъ,
И такъ въ отвѣтъ просящимъ молвитъ онъ:
«Уставъ, что мной однажды узаконенъ,
«Не будетъ даромъ нынѣ отмѣненъ.
«Кто къ гордости и къ ослушанью склоненъ,
«Того какъ тернъ мы вырываемъ вонъ.
«Но если въ немъ не ложны сожалѣнья,
«Эпитимьей онъ выкупитъ прощенье.

«Пусть онъ обходитъ лавры черный дворъ,
«Съ лопатою обходитъ и съ метлою;
«Свой духъ смиривъ, пусть всюду грязь и соръ
«Онъ непокорной вымететъ рукою.

«Дотоль надъ нимъ мой крѣпокъ приговоръ,
«И нѣтъ ему прощенья предо мною!»
Замолкъ, и внявъ безжалостный отказъ,
Вся братія въ печали разошлась.

*
* *

Презрѣнье, други, на пѣвца,
Чтó даръ священный унижаетъ,
Чтó предъ кумирами склоняетъ
Красу лавроваго вѣнца!
Чтò гласу истины и чести
Внушенье выгодъ предпочелъ,
Чтó угожденію и лести.
Безстыдно продалъ свой глаголъ!
Изъ вѣка въ вѣкъ звучать готово,
Ему на казнь и на позоръ,
Его безсовѣстное слово,
Какъ всенародный приговоръ!
Но ты, иной взалкавшій пищи,
Ты, чтó молитвою влекомъ,
Высокій сердцемъ, духомъ нищій,
Живущій мыслью со Христомъ,
Ты, что пророческаго взора
Предъ блескомъ міра не склонялъ, —
Испить ты можешь безъ укора,
Весь униженія фіалъ!

И старца рѣчь дошла до Дамаскина;
Эпитимьи условія узнавъ,

Пѣвецъ спѣшитъ свои загладить вины;
Спѣшитъ почтить неслыханный уставъ;
Смѣнила радость горькую кручину:
Безъ ропота лопату въ руки взявъ,
Пѣвецъ Христа не мыслитъ о пощадѣ,
Но униженье терпитъ Бога ради.

***

Тотъ, кто съ вѣчною любовію
Воздавалъ за зло добромъ, —
Избіенъ, покрытый кровію,
Вѣнчанъ терновымъ вѣнцомъ,
Всѣхъ съ собой страданьемъ сближенныхъ,
Въ жизни долею обиженныхъ,
Угнетенныхъ и униженныхъ,
Осѣнилъ Своимъ крестомъ.

Вы, чьи лучшія стремленія
Даромъ гибнутъ подъ ярмомъ,
Вѣрьте, други, въ избавленіе,
Къ Божью свѣту мы грядемъ.
Вы, кручиною согбенные,
Вы, цѣпями удрученные,
Вы, Христу сопогребенные,
Совоскреснете съ Христомъ!

XI.

Темнѣетъ. Паръ струится синій;
Въ ущельи мракъ и тишина;
Мерцаютъ звѣзды, и луна
Восходитъ тихо надъ пустыней.
Въ свою пещеру одинокъ
Ушелъ отшельникъ раздраженный;
Все спитъ; луной посеребренный
Изсякшій видится потокъ;
Надъ нимъ скалистыя вершины
Изъ мрака смотрятъ тамъ и тутъ;
Но сердце старца не влекутъ
Природы мирныя картины, —
Оно для жизни умерло;
Согнувши строгое чело,
Онъ чуждый міру, чуждый братьямъ,
Лежитъ, простертъ передъ распятьемъ.
Въ пыли сѣдая голова,
И смерть къ себѣ онъ призываетъ,
И шепчетъ мрачныя слова,
И камнемъ въ перси ударяетъ.
И долго онъ поклоны клалъ,
И долго смерть онъ призывалъ,

И наконецъ, въ изнеможеньи,
Безгласенъ наземь онъ упалъ
И старцу видиться видѣнье:

Разверзся вдругъ утесовъ сводъ,
И разлилось благоуханье,
И отъ невидимыхъ высотъ
Въ пещеру падаетъ сіянье.
И въ трепетныхъ его лучахъ,
Одеждой звѣздною блистая,
Явилась Дѣва пресвятая
Съ младенцемъ спящимъ на рукахъ.
Изъ свѣта чуднаго сліянный,
Ея небесно-кротокъ видъ:
«Почто ты гонишь Іоанна?»
Она монаху говоритъ.
«Его молитвенные звуки,
«Какъ голосъ неба на земли,
«Въ сердца послушныя текли,
«Врачуя горести и муки.
«Почто-жъ ты, старецъ, заградилъ
«Нещадно тотъ источникъ сильный,
«Который міръ-бы напоилъ
«Водой цѣлебной и обильной!
«На то-ли жизни благодать
«Господь послалъ своимъ созданьямъ,
«Чтобъ имъ безплоднымъ истязаньемъ
«Себя казнить и убивать?
«Онъ далъ природѣ изобилье,
«И бѣгъ струящимся рѣкамъ,

«Онъ далъ движенье облакамъ,
«Землѣ цвѣты и птицамъ крылья.
«Почто-жъ пѣвца живую рѣчь
«Сковалъ ты заповѣдью трудной?
«Оставь его глаголу течь
«Рѣкой пѣвучей неоскудно!
«Да оросятъ его мечты
«Какъ дождь житейскую долину, —
«Оставь землѣ ея цвѣты,
«Оставь созвучья Дамаскину!»

Видѣнье скрылось въ облакахъ,
Заря выходитъ изъ тумана....
Встаетъ встревоженный монахъ,
Зоветъ и ищетъ Іоанна —
И вотъ обнялъ его старикъ:
«О сынъ смиренія Христова,
«Тебя душою я постигъ, —
«Отнынѣ пѣть ты можешь снова!
«Отверзи вѣщія уста,
«Твои окончены гоненья;
«Во имя Господа Христа,
«Пѣвецъ, святыя вдохновенья
«Изъ сердца звучнаго излей, —
«Меня-жъ, молю, прости, о чадо,
«Что слову вольному преградой
«Я былъ, по грубости моей!

XII.

Воспой-же, страдалецъ, воскресную пѣснь,
Возрадуйся жизнію новой!
Изчезла коснѣнія долгая плѣснь,
Воскресло свободное слово!

Того, кто оковы души сокрушилъ,
Да славитъ немолчно созданье!
Да хвалитъ торжественно Господа силъ
И солнце и мѣсяцъ и хоры свѣтилъ
И всякое въ мірѣ дыханье!

Блаженъ, кому нынѣ, Господь, предъ Тобой
И мыслить и молвить возможно!
Съ безтрепетнымъ сердцемъ и съ теплой мольбой
Во имя Твое онъ выходитъ на бой
Со всѣмъ, что̀ неправо и ложно!

Раздайся-жъ, воскресная пѣсня моя,
Какъ солнце взойди надъ землею!
Расторгши убійственный сонъ бытія,
И свѣтъ лучезарный повсюду лія,
Громи что̀ созиждено тьмою!

***

Не съ дикихъ падаетъ высотъ,
Средь темныхъ скалъ потокъ нагорный;
Не буря грозная идетъ,
Не вѣтеръ прахъ вздымаетъ черный;
Не сотни гнущихся дубовъ
Шумятъ главами вѣковыми,
Не рядъ морскихъ бѣжитъ валовъ,
Качая гребнями сѣдыми, —

То Іоанна льется рѣчь,
И силъ исполненная новыхъ,
Она громитъ, какъ божій мечъ,
Во прахъ противниковъ Христовыхъ.

Не солнце красное встаетъ,
Не утро свѣтлое настало,
Не стая лебедей взыграла
Весной на лонѣ ясныхъ водъ;
Не соловьи, въ странѣ привольной,
Зовутъ сосѣднихъ соловьевъ,
Не гулъ несется колокольный
Отъ многохрамныхъ городовъ, —
То слышенъ всюду плескъ народный,
То ликованье христіанъ, —
То славитъ рѣчію свободной
И хвалитъ въ пѣсняхъ Іоаннъ
Кого хвалить въ своемъ глаголѣ
Не перестанутъ никогда
Ни каждая былинка въ полѣ,
Ни въ небѣ каждая звѣзда!

ДОНЪ ЖУАНЪ

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА.

(Посвящается памяти Моцарта и Гофманна).

Aber das ist die entsetzliche Folge des Sündenfals, dass der Feind die Macht behielt, dem Menschen aufzulauern, und ihm selbst in dem Streben nach dem Höchsten, worin er seine göttliche Natur ausspricht, böse Fallstricke zu legen. Dieser Conflict der göttlichen und dämonichen Kräfte erzeugt den Begriff des irdichen, so wie der erfochtene Sieg den Begriff des überirdichen Lebens.

Hoffmann.

ПРОЛОГЪ.

Красивая страна. Весенній вечеръ. Захожденіе солнца. Небесные духи спускаются на землю.

ДУХИ.

Изъ иной страны чудесной,
Людямъ въ горести помочь,
Насъ на землю Царь небесный
Посылаетъ въ эту ночь;
Принести живое слово,

Жатвы все̂ благословить,
Человѣка къ жизни новой
Ободрить и укрѣпить!

ОДИНЪ ДУХЪ.

Жаль мнѣ рода, что́ для хлѣба,
Маять вѣкъ свой осужденъ;
Мысль его стремится въ небо,
Самъ надъ плугомъ онъ согбенъ;
Всѣмъ страданьямъ, безъ изъятья,
Долженъ дань онъ заплатить,
И не лучше ль было бъ, братья,
Вовсе смертному не жить?

ДРУГОЙ ДУХЪ.

Всѣ явленія вселенной,
Всѣ движенья вещества, —
Все лишь отблескъ Божества,
Отраженьемъ раздробленный!
Врозь лучи его скользя,
Раздѣлились безпредѣльно,
Міръ земной есть лучъ отдѣльный, —
Не свѣтить ему нельзя!

ТРЕТІЙ ДУХЪ.

Богъ одинъ есть свѣтъ безъ тѣни!
Нераздѣльно въ немъ слита
Совокупность всѣхъ явленій,
Всѣхъ сіяній полнота;
Но струящаясь отъ Бога

Сила борется со тьмой;
Въ Немъ могущества покой —
Вкругъ Него временъ тревога!

ЧЕТВЕРТЫЙ ДУХЪ.

Міроздaніемъ раздвинутъ,
Хаосъ мстительный не спитъ:
Искаженъ и опрокинутъ,
Божій образъ въ немъ дрожитъ;
И всегда, обмановъ полный,
На Господню благодать
Мутно плещущія волны
Онъ старается поднять!

ПЯТЫЙ ДУХЪ.

И усильямъ духа злаго
Вседержитель волю далъ,
И свершается все снова
Споръ враждующихъ началъ.
Въ битвѣ смерти и рожденья
Основало Божество
Нескончаемость творенья,
Міроозданья продолженье,
Вѣчной жизни торжество!

ШЕСТОЙ ДУХЪ.

Вѣчно вкругъ текутъ созвѣздья,
Вѣчно свѣтомъ мракъ смѣненъ:
Нарушенье и возмездье
Есть движенія законъ.

Чрезъ всемірное явленье
Богъ проводитъ мысль одну
И, какъ символъ возрожденья,
За зимой ведетъ весну!

СЕДЬМОЙ ДУХЪ.

Вотъ она, весна младая,
Свѣжимъ трепетомъ полна,
Благодатная, святая,
Животворная весна!
Въ неба синія объятья
Поднялась земли краса; —
Тише! Слышите ли братья,
Всѣ ликуютъ безъ изъятья,
Всѣ природы голоса!

ВСѢ.

На изложинахъ росистыхъ,
На поверхности озеръ,
Вдоль ручьевъ и рѣчекъ чистыхъ,
И куда ни кинешь взоръ,
Всюду звонкая тревога,
Всюду въ зелень убрана,
Торжествуя, хвалитъ Бога
Жизни полная весна!

ПРОХОДЯТЪ ОБЛАКА.

Миновало холодное царство зимы,
И на встрѣчу движенью живому,
Въ юныхъ солнца лучахъ позлатилися мы

И по небу плывемъ голубому.
Миновало холодное царство снѣговъ,
Не гонимы погодою бурной,
Въ парчевой мы одѣтыя снова покровъ,
Хвалимъ Господа въ тверди лазурной!

РАСЦВѢТАЮТЪ ЦВѢТЫ.

Снова небо съ высотъ улыбается намъ,
И головки поднявъ по немногу,
Возсылаемъ изъ нашихъ мы чашъ ѳиміамъ,
Какъ моленіе Господу Богу!

ПРОЛЕТАЮТЪ ЖУРАВЛИ.

По небеснымъ пространствамъ спѣша голубымъ,
Гдѣ насъ видѣть едва можетъ око,
Ко знакомымъ мѣстамъ мы летимъ и кричимъ,
Длинной цѣпью віясь издалека.
Видимъ сверху мы праздникъ веселый земли,
Здѣсь кончается наша дорога,
И мы кружимся вкругъ, журавли, журавли,
Хвалимъ криками Господа Бога!

ОЗЕРА И РѢКИ.

Зашумѣли ручьи и расторгнулся ледъ,
И сквозятъ темно-синія бездны,
И на глади зеркальной таинственныхъ водъ
Возрожденныхъ небесъ отражается сводъ
Въ красотѣ лучезарной и звѣздной.
И вверху и внизу все міры безъ конца,
И двояко является вѣчность:

Высота съ глубиной хвалятъ вмѣстѣ Творца,
Славятъ вмѣстѣ его безконечность!

СОЛНЦЕ ЗАШЛО, ВЪ РОЩѢ ЗАПѢВАЕТЪ СОЛОВЕЙ.

Нисходитъ ночь на міръ прекрасный,
Кругомъ все дышетъ тишиной;
Любви и грусти полонъ страстной,
Пою одинъ про край иной!
Весеннихъ листьевъ трепетанье,
Во мракѣ вѣющіе сны,
Журчанье водъ, цвѣтовъ дыханье,
Все мнѣ звучитъ какъ обѣщанье
Другой, невѣдомой весны!

ДУХИ.

Блаженъ, кто простъ и чистъ душою,
Чей духъ молитвѣ не закрытъ,
Кто вмѣстѣ съ юною землею
Творца міровъ благодаритъ, —
Но мыслью вѣчно восходящей
Не въ жизни ищетъ идеалъ,
И кто души своей любящей
Упорно къ ней не приковалъ!

СОЛОВЕЙ.

Весны томительная сладость,
Тоска по дальней сторонѣ,
Любовь и грусть, печаль и радость,
Всегда межуются во мнѣ,
Но въ ихъ неровномъ колыханьи

Полны надеждъ мои мечты:
Журчанье водъ, цвѣтовъ дыханье,
Все мнѣ звучитъ какъ обѣщанье
Другой далекой красоты!

ДУХИ.

Чѣмъ тѣни сумрачнѣй ночныя
Тѣмъ звѣзды ярче и яснѣй;
Блаженъ въ бѣдѣ не гнувшій выи,
Блаженъ пѣвецъ грядущихъ дней,
Кто среди тьмы денницы новой
Провидитъ радостный восходъ
И утѣшительное слово
Средь общихъ слезъ произнесетъ!
И тьму пусть терпитъ Божья воля,
Явленій двойственность храня, —
Блаженны мы, что наша доля
Быть представителями дня!
Пути Творца необъяснимы,
Его судебъ таинственъ ходъ,
Блаженъ, кто всѣхъ сомнѣній мимо
Дорогой свѣтлою идетъ!

ГОЛОСЪ.

Прекрасно все. Я радуюсь сердечно,
Что на землѣ теперь весна.
Жаль только, что ея краса недолговѣчна,
И декорація ужъ слишкомъ не прочна!

ДУХИ.

Кѣмъ здѣсь нарушена святая тишина?
Чей голосъ разбудилъ уснувшія долины?

ГОЛОСЪ.

Я живописи тѣнь. Я темный фонъ картины,
Необходимости логическая дань.
Я нѣчто въ родѣ общей оболочки,
Я черная та ткань,
По коей шьете вы нарядные цвѣточки.

ДУХИ.

Зарницы блещутъ. Изъ болотъ
Сѣдой туманъ клубится и встаетъ,
Земля подъ нами задрожала, —
О, братья, близко здѣсь недоброе начало!

ГОЛОСЪ.

Хотя не Слово я, за то я всѣ слова!
Все двигаю собой куда лишь самъ ни двинусь;
По математикѣ я — минусъ,
По философіи — изнанка божества;
Короче, я ничто, я жизни отрицанье;
А какъ Господь весь міръ изъ ничего создалъ,
То я тотъ самый матерьялъ,
Который послужилъ для мірозданья.
Клеветникамъ на зло, прогрессъ во всемъ любя,
Что бъ было что-нибудь, я въ даръ принесъ себя,
Не пожалѣлъ отдать часть собственнаго тѣста

Чтобъ вылѣпиться могъ вселенной сложный шаръ;
А такъ, какъ быть нельзя, не занимая мѣста,
То въ остальное онъ вошелъ какъ въ свой футляръ.
Когда вы, полные восторженной хвалою,
Поднявши очи къ небесамъ,
Акаѳисты свои поете фистулою,
Я къ звонкимъ вашимъ дишкантамъ
Фундаментальный бассъ.

ДУХИ.

По дерзостнымъ рѣчамъ
Тебя узнать легко. Явись же лучше къ намъ
И не веди происхожденья
Хвастливо отъ предвѣчной тьмы;
Увы, ты былъ, до дня паденья,
Такимъ же свѣтлымъ, какъ и мы!

ГОЛОСЪ.

Мнѣ грамату мою отстаивать — безплодно;
Во мнѣ такъ много есть сторонъ,
Что быть готовъ я, коль угодно,
Не что иное, какъ *бурбонъ*.
Но если съ этой точки зрѣнья
Мы будемъ на мое смотрѣть происхожденье,
Тогда осмѣлюся сказать,
Вамъ не во гнѣвъ и не въ обиду,
Что я, имѣвъ несчастье потерять
Архангельскій мой видъ, лишился вовсе виду.
Поэтому, коль я вамъ подлинно собратъ,
То одолжите мнѣ, любезные собратья,

Какой-нибудь нарядъ,
Приличный обликъ, или платье!

ДУХИ.

Бери любой; явися намъ
Какъ змій, какъ воронъ, иль иначе!

САТАНА (является въ видѣ чернаго ангела).

Вотъ такъ извѣстенъ я пѣвцамъ,
А живописцамъ наипаче.

ПЕРВЫЙ ДУХЪ.

Замолкнулъ соловей, поблекнули цвѣты,
Подернулися звѣзды облаками...
Скажи, погибшій братъ, чего здѣсь хочешь ты,
И что есть общаго межъ нами?

ВТОРОЙ ДУХЪ.

Духъ отрицанія, безвѣрія и тьмы,
Духъ возмущенья и гордыни!
Тебя ли снова видимъ мы,
Врага и правды и святыни?

ТРЕТІЙ ДУХЪ.

Ты ль, мной самимъ, какъ червь, низверженный во прахъ,
Теперь, съ насмѣшкой на устахъ
Дерзаешь въ сонмѣ семъ являться?

САТАНА.

Превосходительный! не стыдно ль такъ ругаться?
Припомни: въ оный день, когда я вздумалъ самъ
Владыкой сдѣлаться вселенной
И на великій бой поднялся дерзновенно
Изъ бездны къ небесамъ, —
А ты, чтобъ замысламъ противостать свободнымъ
Съ негодованьемъ благороднымъ,
Какъ ревностный жандармъ, съ небесъ на встрѣчу мнѣ
Пустился и меня шарахнулъ по спинѣ,
Не я ль въ той схваткѣ благотворной
Тебѣ былъ точкою опорной?
Ты сверху напиралъ, я снизу далъ отпоръ;
Потомъ вернулись мы, я внизъ, ты въ поднебесье,
И во движеньи силъ всемірныхъ съ этихъ поръ
Установилось равновѣсье.
Но еслибъ не пришлось тебѣ меня сшибить
И прыгнувъ сгоряча, ты мимо далъ бы маху,
Куда осмѣлюся спросить,
Ты самъ бы полетѣлъ сразмаху?
Неблагодарны вы, ей, ей,
Но это все *дѣла давно минувшихъ дней,*
Преданья старины глубокой —
Кто вспомнитъ старое, того да лопнетъ око!

ДУХИ.

Какое жь нынѣ замышленье
Тебя изъ бездны вызвало опять?

САТАНА.

Хотѣлось мнѣ, для развлеченья,
Весной немножко погулять.
Но впрочемъ у меня есть и другое дѣло.
Коль вамъ бесѣдовать со мной не надоѣло,
Охотно сообщу задуманный мной планъ.

(Садится на обгорѣлый пень).

Есть юноша въ Севильѣ, донъ Жуанъ,
А по фамильи, де-Маранья.
Ему пятнадцать лѣтъ. Счастливые года!
Чуть пухомъ поросла младая борода,
Почти еще дитя. Но въ мысляхъ колебанье
И безпокойство видны иногда.
Какъ размышляетъ онъ глубоко,
И какъ задумчивъ онъ порой!
Къ какой-то цѣли все неясной и высокой
Стремится онъ неопытной душей;
Но если рѣчь зайдетъ о воинской отвагѣ,
Или любви коснется разговоръ,
Его рука уже на шпагѣ,
Огнемъ горитъ орлиный взоръ.
Какъ онъ хорошъ въ толпѣ придворной,
Одѣтый въ бархатъ и атласъ,
Когда онъ клонитъ такъ притворно
Свой взоръ при встрѣчѣ женскихъ глазъ!
За то какъ иногда онъ смѣло
На нихъ украдкою глядитъ!
Самъ бредитъ о любви, а кровь кипитъ, кипитъ....
О молодость моя, куда ты улетѣла!

Вы правы, господа! На утрѣ бытія,
Мечтателемъ когда-то былъ и я,
Пока не преступилъ небеснаго предѣла!

ДУХИ.

О Сатана, кого назвалъ ты намъ!
Сей донъ Жуанъ любимецъ есть природы,
Онъ призванъ къ подвигамъ и благостнымъ дѣламъ,
Предъ нимъ преклонятся народы,
Онъ будетъ славенъ до конца,
Онъ стражей огражденъ небесной неприступно,
Къ нему ты не прострешь руки своей преступной, —
Познай: сей донъ Жуанъ избранникъ есть Творца!

САТАНА.

Мой также. Я давно его замѣтилъ.
Я знаю сколь удѣлъ его въ грядущемъ свѣтелъ,
И юношу всѣмъ сердемъ возлюбя,
Я сдѣлаю его похожимъ на себя.

ДУХИ.

Но гдѣ же власть твоя? Гдѣ сила?

САТАНА.

Оно и не легко. И дорого, да мило!
Послушайте. Во всемъ я къ точности привыкъ.
Вѣдь, каждый данный пунктъ, характеръ, или ликъ,
Мы можемъ мысленно, по нашему капризу,
И къ верху продолжить и къ низу.
Я часто самъ отъ скуки наблюдалъ
Какъ иногда моя мѣняется натура:

Взберусь на верхъ — я мрачный идеалъ;
Спущуся въ низъ — карикатура.
Теперь, какъ съ каѳедры адъюнктъ,
Я вашего прошу вниманья:
Любую женщину возмемъ какъ данный пунктъ;
Коль къ верху продолжимъ ея мы очертанье,
То наша линія, какъ я уже сказалъ,
Прямехонько въ ея упрется идеалъ,
Въ тотъ чистый прототипъ, въ тотъ образъ совершенный,
Для каждой личности заранѣ припасенный.
Я этотъ прототипъ, незримый никому,
Изъ дружбы покажу любимцу моему.
Пусть въ каждомъ личикѣ, хоть нѣсколько годящемъ,
Какое бы себѣ онъ ни избралъ,
Онъ вмѣсто копіи все зритъ оригиналъ,
Послѣдній выводъ нашъ въ порядкѣ восходящемъ.
Когда жь захочетъ онъ, моимъ огнемъ палимъ,
Въ объятіяхъ любви найдти себѣ блаженство,
Исчезнетъ для него видѣнье совершенства,
И женщина, какъ есть, появится предъ нимъ.
И пусть онъ бѣсится. Пусть ловитъ съ вѣчной жаждой
Все новый идеалъ въ объятьяхъ дѣвы каждой!
Такъ съ волей пламенной, съ упорствомъ на челѣ,
Съ отчаяньемъ въ груди, со страстію во взорѣ,
Небесное Жуанъ пусть ищетъ на землѣ
И въ каждомъ торжествѣ себѣ готовитъ горе!

ДУХИ.

О духъ неправды! Тотъ, кто ищетъ свѣтъ,
Кто жаждетъ лишь обнять что̀ вѣчно и прекрасно,

Надъ тѣмъ у ада власти нѣтъ,
И ты сгубить его надѣешься напрасно.
Познаетъ правду онъ, разсѣется твой мракъ,
Какъ вѣтромъ на луну навѣянная тучка!

САТАНА.

Вотъ въ этомъ-то и закорючка.
Уладить дѣло надо такъ,
Чтобы, во что бы то ни стало,
Все подъ носомъ ловилъ далекій онъ призракъ,
И съ толку сбился бы искатель идеала.
Вѣдь, чорту, говорятъ, достаточно схватить
Кого-нибудь хоть за единый волосъ,
Чтобъ душу всю его держать за эту нить,
И чтобы съ нимъ она ужъ не боролась;
А донъ Жуанъ душой какъ ни высокъ,
И какъ ни велики въ немъ правила и твердость,
Я у него одинъ подмѣтилъ волосокъ,
Которому названье — гордость!

ДУХИ.

О братья, окружимъ незримою толпой
Младое сердце донъ Жуана,
Съ врагомъ въ упорный вступимъ бой,
Да не свершитъ надъ нимъ обмана!
Туманъ и мракъ разгонимъ съ юныхъ думъ,
Да явится имъ истины дорога!

САТАНА.

Къ чему весь этотъ трескъ и шумъ?
Помилуйте, побойтесь Бога!

Зачѣмъ кричать заранѣ: караулъ!
Могу сказать вамъ непритворно,
Мое вліянье благотворно,
Безъ дѣла праведникъ пожалуй бы заснулъ.
Повѣрьте, для людей толчки полезны эти,
Какъ галванизмъ полезенъ для больныхъ,
И еслибъ чорта не было на свѣтѣ,
То не было бы и святыхъ!

ДУХИ.

Довольно. Въ сумракѣ земля уже почила,
Безмолвенъ лѣсъ, тиха поверхность водъ,
Покой и миръ для смертныхъ настаетъ....
Да сгинетъ Сатаны завистливая сила!

САТАНА.

Покойной ночи всѣмъ! Увидимъ, чья возьметъ!
(Исчезаетъ).

ДУХИ, ОДНИ.

Въ тревожномъ жизни колебаньи
Всегда съ душой враждуетъ плоть;
Да озаритъ твое сіянье
Стезю блудящаго, Господь!
Но если, пламенный и страстный,
Онъ слѣпо вступитъ въ мракъ и ночь,
Въ часъ испытанья, въ часъ опасный,
Дозволь намъ слабому помочь!
Твои пути необъяснимы,
Твоихъ судебъ таинственъ ходъ,
Блаженъ, кто всѣхъ соблазновъ мимо
Дорогой свѣтлою идетъ!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ ПОСЛѢ ПРОЛОГА)

СВЯЩЕННЫЙ ТРИБУНАЛЪ ВЪ СЕВИЛЬѢ.

Засѣданіе въ **Casa Santa.** Инквизиторъ, три члена, фискалъ и секретарь. У дверей стража.

ИНКВИЗИТОРЪ.

Предметъ, о коемъ разсуждать мы будемъ,
Уже извѣстенъ вамъ, святые братья:
Надъ исполнителями Sant' Officio,
Тому три дня, открыто свершено
Ужасное, неслыханное дѣло.
Прочтите обвиненіе, фискалъ.

ФИСКАЛЪ (читаетъ).

«Три дня тому назадъ, святое братство
«Подъ стражею вело изъ Антекеры
«Въ тюрьму отпавшаго Мориско. Вдругъ,
«Одѣтый въ плащъ, черты сокрыты шляпой,
«На нихъ напалъ какой-то кавалеръ.
«Съ угрозами и шпагою махая,

«Онъ многихъ ранилъ, прочихъ разогналъ,
«Преступника жь освободилъ и скрылся.»

ИНКВИЗИТОРЪ.

Мориско былъ назначенъ на костеръ: —
Святая церковь вопіетъ о мести.

ОДИНЪ ЧЛЕНЪ.

И не нашли виновнаго?

ФИСКАЛЪ.

Слѣдъ найденъ.
При кавалерѣ былъ его слуга.
Агентъ, узнавъ его по описанью,
Подговорилъ идти съ собой въ трактиръ;
Тамъ схваченъ онъ и ждетъ теперь допроса.

ДРУГОЙ ЧЛЕНЪ.

Дозволитъ ли священный предсѣдатель
Намъ допросить агента и слугу?

ИНКВИЗИТОРЪ (къ офицеру стражи).

Сеньйоръ Мигель, введите ихъ обоихъ.

(Входятъ шпіонъ и Лепорелло. Послѣдній съ завязанными глазами).

ИНКВИЗИТОРЪ.

Сними съ себя повязку, сынъ мой. Кто ты?

ЛЕПОРЕЛЛО (снимая повязку).

Ай, ай! Гдѣ я?

(Увидѣвъ шпіона).

А, господинъ Діэго!
Такъ поступать нечестно. Вы меня
Своимъ недавно другомъ называли!

ФИСКАЛЪ.

Преступникъ, отвѣчай, кто ты?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Позвольте: —
Меня вчера на улицѣ онъ встрѣтилъ,
Подговорилъ съ нимъ вмѣстѣ отобѣдать,
И угостилъ пуляркой. А теперь...

ФИСКАЛЪ.

Теперь, когда ты отвѣчать не станешь,
Ты будешь пыткой угощенъ. Кто ты?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Я, господинъ почтенный? Я не знаю.

ФИСКАЛЪ (къ инквизитору).

Позволите ль желѣзныя ему
Надѣть ботинки?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Чтó за вздоръ? Зачѣмъ?

Я сущую вамъ правду говорю;
Я, господа, подкинутый ребенокъ.
Коль по моимъ наклонностямъ судить,
Я гранда сынъ, а можетъ-быть прелата!

ФИСКАЛЪ.

Сеньоръ Мигель! Желѣзныя ботинки!

ИНКВИЗИТОРЪ (къ фискалу.)

Не будемъ торопиться.

(Къ шпіону).

Что̀ съ тобой
Онъ говорилъ, когда вы вмѣстѣ пили?

ШПІОНЪ.

Онъ хвастался, что съ господиномъ онъ
Преступника избавилъ отъ костра.
Слуга онъ донъ Жуана де-Маранья
И соучастникъ въ дѣлѣ.

ЛЕПОРЕЛЛО (тихонько къ шпіону.)

Фуй, Діэго!
Мы говорили вмѣстѣ какъ друзья;
Что̀ я тебѣ за рюмкой сообщилъ,
Должно остаться было между нами!

ШПІОНЪ.

Его прозванье Лепорелло. Онъ
Уже лѣтъ десять служитъ донъ Жуану.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Не хорошо, Діэго; право, стыдно!
Я вижу, ты болтунъ. Но, господа,
Когда теперь вы знаете, кто я,
Нельзя ль скорѣй домой меня отправить?

ИНКВИЗИТОРЪ.

Итакъ ты, Лепорелло, признаешься,
Что вмѣстѣ вы съ Мараньей, на дорогѣ,
Напали на святую инквизицію?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Кто? Я? Избави Боже! Я былъ сзади!

ИНКВИЗИТОРЪ.

Теперь ты долженъ все намъ разсказать,
Что о своемъ ты знаешь господинѣ:
Какихъ онъ лѣтъ? И кто его друзья?
И часто ль въ церковь ходитъ онъ? И кто
Въ интригѣ съ нимъ? И что онъ говоритъ?
И какъ онъ судитъ о священномъ братствѣ?
Все долженъ откровенно ты повѣдать,
Или мученья пытки испытать.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Помилуйте, священный предсѣдатель!
Вы столько задали вопросовъ вдругъ,
Что съ памятью сперва собраться надо,
Чтобъ по̀ ряду на все вамъ отвѣчать.

*

Какихъ онъ лѣтъ? Я думаю, ему
Лѣтъ двадцать пять, а можетъ-быть, и болѣ.
Какіе у него друзья? Ихъ много,
Но, кажется, онъ имъ не очень вѣритъ.
И хорошо онъ дѣлаетъ. Что дружба?
Вотъ этотъ господинъ меня сейчасъ
Пуляркой угостилъ; теперь же онъ
Показываетъ на меня. Діэго!
Признайся, братъ, что скверно?

ФИСКАЛЪ.

Къ дѣлу! къ дѣлу!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ну, что жъ еще? Да! часто ль ходитъ въ церковь?
Коль правду говорить — не слишкомъ часто;
Такъ, развѣ для забавы; да и то,
Когда въ кого влюбленъ, то встрѣчи ради.

ИНКВИЗИТОРЪ.

Въ интригѣ съ кѣмъ онъ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Онъ-то? Правый Боже!
Да съ кѣмъ въ интригѣ не былъ донъ Жуанъ?
Подумать страшно! Вѣрите ль, сеньоръ,
Изъ силъ я выбился носить записки
И на часахъ стоять то тутъ, то тамъ.
Мы ѣздили съ нимъ вмѣстѣ по Европѣ;
Не пропустилъ нигдѣ онъ никого;

Чтó городъ, то интрига; а въ иныхъ
По десяти, по двадцати случалось.
Ужь я ему, бывало, говорю:
Сеньйоръ, остепенитесь! Такъ вотъ нѣтъ же!
Вотъ такъ и претъ его въ интриги, право;
И точно будто ищетъ онъ чего-то;
Попробуетъ одной, давай другую!
Какъ будто женщины не всѣ равны.
Вѣдь, согласитеся, отцы святые,
У курицы одинъ и тотъ же вкусъ,
Что съ чернымъ ли хохломъ она, что съ бѣлымъ!

ИНКВИЗИТОРЪ (къ фискалу.)

Немножко дерзокъ этотъ Лепорелло,
Но вмѣстѣ глупъ. Изъ болтовни его
Намъ кое-что, быть-можетъ, пригодится.
(Къ Лепорелло.)
Твой господинъ великій грѣховодникъ.
Теперь въ кого влюбленъ онъ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Въ донну Анну,
Въ дочь командора донъ Альвара. Но
Не слишкомъ-то податлива она;
Ужъ съ мѣсяцъ мы волочимся напрасно.

ИНКВИЗИТОРЪ.

Что говоритъ онъ про духовныхъ лицъ?
Объ инквизиціи святой какъ мыслитъ?
Въ его рѣчахъ, съ друзьями, за виномъ,

Или съ любезной въ тайныхъ разговорахъ,
Замѣтна ль ересь?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Правду вамъ сказать,
Съ любезными своими донъ Жуанъ
Немного говоритъ о богословьи.

ИНКВИЗИТОРЪ.

Но быть неможетъ, чтобъ въ его рѣчахъ
Ты ереси преступной не подслушалъ.

ФИСКАЛЪ.

Подумай, вспомни. Дай намъ въ руки нить,
Чтобъ до его безвѣрія добраться, —
Не то, готовься къ пыткѣ. Выбирай.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Помилуйте, вѣдь я его слуга;
Не честно доносить на господина!

ФИСКАЛЪ.

Сеньоръ Мигель, желѣзныя ботинки!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Сейчасъ, сейчасъ! Я вспомнилъ! Погодите!
Дозвольте только мнѣ одинъ вопросъ:
Бѣды ему отъ этого не будетъ?
Вѣдь это только такъ? Изъ любопытства?

ФИСКАЛЪ.

Изъ любопытства.

ЛЕПОРЕЛЛО.

А когда я вамъ
Все разскажу, меня вы отошлете?

ИНКВИЗИТОРЪ.

Когда ты все разскажешь намъ, мой сынъ,
И приведешь точь-въ-точь его слова,
Тебѣ даруетъ церковь награжденье,
И ты уйдешь свободно. Если жъ ты
Хотя одно лишь слово утаишь,
Я долженъ буду, съ сокрушеннымъ сердцемъ,
На пытку согласиться.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Понимаю.
И такъ, сеньоръ, я долженъ вамъ сказать,
Что донъ Жуанъ говаривалъ не разъ:
«Святые братья глупы. Человѣкъ
«Молиться воленъ какъ ему угодно.
«Не влѣзешь силой въ совѣсть никому
«И никого не вгонишь въ рай дубиной».
Онъ говорилъ, что Мавры и Мориски
Народъ полезный былъ и работящій;
Что ихъ не слѣдовало гнать, ни жечь;
Что коль они исправно платятъ подать,
То этого довольно королю;

Что явный мусульманинъ иль еретикъ
Не столько вреденъ, сколь сокрытый врагъ;
Что если бы сравняли всѣхъ правами,
То не было бъ ни отъ кого вражды.
«Поэтому», такъ говоритъ мой баринъ,
«Святые братья глупы». Даже стыдно
Передавать мнѣ вамъ такія рѣчи,
Но часто слышалъ я какъ донъ Жуанъ
Говаривалъ: «святые братья глупы».

ФИСКАЛЪ.

Когда не замолчишь ты, попугай,
Тебя въ желѣзную посадятъ клѣтку!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Вотъ этого ужъ я не понимаю:
Молчу — ботинки; ротъ розину — клѣтка!

ИНКВИЗИТОРЪ (къ фискалу).

Оставьте, братъ фискалъ. Слова глупца
Святыни нашей оскорбить не могутъ.

(Къ Лепорелло).

Послушай. Съ господиномъ ты своимъ,
Вы совершили вмѣстѣ преступленье,
Которое заслуживаетъ смерть.
Но, ради простоты твоей, тебя
Помиловать верховный судъ согласенъ,
Съ тѣмъ, чтобы свято намъ ты обѣщалъ
Слѣдить и наблюдать за донъ Жуаномъ.
О каждомъ шагѣ долженъ ты его,
О каждомъ словѣ доносить, — не то —
Увы, мой сынъ, — смерть и проклятье церкви!

ЛЕПОРЕЛЛО (въ сторону).

Вотъ этого еще не доставало!

(къ инквизитору).

Извольте, я готовъ за нимъ слѣдить
И доносить про все съ благоговѣньемъ.

ИНКВИЗИТОРЪ.

Иди же съ миромъ.

(подавая ему кошелекъ).

А червонцы эти
Даритъ тебѣ святая инквизицья.

ЛЕПОРЕЛЛО (кладя кошелекъ въ карманъ).

Беру изъ уваженья. Господина бъ
Не продалъ я ни за какія деньги.

ИНКВИЗИТОРЪ.

Ступай, мой сынъ, но помни обѣщанье!

ФИСКАЛЪ.

Коль будешь ты болтать — костеръ и пытка!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Не безпокойтеся, отцы святые,
Все можно сдѣлать лаской изъ меня.
Мое почтеніе всему собранью!
А вы, сеньоръ Діэго, вы себѣ
Другихъ друзей ищите; на меня
Вы болѣ не надѣйтесь. Вашъ слуга!

(Лепорелло и шпіонъ уходять въ сопровожденіи стражи).

ИНКВИЗИТОРЪ.

Сомнѣнья нѣтъ. Преступникъ былъ Маранья,
Еретикъ онъ, святаго братства врагъ,
И на кострѣ заслуживаетъ смерть.

ФИСКАЛЪ.

Давно примѣръ остывшей вѣрѣ нуженъ.
Вездѣ сильнѣе ересь возрастаетъ,
И слабые колеблются умы.
Сожженье донъ Жуана де-Маранья
Спасетъ отъ казни тысячу другихъ.

ИНКВИЗИТОРЪ.

Такъ. Но принять въ соображенье надо,
Что онъ испанскій грандъ, богатъ связями,
Что явной на него улики нѣтъ
И что отъ словъ онъ можетъ отказаться.
Когда его мы прямо обвинимъ,
Надѣлаетъ процессъ нашъ много шума,
А преступленье такъ невѣроятно,
Что ропотъ всѣхъ подымется на насъ.
Пожалуй, самъ король за донъ Жуана
Заступится и этимъ пошатнется
Религіи святой авторитетъ.

ОДИНЪ ЧЛЕНЪ.

Процессъ начать неловко. Но нельзя жъ
Еретика оставить на свободѣ.

ДРУГОЙ ЧЛЕНЪ.

Избавиться его есть много средствъ.

ТРЕТІЙ ЧЛЕНЪ.

Цѣль освящаетъ средства. Братство наше
Намъ дозволяетъ въ случаяхъ подобныхъ
Къ кинжалу, или къ яду прибѣгать.

ФИСКАЛЪ.

Торжественную казнь въ глазахъ народа,
Великолѣпное auto da fe
Я предпочелъ бы этой темной казни;
Но если всѣ согласны, то я также
Даю мое согласье на кинжалъ.

ИНКВИЗИТОРЪ.

И такъ, мы въ настоящемъ засѣданьи
Торжественно, но тайно объявляемъ
Еретикомъ Жуана де Маранья,
Ему же нынѣ смертный приговоръ
Постановляемъ всѣ единогласно.
Да будетъ такъ. Пишите, секретарь.

КОМНАТА ВО ДВОРЦѢ ДОНЪ ЖУАНА.

Донъ Жуанъ сидитъ въ задумчивости и держитъ раскрытое письмо.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Опомнись, донъ Жуанъ! Какое чувство
Въ твоей груди проснулося опять?

Какой, давно забытый, свѣтлый міръ
Въ тебѣ записка эта пробудила?
Чѣмъ донна Анна лучше всѣхъ другихъ?
Такой же станъ, и гибкій, и прекрасный,
Не разъ я обнималъ; къ устамъ такимъ же
Я прижималъ горячія уста;
Такой же голосъ и такой же взглядъ
Не разъ меня Мадонной заклинали...
И этотъ взглядъ, и голосъ, и моленья,
И мой восторгъ, и жизни полнота —
Все было ложь. Я обнималъ лишь призракъ.
Отъ женщины, которую любилъ я,
Которую такъ ставилъ высоко,
И на землѣ небеснымъ исключеньемъ
Считалъ, — не оставалось ничего, —
Она была такая жъ, какъ другія!
А, кажется, я понималъ любовь!
Я въ ней искалъ не узкое то чувство,
Которое два сердца съединивъ,
Стѣною ихъ отъ міра отдѣляетъ.
Она меня роднила со вселенной,
Всѣхъ истинъ я источникъ видѣлъ въ ней,
Всѣхъ дѣлъ великихъ первую причину.
Черезъ нее я понималъ ужь смутно
Чудесный строй законовъ бытія,
Явленій всѣхъ сокрытое начало.
Я понималъ, что всѣ ея лучи,
Раскинутые врозь по міроздан{ь}ю,
Въ другомъ я сердцѣ вмѣстѣ бъ съединилъ,
Сосредоточилъ бы ихъ блескъ блудящій,

И сжатымъ свѣтомъ ярко бъ озарилъ
Моей души неясныя стремленья!
О еслибы то сердце я нашелъ!
Я съ нимъ одно бы цѣлое составилъ,
Одно звено той безконечной цѣпи,
Которая, въ связи со всей вселенной,
Восходитъ вѣчно выше къ Божеству
И оттого лишь слиться съ нимъ не можетъ,
Что путь къ нему, какъ вѣчность, безъ конца!
О еслибы изъ тѣхъ, кого любилъ я,
Хотя бъ одна сдержала обѣщанье!
Я имъ не измѣнялъ — нѣтъ, нѣтъ, — онѣ,
Онѣ меня безстыдно обманули,
Мой идеалъ онѣ мнѣ подмѣнили,
Подставили чужую личность мнѣ,
И ихъ любить, на мѣсто совершенства —
Вотъ гдѣ бъ измѣна низкая была!
Нѣтъ, самъ себѣ я оставался вѣренъ:
Я продолжалъ носить въ себѣ ту мысль,
Которая являлась въ нихъ сначала;
Но вскорѣ я подлогъ ихъ узнавалъ,
Одну покинувъ, я искалъ другую,
И каждый разъ все сызнова обманутъ,
Съ ожесточеннымъ сталъ я любопытствомъ
Въ нихъ струны сердца всѣ перебирать,
Когда жь онѣ рвалися, равнодушно
Изломанный бросалъ я инструментъ
И далѣ шелъ, и всюду находилъ
Одни и тѣ же пошлыя явленья!
И въ ярости тогда я поклялся

Любви не вѣрить, ничему не вѣрить.
Искалъ я въ ней одно лишь обладанье,
Лишь чувственность одну въ ней находилъ.
Да, я искалъ ее лишь для того,
Чтобы насмѣшкой мстить ея насмѣшкамъ...
А нынѣ? Чтó со мной? Чтó эти строки?
Зачѣмъ онѣ надежду оживили?
Ужь въ третій разъ прочитываю ихъ,
И въ сердцѣ тотъ же непонятный трепетъ.
(Читаетъ.)
«Я къ вамъ писать рѣшаюсь, донъ Жуанъ,
«Рѣшаюсь я исполнить вашу просьбу,
«Но объясниться съ вами я должна.
«Успѣхи ваши, нравъ непостоянный,
«Отчаянье и слезы столькихъ жертвъ,
«Къ несчастью, мнѣ давно уже извѣстны.
«Для васъ легко любить и разлюблять...
«Уже ль вы также и меня хотѣлибъ
«Игрушкой сдѣлать прихоти своей?
«Нѣтъ, вопреки тяжелымъ обвиненьямъ,
«Которыхъ много такъ на васъ лежитъ,
«Мнѣ говоритъ какой-то тайный голосъ,
«Что уважать васъ можно, донъ Жуанъ!
«Скажите жь, какъ должна я оправдать
«Преслѣдованья ваши? Можетъ-быть,
«Вамъ самолюбье не даетъ покоя,
«И требуете вы, чтобы я вамъ
«Сама въ любви призналась? Если такъ, —
«Я притворяться долѣ не умѣю, —
«Я васъ люблю — да — высказано слово,

«Но заклинаю васъ святой Мадонной
«И честью вашей заклинаю васъ,
«Меня увидѣть болѣ не ищите;
«Отнынѣ я почла бы оскорбленьемъ,
«Старанье ваше сблизиться со мной.
«Я вамъ призналась, — вы достигли цѣли, —
«Теперь не трудно вамъ меня забыть.»

(Послѣ нѣкотораго молчанья.)

Какъ эти мнѣ знакомы выраженья!
Такія жъ строки часто я читалъ.
Всѣ заклинаютъ честью, долгомъ, вѣрой,
Потомъ свиданье робко назначаютъ,
Потомъ придетъ развязка, а потомъ...
Исчезнетъ сонъ, и правды часъ наступитъ!
Все это я ужь знаю напередъ.
Но отчего жь записка донны Анны
Мнѣ душу такъ волнуетъ глубоко?
Встаютъ опять чудесныя видѣнья
И манятъ снова призраки любви!
Такъ марево, въ пустынѣ аравійской,
Предъ путникомъ рисуетъ вдалекѣ
Озеръ и рѣкъ желанныхъ очертанья;
Когда же онъ собравъ остатокъ силъ,
Дотащится до нихъ, изнеможенный, —
Изчезло все. Предъ нимъ одна лишь степь,
Песковъ сыпучихъ пламенное море!

(Смотритъ на письмо.)

Слова все тѣ же, но какъ будто смыслъ
Другой, и будто между этихъ строкъ
Читаю я невидимыя строки.

А вотъ и слезъ слѣды. Какъ будто дождь
Кропилъ руки невѣрной начертанья.
И это мнѣ знакомо. Часто я
Такія пятнышки видалъ на письмахъ.
Нѣтъ, это не любовь. То кровь играетъ,
Желанья дразнитъ ненасытный бѣсъ!
Такъ что же? Гдѣ жь преграда? Или вкралось
Мнѣ въ душу состраданье? Или совѣсть
Меня тревожитъ? Что такое совѣсть?
Пойми себя, Жуанъ! Когда любовь
Есть ложь, то всѣ понятія и чувства,
Которыя она въ себѣ вмѣщаетъ:
Честь, совѣсть, состраданье, дружба, вѣрность,
Религія, законовъ уваженье,
Привязанность къ отечеству, — все ложь!
Религія! Не на любви ль ея
Основано высокое начало?
Но если основанье есть ничто —
Тогда и самое ничтожно зданье!
Двоякая въ немъ ложь заключена:
По мысли ложь, и ложь по примѣненью.
Вы, райскаго вербовщики спасенья,
Во имя ли любви вы громоздите
Для вашихъ жертвъ священные костры?
А вы, которыхъ жгутъ благочестиво,
Вы, проповѣдники свободной мысли,
Вы для кого себя даете жечь?
Коль нѣтъ любви, то нѣтъ и убѣжденій;
Коль нѣтъ любви, то знайте: нѣтъ и Бога!
Вы жь, за отечество въ кровавыхъ битвахъ

Безсмысленно губящіе другъ друга,
Вы можетель сказать, кто приковалъ
Къ извѣстному пространству человѣка?
Кто ограничилъ вашъ свободный духъ
Стѣной, горами, моремъ, иль заставой?
Когда бъ любовь оправдывалась въ мірѣ,
Отечествомъ была бы вся земля,
И человѣкъ тогда душою вольной
Равно любилъ бы весь широкій міръ,
Отечествомъ бы звалъ не только землю,
Онъ звалъ бы имъ и звѣзды и планеты!
А совѣсть? Справедливость? Честь? Законы?
Все громкія и пошлыя слова,
Все той же лжи лишь разныя названья!
Что жь остается въ жизни? Слава? Власть?
Но гдѣ вѣнецъ, гдѣ свѣтлая тіара,
Которые бы стоили труда
Къ нимъ руку протянуть? Какая власть
Того насытитъ, кто искалъ блаженства?
И еслибъ всѣ живущіе народы
И всѣхъ грядущихъ поколѣній тьмы,
Всѣ пали ницъ передо мной — ужели бъ
Я хоть на мигъ ту жажду позабылъ,
Которой нѣтъ на свѣтѣ утомленья?
Все въ мірѣ ложь! Вся жизнь есть злая шутка,
И, если всѣ явленья перебрать
И призраки пустые всѣ откинуть,
Останется лишь чувственность одна,
Любви ничтожный, искаженный снимокъ,
Который иногда, зажмуря очи,

Еще принять мы можемъ за любовь.
Къ чему же намъ зазрѣньями стѣсняться?
Нѣтъ! Я мириться не могу съ судьбой
И рабски покоряться тѣни. Нѣтъ!
Не вѣря ничему, ничѣмъ не сдержанъ,
Моимъ страстямъ я отпущу бразды,
Не разбирая средствъ, я каждой цѣли
Достигну скоро, все попру ногами,
Унижу все и жизни отомщу!
Я не хочу искать, какое чувство
Меня теперь приводитъ къ доннѣ Аннѣ!
Я къ ней влекомъ — она моею будетъ!
Не нужно мнѣ лукавить ни хитрить;
Я и досель въ любовныхъ приключеньяхъ
Не обольщалъ съ холодностью бестрастной
И никогда расчитывать не могъ.
Воображенью дать лишь стоитъ волю,
Оно меня на крыльяхъ унесетъ,
Минутной вѣрой мнѣ наполнитъ душу,
Искуственной любовью опьянитъ;
Краснорѣчиво жгучія слова
Изъ устъ польются; какъ актеръ на сценѣ,
Я непритворно въ роль мою войду
И до развязки самъ себѣ повѣрю.
Такъ. Рѣшено. Возстань же, донъ Жуанъ
Иди впередъ какъ ангелъ истребленья!
Брось снова вызовъ призраку любви,
Условій пошлыхъ мелкія сплетенья
Вокругъ себя какъ паутину рви, —
Живи одинъ, для мщенья и для страсти!

На зло судьбѣ, иль той враждебной власти,
Чьей силой ты на бытіе призванъ,
Плати насмѣшкой вѣчнымъ ихъ обманамъ,
И какъ корабль надъ бурнымъ океаномъ,
Надъ жизнью такъ господствуй, донъ Жуанъ!

(Лепорелло, вбѣгаетъ запыхавшись.)

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ай, ай, сеньоръ! О, о! Ай, ай! О, о!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Откуда ты? И чѣмъ ты такъ встревоженъ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Откуда я? Сейчасъ все по порядку,
Сеньоръ любезный, все вамъ разскажу.
По вашему когда я приказанью
Отнесъ вчера записку къ доннѣ Аннѣ,
Дорогой, я немного на мосту
Остановился, посмотрѣть все такъ же ль,
По прежнему ль бѣжитъ Гвадалквивиръ?
Облокотяся на перилы, тамъ
Съ часъ мѣста я, не болѣ, оставался,
Какъ вдругъ ко мнѣ подходитъ господинъ
И въ разговоръ со мной вступаетъ; онъ
Наружности былъ самой благородной.
Поговоривъ со мной о томъ, о семъ,
Онъ предложилъ мнѣ вмѣстѣ отобѣдать
И угостилъ пуляркой...

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Чтó за вздоръ!

ЛЕПОРЕЛЛО.

И угостилъ пуляркой. Вдругъ меня
Схватили, завязали мнѣ глаза
И повели — куда? Ей, ей, не знаю,
Но гдѣ бъ вы думали я очутился?

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Ну, гдѣ же?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Въ Casa Santa, ей же, ей!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Ого! И чтó же тамъ тебѣ сказали?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Разспрашивали вѣжливо меня
О нашемъ нападеніи на стражу,
Когда Мориско мы освободили.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

И, вѣроятно, ты во всемъ признался?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Во всемъ упорно заперся, сеньоръ.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Наврядъ ли. Но потомъ? Что́ было послѣ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Потомъ сеньоръ? Потомъ мы говорили
О важныхъ государственныхъ дѣлахъ;
Они со мной совѣтовались, какъ
Искоренить еретиковъ въ Испаньи

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Скажи, болтунъ, безъ лжи и отступленій,
О чемъ тебя разспрашивали тамъ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Сеньоръ любезный, будьте осторожны,
Повѣрьте мнѣ, святая инквизицья
Участье въ васъ большое принимаетъ.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Я по твоимъ глазамъ, мошенникъ, вижу,
Что ты болталъ; но мнѣ-то все равно.
Чѣмъ кончился допросъ твой?

ЛЕПОРЕЛЛО.

О, сеньоръ,
Они меня настойчиво просили
О каждомъ вашемъ словѣ, каждомъ шагѣ,
Имъ доносить.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Ты принялъ порученье?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Что́ было дѣлать? Тамъ у нихъ лежатъ
Какія-то желѣзныя ботинки.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Когда они хотятъ за мной слѣдить,
Дѣла мои еще не слишкомъ плохи.
Я къ свѣдѣнью участье ихъ приму;
Ты жь, Лепорелло, будешь къ нимъ являться
И доносить имъ, слово въ слово, то
Что́ каждый разъ тебѣ я продиктую.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Душевно радъ, сеньоръ. Но хорошо бъ
На время вамъ Испанію оставить.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Теперь оставить? Ни за что́ на свѣтѣ!
А донна Анна?

ЛЕПОРЕЛЛО.

То-то Донна Анна!
Изъ-за нея бы не нажить бѣды!
Ей, ей, повѣрьте мнѣ, остепенитесь,
Въ опасную играемъ мы игру.

(Уходитъ и тотчасъ возвращается).

Сеньоръ, что́ я сейчасъ вамъ сообщилъ,
Не правда ли, останется межъ нами?
Вѣдь это государственная тайна,
Я имъ честное слово далъ.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Ступай.

(Лепорелло уходитъ).

ДОНЪ ЖУАНЪ (одинъ).

Итакъ, я нахожусь подъ наблюденьемъ
Святыхъ отцовъ. Мнѣ по сердцу борьба!
Я обществу, и церкви, и закону
Перчатку бросилъ. Кровная вражда
Ужь началась открыто между нами.
Взойди жь, моя зловѣщая звѣзда!
Развейся, моего возстанья знамя!

ДОМЪ КОМАНДОРА.

Командоръ и донъ Октавіо.

КОМАНДОРЪ.

Сеньоръ, мнѣ тяжело, мнѣ очень больно
Нежданнымъ васъ отказомъ огорчить,
Но дочери я не могу неволить.
Ея ужь выборъ сдѣланъ. Донъ Жуанъ
Изъ устъ ея ужь получилъ согласье
Я ваши чувства знаю и цѣню;
Повѣрьте, я люблю васъ, донъ Октавьо,

Я самъ, какъ вы, глубоко огорченъ.
Вѣдь этотъ бракъ моею былъ мечтою,
Я васъ давно хотѣлъ усыновить.
Но вы, не правда ль, будете намъ другомъ
И братомъ доннѣ Аннѣ. Видитъ Богъ,
Я вамъ хотѣлъ отдать ее. Что жь дѣлать?
Судьба не такъ рѣшила. Дайте руку!

ДОНЪ ОКТАВІО.

О, мой отецъ! Могу ли я еще
Назвать васъ этимъ именемъ священнымъ?
Прощайте, донъ Альваръ. Скажите ей,
Что я иду, — куда? И самъ не знаю!
Иду я далѣ, далѣ отъ нея.
Забыть ее я не могу, но смерти
Могу искать. Прощайте, донъ-Альваръ!

КОМАНДОРЪ.

Постой, Октавіо. Скажи, ты вправду,
Ты искренно, ты свято любишь Анну?

ДОНЪ ОКТАВІО.

Чтó значутъ эти рѣчи, донъ Альваръ?

КОМАНДОРЪ.

Октавіо, послушай. Если въ правду
Ты любишь дочь мою, — не уходи.
Я все скажу тебѣ. Не даромъ сердце
Предчувствуетъ бѣду. Ты знаешь Анну.

Ея душа пылка; воображенье,
Восторженность всегда ее влекли.
Напрасно я просилъ ее; напрасно
Молилъ отсрочить горькую помолвку, —
Не помогли мольбы, ни увѣщанья.
Она бы помѣшалась, иль зачахла,
Когда бъ я власть мою употребилъ.
Ея умомъ теперь Жуанъ владѣетъ,
Въ ея душѣ лишь онъ одинъ царитъ.
Быть-можетъ, я несправедливъ. Быть-можетъ,
Онъ искренно отрекся для нея
Отъ прежнихъ заблужденій. Онъ святыней
Клялся мнѣ отказаться навсегда
Отъ бурной жизни юношескихъ лѣтъ.
Дай Богъ! Но сердце чуетъ, донъ Октавьо,
Что дочь не будетъ счастлива за нимъ.
Я старъ, уже давно гляжу въ могилу.
Случиться можетъ, я умру сегодня жь
И дочь мою оставлю сиротой.
Будь другомъ ей, Октавіо, будь братомъ;
А если онъ свою забудетъ клятву
И если оскорбитъ мое дитя, —
Будь мстителемъ ея! Клянись мнѣ, сынъ мой,
Своей сестры въ бѣдѣ не покидать!

ДОНЪ ОКТАВІО.

Тяжелый долгъ, отецъ, на сердце мнѣ
Ты просьбою своею возлагаешь.
Ихъ счастья быть свидѣтелемъ я долженъ!
О лучше бъ тысяча смертей! Но если

Она еще нуждается во мнѣ,
Я принимаю это униженье,
Я остаюсь. Во всемъ, о донъ Альваръ,
Клянусь тебѣ, и честь моя порукой.

КОМНАТА ДОННЫ АННЫ.

Донна Анна. У ногъ ея сидитъ донъ Жуанъ.

ДОННА АННА.

Такъ это правда? Это не обманъ?
Меня ты любишь искренно, сердечно?
Другихъ ты женщинъ для меня забылъ?
Меня одну всегда любить ты будешь
И не раскаешься!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

О донна Анна!
Тебя одну и вижу я, и помню.
Всю жизнь мою до этого мгновенья,
Все, что́ я прожилъ, все, что ощущалъ,
Я все забылъ! И какъ впадаютъ въ море,
Въ бездонное, всѣ рѣки и ручьи,
Такъ, безъ слѣда, мои воспоминанья
Въ твоей любви теперь поглощены!

ДОННА АННА.

Я часто такъ во снѣ тебя видала,
Какъ ты теперь у ногъ моихъ сидишь;

Во снѣ я такъ въ глаза тебѣ глядѣла,
И было въ нихъ темно и глубоко;
И мнѣ хотѣлось глубже въ нихъ вглядѣться,
И я въ нихъ дна не находила; мнѣ
Казалося, что въ пропасть я гляжу;
И страшно было, и такъ сладко вмѣстѣ!
Что́ если и теперь я вижу сонъ?

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Нѣтъ, жизнь моя! Все призракъ и мечта!
Все дымъ и сонъ, — одна любовь есть правда!

ДОННА АННА.

И любишь ты давно меня, Жуанъ?

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Давно-ль? Всегда! Твой образъ, донна Анна,
Всегда носился смутно предо мной!
Когда одинъ, въ крушительной тревогѣ,
Я съ жизнію боролся какъ пловецъ,
Тебя мой взоръ отыскивалъ вдали,
Тебя увидѣвъ, берегъ я увидѣлъ.

ДОННА АННА.

О, мой Жуанъ! И я была одна,
И мнѣ тебя всегда не доставало!
Зачѣмъ отцу ты прежде не открылся?

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Меня пугалъ его суровый нравъ.
Боялся я отказа. И теперь

Я бъ не рѣшился говорить, когда бы
Онъ не засталъ меня у ногъ твоихъ.

ДОННА АННА.

То видно насъ соединило небо!
Но, милый другъ, теперь, когда нашли
Мы оба въ жизни твердую опору,
Скажи, куда направишь ты свой бѣгъ?
Какую цѣль своимъ поставишь силамъ?
Душѣ высокой, свѣтлому уму,
Какую ты задашь теперь задачу?

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Весь міръ открытъ предъ нами, донна Анна;
Моя душа свободна и ясна.
Къ чему бы мыслью я ни обратился,
Я до всего достигну. Но оставимъ
Мы этотъ разговоръ. Теперь любовь,
Одна любовь моею будетъ цѣлью!

ДОННА АННА.

Ты самъ себя не знаешь, донъ Жуанъ,
Но сердцемъ я давно тебя постигла.
Я буду помогать тебѣ. Когда
Любовь твои стремленья заградитъ,
Я, я, Жуанъ, тебѣ о нихъ напомню.
Я не хочу тебѣ преградой быть,
И твоему орлиному полету
Мѣшать я не должна. Но что̀ съ тобой?
Какая мысль твой омрачила взоръ?

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Я вспомнилъ... да, прости мнѣ...

ДОННА АННА.

Чтó ты вспомнилъ?

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Что ты меня не перваго ужь любишь.

ДОННА АННА.

Какъ? Ты ревнуешь?

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Донъ Октавьо былъ
Тобой любимъ.

ДОННА АННА.

И ты ревнуешь? О,
Скажи мнѣ все, разспрашивай меня, —
Я отвѣчать на все тебѣ готова!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Чистосердечью твоему я вѣрю.

ДОННА АННА.

Но ты, не правда ль, часто былъ обманутъ,
И оттого ты сталъ ревнивъ!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Напротивъ,
Когда меня любить переставали,
Сопернику счастливому охотно
Я мѣсто уступалъ; когда жь соперникъ
Мнѣ докучалъ безъ повода и права,
Межь нами споръ моя кончала шпага
И не давала времени созрѣть
Ревнивости. Я чуждъ ея остался.

ДОННА АННА.

Чтó жь значили сейчасъ твои слова?

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Вотъ видишь ли: любовь я въ мысли ставлю
Такъ высоко, такъ свято понимаю,
И для меня ея такъ нѣженъ цвѣтъ,
Что отъ малѣйшаго прикосновенья
Легко мрачится онъ и увядаетъ.
Когда любилъ я, и когда во мнѣ
Другой, неясный образъ зараждался,
Я, чтобъ любви священное начало
Борьбою двухъ явленій не нарушить,
Спѣшилъ разстаться съ той, кого любилъ...

ДОННА АННА.

Разстаться, донъ Жуанъ? Но отчего же
Въ тебѣ тотъ чуждый образъ зараждался?

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Не знаю самъ. Но я съ собой былъ честенъ
И двумъ идеямъ вмѣстѣ не служилъ.
Просторно сердце женщины, напротивъ;
Въ немъ рѣзкія противорѣчья могутъ
Ужиться рядомъ. Въ немъ бываетъ слышенъ,
Среди любви живой и настоящей,
Нерѣдко запоздалый отголосокъ
Другой, отжившей, конченной любви.
Вины тутъ нѣтъ; подобныя явленья
Въ природѣ женской. Но дѣлиться я
И съ тѣнью даже не могу тѣмъ сердцемъ,
Которое мнѣ отдалося. Въ немъ
Я долженъ быть одинъ.

ДОННА АННА.

Ты въ немъ одинъ.
То чувство, что тебя смущаетъ, было
Одно ребячество, и я тогда
Сама себя еще не понимала.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Но, можетъ-быть, ты и теперь вполнѣ
Себя не понимаешь?

ДОННА АННА.

Донъ Жуанъ,
Не оскорбляй меня такимъ сомнѣньемъ.
Когда бъ я не увѣрена была

Въ себѣ самой, когда бъ я колебалась,
Я бы твоей любви не приняла,
Мнѣ собственная гордость помѣшала бъ
Собой располагать. Нѣтъ, я твоя!
Съ сознаніемъ твоя и безъ раздѣла!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

О ангелъ мой, клянись мнѣ въ томъ скорѣй,
Клянися всѣмъ, что для тебя священно!

ДОННА АННА.

Клянусь тебѣ пречистою Мадонной,
Клянусь тебѣ Спасителя крестомъ,
Клянусь отца священной сѣдиною,
Клянуся прахомъ матери моей, —
Вся жизнь моя и всѣ мои мышленья
На вѣкъ, Жуанъ, тебѣ принадлежатъ!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

А еслибы тебѣ я измѣнилъ?

ДОННА АННА.

Въ тебя я вѣрю; мнѣ того довольно, —
Не требую я клятвы отъ тебя!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Однако, еслибъ?

ДОННА АННА.

Еслибы въ тебя
Я вѣрить перестала, о, тогда...

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Что́ бъ сдѣлала тогда ты?

ДОННА АННА.

Донъ Жуанъ,
Не спрашивай меня, мнѣ страшно думать,
Я не хочу о невозможномъ думать!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

И не тревожишься ты тѣмъ, что я
Ужь измѣнилъ столь многимъ?

ДОННА АННА.

Сознаюсь,
Мнѣ эта мысль не разъ ужь приходила.
Но для меня скрывается тутъ тайна;
Сейчасъ ты что-то намекнулъ объ этомъ,
Но я тебя, Жуанъ, не поняла,
Не можетъ быть, чтобы съ подобнымъ взглядомъ,
Съ улыбкой этой, съ голосомъ твоимъ,
Была совмѣстна ложь. Не можетъ быть,
Чтобы когда-нибудь ты притворялся
И могъ смѣяться надъ любящимъ сердцемъ!
Нѣтъ, не такимъ является обманъ!
Въ его очахъ замѣтно безпокойство,
Изыскана его бываетъ рѣчь,
И самое стараніе казаться
Прямымъ, и откровеннымъ, и правдивымъ,
Его всегда невольно выдаетъ.

Ты не таковъ. Не хочешь ты казаться,
Нѣтъ ничего поддѣльнаго въ тебѣ;
Ты не старался предо мною скрыть
Своихъ ошибокъ, или недостатковъ.
Когда тебя еще я не видала,
А знала только по одной молвѣ,
Глубоко я была возмущена
И сильно на тебя негодовала,
Когда же я увидѣла тебя,
Невольное сомнѣніе во мнѣ
Насчетъ худой твоей возникло славы,
Я начала отыскивать тогда,
Придумывать старалась оправданья
Твоей преступной жизни. Ты въ то время
Сближаться съ нами по немногу сталъ,
И чѣмъ съ тобою чаще я встрѣчалась
Тѣмъ каждый разъ мнѣ дѣлалось яснѣе
Противорѣчье межь твоей душой
И жизнію твоей. Я поняла,
Что есть въ тебѣ какая-то загадка.
Да, донъ Жуанъ, загадка есть въ тебѣ.
Твоихъ бровей грозящая дуга
Являетъ самолюбіе и гордость,
Въ твоихъ очахъ видна бываетъ грусть, —
Но непритворенъ ликъ твой благородный,
И въ этомъ сердцѣ мѣста нѣтъ для лжи!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

О проницательность души любящей!
Такъ. Для обмана не былъ я рожденъ.

Когда бъ изъ тѣхъ, кого я въ жизни встрѣтилъ,
Хотя бъ одна съ тобой могла сравниться,
Я не былъ бы теперь у ногъ твоихъ!

ДОННА АННА.

Мнѣ говорили также про тебя,
Что ты не уважаешь ни законовъ,
Ни церкви, ни святыни; но я знаю,
Твои ошибочно толкуютъ мысли.
Не правда ли, со временемъ, когда
Увидишь ты, что я тебя достойна,
Ты все мнѣ скажешь?

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Жизнь моя! Зачѣмъ,
Чего мнѣ ждать? Теперь, не отлагая,
Я все тебѣ скажу. Ты не похожа
На прочихъ женщинъ; все тебѣ доступно.
Суди меня — и если я виновенъ,
Я предъ твоимъ склоняюсь приговоромъ.
Тебя не обманули. Да, я врагъ
Всего, что́ люди чтутъ и уважаютъ.
Но ты пойми меня; взгляни вокругъ:
Достойны ль ихъ кумиры поклоненья?
Какъ отвѣчаетъ ихъ поддѣльный міръ
Той жаждѣ правды, чувству красоты,
Которыя живутъ въ насъ отъ рожденья?
Вездѣ условья, ханжество, привычка,
Общественная ложь и раболѣпство!
Весь этотъ міръ нечистый я отвергъ.

Но я другой хотѣлъ соорудить,
Свѣтлѣй и краше видимаго міра,
Имъ внѣшность я хотѣлъ облагородить;
Мнѣ говорило внутреннее чувство,
Что въ женскомъ сердцѣ я его найду —
И я искалъ. Зачѣмъ тебя смущать
Разказомъ долгихъ, горькихъ заблужденій?
Довольно. Жизнь мою ты поняла.

ДОННА АННА.

О, не страшися своего довѣрья!
Да, все я понимаю. Но скажи мнѣ,
Чего ты ждалъ отъ тѣхъ, кого любилъ?
Чѣмъ былъ ты оскорбленъ, иль чѣмъ обманутъ?
Чего ты требовалъ! Скажи мнѣ все!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Чего я ждалъ отъ нихъ, чего искалъ,
Опредѣлить уже не въ силахъ я.
Теперь я все нашелъ, теперь я счастливъ!
Не полно было бъ это чувство, еслибъ
Его словами выразить я могъ!

ДОННА АННА.

А я, Жуанъ, когда бъ мою любовь
Могла измѣрить, или обозрѣть,
Мнѣ было бъ страшно; я боялась бы
Что до тебя она не досягнетъ.
Но мѣры нѣтъ въ ней! Нѣтъ во мнѣ боязни!

Сомнѣній нѣтъ! Я въ будущее вѣрю,
Какъ вѣрю въ Бога и въ тебя, Жуанъ!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Да! Вѣрь, о ангелъ! Вѣрь! Намъ надо вѣрить!
Лишь въ вѣрѣ счастье! Мигъ единый вѣры
Есть вѣчность. Пусть онъ нашу жизнь поглотитъ!
Прочь думы! Прочь сомнѣнья хладный червь!
Забудемъ все! Весь міръ! Себя самихъ!
Въ одномъ восторгѣ и въ одномъ блаженствѣ
Смѣшаемъ жизнь и смерть!

(Входитъ командоръ).

КОМАНДОРЪ.

Сеньоръ, простите.
Вамъ долго вмѣстѣ быть еще нельзя.
Никто еще не извѣщенъ въ Севильѣ
О вашемъ сватовствѣ. Но я сегодня
Пошлю къ роднымъ и близкимъ приглашенье,
Чтобъ съѣхались на сговоръ; до того жь
Вамъ видѣться лишь можно на гуляньѣ.
Обычай такъ велитъ. Коль вамъ угодно,
Вы встрѣтите насъ завтра у фонтана
Въ тотъ часъ, когда взойдетъ луна.

ДОНЪ ЖУАНЪ (въ сторону).

Проклятье!
Холодною водой меня онъ обдалъ,
Онъ мнѣ напомнилъ, что любовь есть призракъ,
Что я сюда пришелъ лишь роль играть.

Перехитрилъ старикъ, поторопился
Накидывать арканъ свой на меня!

(Къ командору).

Сеньоръ, тяжелъ вашъ строгій приговоръ,
Но я во всемъ вамъ покоряться долженъ;
До завтра я изгнанью обреченъ.

КОМАНДОРЪ.

Простите, донъ Жуанъ. Мы у фонтана
Васъ встрѣтимъ завтра.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Я не опоздаю!
(Уходитъ.)

КОМАНДОРЪ (про себя, слѣдя за нимъ глазами.)

Какъ омрачилось вдругъ его лицо!
Не въ первый разъ уже я замѣчаю,
Что выраженье ясное внезапно
Въ немъ изчезаетъ, и вокругъ бровей
И возлѣ устъ играетъ и змѣится
Насмѣшливо-суровая черта.
Не нравятся мнѣ эти перемѣны!

ДОННА АННА (ласкаясь къ отцу.)

Ты все еще не примирился съ нимъ?
Не бросилъ ты своихъ предубѣжденій?

КОМАНДОРЪ.

Его любить готовъ я горячо,
Когда твою любовь онъ оправдаетъ.

ДОННА АННА.

Но ты ему не вѣришь. Для меня
Свое ты пересилилъ отвращенье,
Свой нравъ крутой съ трудомъ переломилъ ты,
Къ улыбкѣ принужденной приневолилъ
При встрѣчѣ съ нимъ ты свой враждебный ликъ;
О, мой отецъ, не сожалѣй о томъ,
Что далъ ты намъ согласіе. Ты знаешь,
Тебѣ во всемъ покорна я была;
Но сердцу я приказывать не въ силахъ,
Любить я въ половину не могу.
Вотъ видишь ли, во мнѣ частица есть
Твоей рѣшимости. Когда бы ты
Насъ разлучилъ, о, что бъ со мною было!
Тебя любить, отецъ, я перестала бъ,
Съ тобой остаться я бы не могла!

КОМАНДОРЪ.

Ты никогда ни въ чемъ не знала мѣры.
Бывало, до его знакомства съ нами,
Когда о немъ лишь заводили рѣчь,
Ты словъ не находила порицать
Его двуличный и коварный нравъ;
Когда о немъ упоминали только,
Ты измѣнялась вся въ лицѣ; тебѣ
Чудовищемъ казался онъ; а нынѣ...
Но я не упрекать тебя пришелъ.
Онъ твой женихъ; любить его ты вправѣ;
Но ты теперь въ другую впала крайность:

Всѣ совершенства ты находишь въ немъ,
На все ты смотришь лишь его очами,
Отъ собственныхъ сужденій отреклась.
Дитя, повѣрь мнѣ, крайности опасны,
Ихъ избѣгать должно благоразумье
И среднею дорогою идти.

ДОННА АННА.

О, не брани меня! Я сознаюся,
Что не всегда такъ думала какъ нынѣ;
Но я не вдругъ перемѣнила мысли,
Не вѣтрено ему я отдалась.
Нѣтъ, кровь твоя течетъ во мнѣ не даромъ,
Моей любви, отецъ, я знаю цѣну
И важность всю поступка моего.
О немъ, отецъ, я долго размышляла
И долго, передъ тѣмъ чтобы рѣшиться,
Испытывала я сама себя.
Припомни какъ ты нынѣшней весною
Со мной садился ночью у окна,
Дышать прохладой и внимать гитарамъ,
Которыя, вблизи, вдали, кругомъ,
До самаго разсвѣта раздавались.
Онъ часто мимо проходилъ тогда,
И останавливался у рѣшетки,
И зачиналъ съ тобою разговоръ.
Не много на меня вниманья онъ
Въ то время обращалъ; но я, напротивъ,
Уже тогда, молвѣ не довѣряя,
Его старалась втайнѣ изучить.

Для васъ обоихъ часто непримѣтно,
И будто ненарочнымъ словомъ, я
Давала направленіе бесѣдѣ
И вызывала васъ на мирный споръ;
Сама жь надъ нимъ я молча наблюдала,
Не пропускала ничего, и послѣ,
Одна, въ моемъ покоѣ запершись,
Я проходила весь вашъ разговоръ,
И каждое имъ сказанное слово,
И ударенье каждое его,
И каждый взглядъ его припоминала
И долго, долго взвѣшивала ихъ.
Такъ этотъ нравъ, не понятый никѣмъ,
Себѣ я понемногу объяснила.
Но вспомни, мой отецъ, ты самъ его
Не безусловно осуждалъ. Ты часто
Его благоразумію дивился
И говорилъ, шутя, ему не разъ:
«Вы, донъ Жуанъ, боюся, повредите
«Себѣ во мнѣньи дамъ: въ тотъ часъ, когда
«Другіе имъ приносятъ серенады,
«Теряете вы золотое время
«Со мною, старикомъ!» Потомъ, когда
Ко сну я отходила, часто ты,
Со мной прощаясь, говорилъ: «однако,
«Мнѣ нравится довольно донъ Жуанъ;
«Гораздо онъ скромнѣе чѣмъ я думалъ,
«И старость онъ умѣетъ уважать.
«Его мнѣ слишкомъ чернымъ описали.»
Не такъ ли было, мой отецъ?

КОМАНДОРЪ.

Все правда,
Обворожить умѣлъ онъ и меня;
Я былъ неостороженъ. Но въ то время
Не думалъ я, что ты его полюбишь...
Иныя были у меня надежды.

ДОННА АННА.

Да, мой отецъ, его я полюбила,
Когда узнала сердце я его.
Сперва во мнѣ проснулось любопытство,
Потомъ участье; а потомъ, лишь только
Я поняла значенье донъ Жуана,
Участье обратилось въ удивленье
И волю я любви тогда дала, —
Тогда лишь, но не прежде. И теперь,
Ты правъ, отецъ мой, я его люблю
Безъ памяти, безъ воли, безъ сознанья!

КОМАНДОРЪ.

Храни Господь тебя, мое дитя,
Отъ поздняго раскаянья!

ДОННА АННА.

Я знаю,
Тебя страшитъ прошедшее его.
Но вѣрь, отецъ, минувшія тѣ бури

Порукой намъ грядущихъ ясныхъ дней!
Я не хочу оправдывать Жуана;
Онъ былъ преступенъ, но порочен не былъ.
Его дѣла нельзя равнять съ другими,
И общей мѣрой мѣрить ихъ нельзя.
Кто надъ другими такъ стоитъ высоко,
Чья мысль проникнуть алчетъ въ нѣдра жизни,
Кто въ ней, какъ средь египетскаго храма,
Іероглифы видитъ и загадки,
И объяснить себѣ ихъ вѣчно хочетъ,
И вѣчно неудачей раздраженъ, —
Тому невыносимъ условій гнетъ,
И тотъ не могъ законамъ подчиниться,
Дорогою избитою идти!
Иныхъ путей душа его искала,
Неясная звѣзда его вела,
Ему другой души не доставало,
Которая-бъ понять его могла!
Изъ женщинъ не одна его любила,
Но ихъ союзъ былъ слишкомъ боязливъ;
Пугала ихъ его стремленій сила,
Его ума несдержанный порывъ!
И робко всѣ остались у преддверья,
Когда онъ смѣло шелъ во храма тьму, —
Жуана сердце требуетъ довѣрья, —
И я, отецъ, повѣрила ему!
Я отдалась ему душою вольной,
И къ правдѣ путь мы вмѣстѣ совершимъ;
Ему помочь есть силъ во мнѣ довольно, —
Моя любовь меня сравняла съ нимъ!

КОМАНДОРЪ.

Мой милый другъ, къ чему намъ снова спорить
И разсуждать о томъ, что́ рѣшено!

ДОННА АННА (обнимая отца).

Будь добръ къ нему! Оставь свои сомнѣнья!

КОМАНДОРЪ.

Дитя мое, я васъ благословилъ,
И съ той поры онъ сдѣлался мнѣ дорогъ.

ДОННА АННА.

О, мой отецъ, повѣрь ему какъ я!
Тотъ донъ Жуанъ, который бурной жизнью
Негодованье наше возбуждалъ,
Не есть Жуанъ счастливый, возрожденный,
Который нынѣ любитъ дочь твою!
Будь добръ къ нему! Когда мы завтра ночью
Съ нимъ на условленномъ сойдемся мѣстѣ,
Не оскорбляй холодностью его!

КОМАНДОРЪ.

Я оскорблять Жуана не намѣренъ.
Но.... я сейчасъ съ Октавьо говорилъ.
Узнавъ изъ устъ моихъ, что для него
Надежды нѣтъ, хотѣлъ онъ удалиться,
Искать хотѣлъ онъ смерти гдѣ-нибудь.
Я удержалъ его, — онъ былъ намъ другомъ, —
Я упросилъ его остаться съ нами, —

Онъ здѣсь. Судьбѣ тяжелой онъ покоренъ.
Но рана сердца глубока. Ты, Анна,
Была къ нему не безъ участья прежде.
Онъ въ горести, и много облегчило-бъ
Его твое привѣтливое слово...
Скажи, согласна-ль ты его принять?

ДОННА АННА.

Къ чему, отецъ мой? Чтó ему сказать?
Оставь свиданье до другаго раза!

КОМАНДОРЪ (про себя).

Любовь жестока и себялюбива;
Она собою только занята.
Ея какъ сонъ пріятно опьянѣнье, —
Но горестно бываетъ пробужденье!

ДВОРЕЦЪ ДОНЪ ЖУАНА.

Донъ Жуанъ въ богатой одеждѣ. Лепорелло надѣваетъ на него кружевной воротникъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Вотъ такъ. Лишь дайте эту цѣпь поправить,
И настоящій вы теперь женихъ!
Ну, слава Богу! Мы остепенились,
И жизни безалаберной конецъ!
А знаете-ль, сеньоръ, что вся Севилья
Завидуетъ вамъ?

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Право? Но откуда
Ты взялъ, что я хочу жениться?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Какъ?
Да развѣ не объявлена ужь свадьба?
Нѣтъ, вы теперь женихъ, и, слава Богу,
Вамъ на попятный дворъ уже нельзя!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Жениться не намѣренъ я.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Позвольте,
Позвольте, что́ это такое? Какъ?
Досель вы измѣняли, это правда,
Но не были ничьимъ вы женихомъ
И слова никому вы не давали;
А слово вещь святая. Быть не можетъ,
Чтобъ вы хотѣли взять его назадъ!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Его возметъ назадъ сама невѣста.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Какъ? Донна Анна васъ чтобъ разлюбила?
Коль на нее расчитывали вы,
То я совсѣмъ на этотъ счетъ спокоенъ;

Она васъ любитъ какъ досель никто.
Нѣтъ, вы теперь уже не отвертитесь,
Ужь дѣло въ шляпѣ. И позвольте мнѣ
Вамъ принести покорнѣйшую просьбу:
Вы знаете какъ честно я всегда
И безкорыстно вамъ служилъ; какъ ваши
Любовныя я часто порученья
Съ опасностью здоровья исполнялъ.
Теперь за всѣ заслуги я прошу,
Чтобы, когда у васъ родятся дѣти
Вы мнѣ ихъ воспитанье поручили,
И жалованье положили бъ мнѣ
Приличное наставнику. Синьоръ,
Я хвастать не хочу, я не ученый,
О нѣтъ! Но что касается до чести,
Поспорить я могу съ великимъ Сидомъ,
Дурному я дѣтей не научу!

ДОНЪ ЖУАНЪ (смотритъ въ окно).

Луна взошла. Дай плащь мнѣ и гитару.
(Въ сторону).
Рѣшительнымъ ударомъ кончить надо!
Старикъ откажетъ мнѣ и нашумитъ;
А передъ ней найду я оправданье
И безъ отца сойдуся съ ней опять!

ЛЕПОРЕЛЛО (подавая гитару и плащъ).

Задайте жь ей скорѣе серенаду.
Онѣ вѣдь это любятъ. Въ женихѣ
Предупредительность всегда похвальна!
(Донъ Жуанъ уходитъ).

ЛЕПОРЕЛЛО (одинъ потирая руки).

Ну, слава Богу! Скоро отдохнемъ!
Его понудить къ браку было надо,
Какъ робкаго купальщика, который
Воды холодной до тѣхъ поръ боится,
Пока его насильно не толкнутъ.

НОЧЬ, ГУЛЯНЬЕ У ФОНТАНА.

Два кавалера встрѣчаются.

ПЕРВЫЙ КАВАЛЕРЪ.

Вы слышали ли новость? Донъ Жуанъ
Посватанъ съ донной Анной.

ВТОРОЙ КАВАЛЕРЪ.

Быть не можетъ!

ПЕРВЫЙ КАВАЛЕРЪ.

Увидите; они сегодня вмѣстѣ
Здѣсь будутъ на гуляньѣ. Кто бъ подумалъ,
Что кончитъ такъ похвально донъ Жуанъ?

Двое въ другихъ разговорахъ.

ПЕРВЫЙ.

Я этому повѣрю лишь тогда,
Когда увижу самъ. Пусть кто другой, —
Но донъ Жуанъ, — продать свою свободу!

ВТОРОЙ.

Сеньоръ, напрасно такъ вы говорите,
Дочь командора хороша какъ день,
Охотно былъ бы на его я вмѣстѣ!

Пожилая дама съ супругомъ и дочерью.

ДАМА.

И что́ они нашли въ немъ? Какъ отецъ
На то могъ согласится? Ни за что́ бъ
Не отдала ему я Инесильи!

СУПРУГЪ.

Гмъ, гмъ!

ДОЧЬ.

За что́ его такъ всѣ бранятъ?
Что́ въ немъ дурнаго, маменька?

ДАМА.

Молчи,
Тебѣ разказывать про это рано.

Двѣ молодыя дамы.

ПЕРВАЯ.

Какъ могъ въ нее влюбиться онъ? Скажи,
Что́ въ ней хорошаго?

ВТОРАЯ.

Одно кокетство!
Она его кокетствомъ завлекла!

Нѣсколько кавалеровъ и дамъ.

ПЕРВЫЙ КАВАЛЕРЪ.

Здѣсь подождемъ. Они сюда придутъ.

ПЕРВАЯ ДАМА.

Но доннѣ Кларѣ, можетъ-быть, теперь
Не хочется увидѣть донъ-Жуана?

ПЕРВАЯ ДАМА.

Зачѣмъ же, если доннѣ Консепсіонѣ
Пріятно будетъ встрѣтить вмѣстѣ съ нимъ
Счастливую соперницу свою!

ПЕРВАЯ ДАМА.

Когда бы мнѣ онъ сдѣлалъ предложенье,
Я, молча, дверь ему бы указала.

ВТОРАЯ ДАМА.

Какъ жаль, что онъ не сдѣлалъ вамъ его!

ВТОРОЙ КАВАЛЕРЪ.

Вотъ онъ идетъ! Смотрите! И гитара
Въ его рукѣ. Зачѣмъ теперь гитара?
То прежде кстати было бы, когда,

Вздыхая, онъ у дома командора
Простаивалъ до самаго утра.

ТРЕТЬЯ ДАМА.

Какъ онъ глядитъ на эти окна. Кто
Живетъ надъ тѣмъ балкономъ?

ТРЕТІЙ КАВАЛЕРЪ.

Какъ, надъ тѣмъ?
Не смѣю вамъ сказать, сеньора, тамъ...
Живетъ одна... одна... не смѣю, право!

ТРЕТЬЯ ДАМА.

Смотрите, онъ остановился. Онъ
Гитару строитъ. Кто же тамъ живетъ?

ТРЕТІЙ КАВАЛЕРЪ.

Глазамъ своимъ не вѣрю! Тамъ живетъ
Потерянная женщина одна,
По имени Нисета. Цѣлый городъ
Нисету знаетъ, но никто бъ не смѣлъ
На улицѣ ей поклониться. Право,
Я ничего не понимаю. Какъ?
Онъ сбросилъ плащъ, онъ шляпу загибаетъ,
Его лицо освѣщено луной, —
Какъ будто хочетъ онъ, чтобъ вся Севилья
Его узнать могла. О, это слишкомъ!
Возможно ль! Онъ поетъ!

*

ТРЕТЬЯ ДАМА.

Какая наглость!

ДОНЪ ЖУАНЪ (поетъ подъ балкономъ).

Гаснутъ дальней Альпухарры
Золотистые края,
На призывный звонъ гитары
Выйди, милая моя!
Всѣхъ, кто скажетъ, что другая
Здѣсь равняется съ тобой,
Всѣхъ, любовію сгарая,
Всѣхъ зову на смертный бой!
От лунного свѣта
Зардѣлъ небосклонъ,
О выйди, Нисета,
Скорѣй на балконъ!

НИСЕТА (показываясь у окна).

О, донъ Жуанъ, уйдите, ради Бога!
Вы губите меня. Скорѣй уйдите!
Когда о томъ узнаетъ командоръ,
Онъ заколоть меня велитъ. Молю васъ...

ДОНЪ ЖУАНЪ (продолжаетъ).

Отъ Севильи до Гранады,
Въ тихомъ сумракѣ ночей,
Раздаются серенады,
Раздается стукъ мечей;
Много крови, много пѣсней

Для прелестныхъ льется дамъ, —
Я же той, кто всѣхъ прелестнѣй,
Пѣснь и кровь мою отдамъ!
От лyннаго свѣта
Горитъ небосклонъ,
О выйди, Нисета,
Скорѣй на балконъ.

(Въ продолженіи серенады подходитъ командоръ, подъ руку съ донной Анной, и останавливается въ нѣкоторомъ разстояніи).

КОМАНДОРЪ.

Какъ? Чтó? Не можетъ быть! Не вѣрю! Нѣтъ!

(Донъ Жуанъ оборачивается къ нему, продолжая перебирать струны).

Такъ! Это онъ! Злодѣй! Бездѣльникъ! Извергъ!

(Къ тѣмъ, которые хотятъ удержать его).

Прочь отъ меня!

(Къ донъ Жуану, обнажая шпагу).

Бездѣльникъ! Шпагу вонъ!

ДОНЪ ЖУАНЪ (насмѣшливо).

Сеньоръ, умѣрьте гнѣвъ вашъ. Это шутка.

КОМАНДОРЪ.

Вонъ шпагу, иль убью тебя!

ДОННА АННА.

О, Боже!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Сеньоръ, не горячитесь. Это шутка.
Я забавлялся.

КОМАНДОРЪ (выпадая).

Такъ умри жь теперь!

ДОНЪ ЖУАНЪ (отскакиваетъ и вынимаетъ шпагу).

О, если такъ, извольте, я готовъ!

(Дерутся. Командоръ роняетъ шпагу. Донъ Жуанъ скрывается).

КОМАНДОРЪ.

Я раненъ! Дочь! Ко мнѣ... я умираю!

ДОННА АННА.

Отецъ, отецъ! О, Боже! Помогите!
Врача! Скорѣй врача!

КОМАНДОРЪ (падая).

Не надо, Анна.
Сюда, мое дитя... нагнись поближе...
Ко мнѣ поближе, Анна. Милый другъ,
Дитя мое, прости! Я умираю...
Одна теперь осталась ты на свѣтѣ...
Ты сирота... но другъ есть у тебя...
Октавіо... не отвергай его...
Быть-можетъ, послѣ... черезъ годъ... о, Анна,
Нѣтъ силъ... я умираю...

(Умираетъ).

ДОННА АННА (бросаясь на трупъ отца).

Боже, Боже!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ОКРЕСТНОСТИ КАДИКСА.

Донъ Жуанъ и Лепорелло, въ разговорѣ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Охота, право, вамъ была, сеньоръ,
Связаться съ этимъ старикомъ. Извольте
Съ его семействомъ справиться теперь!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Я знать не могъ, что онъ остервенится
И бросится со шпагой на меня.
Покойникъ бѣшенъ былъ не по лѣтамъ.
А я хотѣлъ его лишь подразнить
И отучить настаивать на свадьбѣ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Такъ только въ томъ была его вина,
Что сдѣлаться хотѣлъ онъ вашимъ тестемъ?
Ну, что жь? И слава Богу! Въ добрый часъ!
Давно бы вамъ пора остепениться.
Что мы за жизнь ведемъ? Скажите сами.
А донна Анна чѣмъ была не пара?

Вы были бы теперь отцомъ семейства,
И жили бъ смирно, тихо, хорошо,
Какъ Богъ велитъ, и прыгали бъ вкругъ васъ
Безъ счета и числа малъ-мала меньше;
Все маленькіе донъ Жуаны. Да.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Пріятная картина, въ самомъ дѣлѣ,
Но забываешь ты, что года нѣтъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ я былъ женихомъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Такъ что же?
Вы въ полгода успѣли бъ сдѣлать то,
На что другимъ бываетъ жизни мало?
Вы время не теряете.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Глупецъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

И кажется, вѣдь вы ее любили,
По крайней мѣрѣ больше чѣмъ другихъ.
Когда вы вашу выкинули штуку,
Вы были пасмурны дня три потомъ

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Я и теперь люблю ее.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Быть-можетъ,
Да проку-то отъ этого намъ мало.
Теперь, небось, не сунитесь вы къ ней.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Она моею будетъ. Такъ хочу я.
Я до моей достигну цѣли.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ой ли?
Спровадивши отца, за дочкой вы
Ужь не хотите ль снова волочиться?

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Я никому ее не уступлю.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ха, ха! го, го! А донъ Октавьо? А?
Я чаю, ужь теперь ихъ свадьба близко;
Пожалуй, донна Анна ужь за нимъ.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

За нимъ, иль нѣтъ, она моею будетъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Забавная была бы то исторья!
Ха, ха! Какъ донна Анна?

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Полно врать.
Смотри. Ты видишь этаго гидальго,
Въ плащѣ и маскѣ, что минутъ ужъ съ пять
Взадъ и впередъ все ходитъ передъ нами?
Спроси его, чего онъ хочетъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Какъ?
Вонъ этого? Не лучше ль намъ, сеньоръ,
Убраться отъ него подалѣ?

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Трусъ!
Спроси его сейчасъ, чего онъ хочетъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Повѣрьте мнѣ, уйдемте лучше прочь,
Не нравятся мнѣ новыя знакомства.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Такъ оставайся. Я его спрошу.
(Идетъ на встрѣчу незнакомцу.)
Кого вамъ надобно, сеньоръ?

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Сеньоръ,
Ищу я донъ Жуана де-Маранья,
Къ нему есть у меня письмо.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Подайте,
Я донъ Жуанъ.

(Незнакомецъ, подавая письмо, хочетъ ударить донъ Жуана кинжаломъ. Донъ Жуанъ хватаетъ его за руку и сжимаетъ ему горло.)

Въ другой разъ будь ловчѣе!
Мнѣ голосъ твой знакомъ. Эй, Лепорелло!

ЛЕПОРЕЛЛО (издали.)

Я говорилъ, сеньоръ, уйдемъ! Ну, что же?
Вы ль держите его, иль онъ васъ держитъ?

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Простите, я ошибся.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Вижу, другъ.
Эй, Лепорелло! Подойди сюда!

ЛЕПОРЕЛЛО (издали).

Сейчасъ, сеньоръ! Башмакъ мой развязался!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Трусъ! Я держу разбойника. Иди!

ЛЕПОРЕЛЛО (издали.)

Держите же покрѣпче. Да кольните
Его сперва немножко подъ ребро.

(Подходитъ съ осторожностью.)

ДННЪ ЖУАНЪ.

Сними съ него скорѣе маску.

(Лепорелло снимаетъ съ незнакомца маску.)

Какъ?

То нашъ пріятель Боабдилъ? Мориско,
Котораго спасли мы отъ костра?
Скажи, за что хотѣлъ меня убить ты?
Что сдѣлалъ я тебѣ?

БОАБДИЛЪ.

Сеньоръ, простите,
Я силою былъ вынужденъ къ тому.
Освобожденный вами такъ чудесно,
Я пойманъ былъ опять. Святое братство
Мнѣ обѣщало полное прощенье,
Когда я васъ убью въ извѣстный срокъ; —
Не то, — я долженъ быть сожженъ. Сегодня
Срокъ кончился.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

И такъ, любезный другъ,
Тебя сожгутъ. Но кто жь тебѣ мѣшалъ
Уйдти и скрыться гдѣ-нибудь?

БОАБДИЛЪ.

Нельзя!
За мной слѣдятъ. Меня бъ опять поймали.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Ты, видно, снова принялъ христіянство?

БОАБДИЛЪ.

Вторично; вамъ къ услугамъ.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Но зачѣмъ
Ты въ первый разъ отрекся отъ Христа?

БОАБДИЛЪ.

Торговлю я веду съ тунисскимъ деемъ,
Въ Берберію невольницъ поставляю.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Причина не дурна. Ты вѣришь въ Бога?

БОАБДИЛЪ.

Смотря по обстоятельствамъ, сеньоръ.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

А въ совѣсть вѣришь?

БОАБДИЛЪ.

Въ совѣсть? Какъ придется.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Я вижу, ты мошенникъ откровенный.
Философъ ты, не зная самъ того.
Безъ размышленій дальнихъ и глубокихъ,
Ты до того же вывода дошелъ,
Къ которому меня приводитъ опытъ

И логики неумолимой нить.
Куда жь ты дѣнешься теперь?

БОАБДИЛЪ.

Теперь?
Когда бы были у меня цехины,
Я гдѣ-нибудь фелуку бы досталъ
И сдѣлался бъ пиратомъ.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Лепорелло!
Сейчасъ его въ дворецъ мой проводи.
Пусть спрячется онъ. Тамъ его не будетъ
Искать теперь святая инквизицья.
Да угости его какъ можно лучше,
Онъ мой пріятель. Въ Бога онъ не вѣритъ.
Я этакихъ людей люблю. Ступайте.

ЛЕПОРЕЛЛО (снимая шляпу и низко кланяясь Боабдилу.)

Донъ Боабдилъ, слуга я вашъ покорный!
Рекомендуюсь вамъ. Я въ Бога вѣрю;
Но, можетъ-быть, я ошибаюсь. Если
Одинъ лишь чортъ вселенной господинъ,
На томъ свѣту прошу васъ мнѣ у чорта
Въ протекціи своей не отказать.

(Уходятъ вмѣстѣ.)

КОМНАТА ДОННЫ АННЫ.

ДОННА АННА (вся въ черной одеждѣ сидитъ у окна.)

Какъ въ ясный день крушительная буря,
Такъ на меня обрушилась судьба.
О мой отецъ! Услышь меня изъ гроба!
Передъ тобой его я обвиняю!
Да, онъ тебя не одного убилъ.
Онъ, онъ убилъ души моей святыню;
Надежды всѣ, и чистыя мечты,
Завѣтныя убилъ онъ убѣжденья,
Онъ все убилъ! Въ отчаянье онъ ввергнулъ,
Въ безвѣріе низринулъ дочь твою!
То былъ духъ тьмы, видъ ангела принявшій,
Но въ немъ не я ошиблась — нѣтъ, не я!
Отецъ мой, не вини меня! Предвидѣть
Никто не могъ сего, ни угадать.
Здѣсь выводы нарушены событій,
Насилованъ предвѣчный ходъ судьбы;
То истинъ всѣхъ законъ непогрѣшимый
Разбился о двуличіе его!
Нѣтъ, не меня ты обманулъ, Жуанъ, —
Ты обманулъ и Бога, и природу!

(Входитъ донъ Октавіо. Она его не замѣчаетъ.)

ДОНЪ ОКТАВІО (послѣ долгаго молчанія).

Ужъ годъ къ концу приходитъ, донна Анна,
Съ тѣхъ поръ, какъ страшный васъ постигъ ударъ.
Ужели нѣтъ вамъ въ горѣ облегченья?

Отчаянью ужели нѣтъ конца?
Все такъ же вы блѣдны и молчаливы,
Все такъ же смотритъ вашъ недвижный взоръ;
О, еслибы на мигъ я васъ увидѣлъ
Какою я когда-то васъ знавалъ!

ДОННА АННА.

Прошло то время, донъ Октавіо. Нынѣ
Пора другая настаетъ. Я стала,
Вы видите, спокойнѣе теперь.
Я въ монастырь рѣшилась удалиться.

ДОНЪ ОКТАВІО.

Что слышу я? Возможно ль, донна Анна?

ДОННА АННА.

Я такъ рѣшилась, донъ Октавіо.

ДОНЪ ОКТАВІО.

Нѣтъ!
Я не могу молчать предъ вами долѣ!
Я далъ себѣ святое обѣщанье
Не говорить вамъ о любви, но нѣтъ,
Молчать нѣтъ силы долѣ. Донна Анна!
Я васъ люблю какъ никогда никто
Доселѣ не любилъ еще на свѣтѣ!
Я васъ люблю не для себя. Богъ видитъ,
Нѣтъ жертвы, нѣтъ такого униженья,
Котораго бъ не принялъ я для васъ.
Мученья ада были бы ничто

Въ сравненьи съ ревностью моею!
Но я ее насильно заглушилъ,
Обезоруженную подалъ руку
Сопернику. Я зналъ, о донна Анна,
Что онъ васъ недостоинъ; но его
Любили вы — и онъ мнѣ сталъ священенъ!
И самое мнѣ ваше заблужденье
Священно было; и чтобы для васъ
Спасти того, кто жизнь мою похитилъ,
Я, не колеблясь, кинулся бы въ пламя!
Забывъ кто онъ, забывъ себя, весь міръ,
Я васъ лишь видѣлъ, васъ однихъ лишь помнилъ;
Когда меня отвергли вы, когда,
Злодѣйства ставъ неслыханнаго жертвой,
Вы на мое безмолвное участье
Холодностью одною отвѣчали,
Я васъ любилъ, любилъ васъ безнадежно!
Всѣ дѣйствія мои и всѣ мышленья
Къ одной я только цѣли направлялъ,
Въ себѣ самомъ давно уже не вижу я,
Мою всю душу въ вашу перелилъ!
Я вами лишь дышу, я вами мыслю,
Я все отринулъ, все въ себѣ убилъ, —
Все что не вы — мнѣ все невыносимо!

ДОННА АННА (разсѣянно.)

Мнѣ кажется, дня три ужь, донъ Октавьо,
Я не видала васъ.

ДОНЪ ОКТАВІО.

Дня три? Безъ чувствъ
Лежалъ я съ мѣсяцъ. Я былъ раненъ.

ДОННА АННА.

Право?
Кѣмъ ранены вы были?

ДОНЪ ОКТАВІО.

Тѣмъ, кого
Назвать при васъ я не хочу.

ДОННА АННА.

И что же?
Вы ранены... а онъ?... убитъ?

ДОНЪ ОКТАВІО.

Два раза
Мы съ нимъ сходились. Первый разъ онъ шпагу
Изъ рукъ мнѣ вышибъ и хотѣлъ мириться.
Второй, лишь только мы скрестили шпаги,
Онъ выпалъ и насквозь мнѣ прокололъ
Плечо. Насъ разлучили.

ДОННА АННА (послѣ нѣкотораго молчанія).

Донъ Октавьо,
Вы о любви сейчасъ мнѣ говорили;
Какъ думаете вы, могу ли я
Спокойно васъ и хладнокровно слушать?

Могу ли жить, смотрѣть на это небо,
На эту зелень, на природу всю,
Пока онъ живъ? Какъ? онъ, мой врагъ смертельный,
Убійца моего отца, губитель
Всего, что было свято для меня,
Онъ живъ, онъ также видитъ это небо,
Онъ воздухомъ однимъ со мною дышетъ,
Онъ на одной живетъ со мной землѣ,
Своимъ присутствіемъ онъ заражаетъ
Тотъ міръ, гдѣ жить я съ нимъ осуждена,
А вы, вы о любви мнѣ говорите!

(Презрительно).

Вы съ нимъ дрались! Онъ вышибъ вашу шпагу!
Онъ ранилъ васъ! И думаете вы,
Что долгъ вы свой исполнили, что можно
Вамъ о любви теперь мнѣ говорить!
Да развѣ все вы совершили? Развѣ
Къ нему законы чести примѣнимы?
Дрались вы развѣ съ человѣкомъ? Какъ?
Когда-бъ съ цѣпей сорвался хищный звѣрь
И въ бѣшенствѣ весь край опустошалъ бы,
Ему бы также вызовъ вы послали?

ДОНЪ ОКТАВІО.

О, донна Анна, вѣрьте, вамъ не нужно
Мою вражду насмѣшкой разжигать!
Межь имъ и мной не конченъ споръ кровавый,
Но тѣ слова, что вырвались у васъ,
Они не ваши были, донна Анна,
Отчаяніе ихъ произнесло!

ДОННА АННА.

Нѣтъ, онъ не такъ бы поступилъ какъ вы!
Когда бы онъ любилъ меня, когда бы
Онъ былъ на вашемъ мѣстѣ, — о, давно
Съумѣлъ бы онъ отъ васъ меня избавить!
Любить онъ могъ бы, если-бъ захотѣлъ!

ДОНЪ ОКТАВІО.

Опомнитесь! Въ себя придите! Вамъ ли
Меня язвить такъ горько, донна Анна?

ДОННА АННА.

Какія только знаю я проклятья,
Я всѣ зову на голову его!
Быть-можетъ, смертный грѣхъ я совершаю,
Но намъ обоимъ мѣста въ свѣтѣ нѣтъ!
Душою всей, и каждымъ помышленьемъ,
Дыханьемъ каждымъ я его кляну,
Біеньемъ сердца каждымъ ненавижу,
Но ваше малодушье, донъ Октавьо,
Я презираю. Слышите ли? Васъ
Я презираю.

(Уходитъ).

ДОНЪ ОКТАВІО

Да проститъ ей Богъ!

ДВОРЕЦЪ ДОНЪ ЖУАНА БЛИЗЪ КАДИКСА.

Донъ Жуанъ съ пріятелями за столомъ.

ПЕРВЫЙ.

Ха, ха, ха, ха! Забавное, донъ Цезарь,
Вы разсказали похожденье намъ!

ВТОРОЙ.

И что жь? Чѣмъ кончилось оно?

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Инеса
Въ тотъ самый годъ отъ горя умерла.

ПЕРВЫЙ.

И совѣсть васъ не мучила?

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Нисколько.

ВТОРОЙ.

Ее вы развѣ не любили?

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Нѣтъ.

ПЕРВЫЙ.

А долго ли вы были женихомъ?

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Пока моя къ ней прихоть продолжалась.

ВТОРОЙ.

Что́ скажетъ намъ на это донъ Жуанъ,
Учитель нашъ и мастеръ въ волокитствѣ?

ДОНЪ ЖУАНЪ (къ донъ Цезарю).

Святая церковь васъ осудитъ.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Нѣтъ,
Мой дядя кардиналъ, и мнѣ изъ Рима
Прислалъ онъ отпущеній про запасъ.

ДОНЪ ЖУАНЪ,

Вы цѣните, какъ должно, отпущенья?

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Я не язычникъ, и моей души
Я погубить нисколько не намѣренъ!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Васъ жизнь не тяготитъ? Вы ей довольны?
Въ явленіяхъ ея вы ничего
Не ищите душою безпокойной?

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Чего жь искать въ ней, если не веселья?
Я жизнь люблю за то, что веселюсь.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Когда паспортомъ въ рай вы запаслися,
А жизнію довольны, то съ Инесой
Вы поступили какъ подлецъ.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ (вскакивая).

Какъ? Что?
Чтó вы сказали?

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Я сказалъ, что вы
Подлецъ.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ (хватая бутылку).

Я проучу васъ!

ДОНЪ ЖУАНЪ (хладнокровно).

Берегитесь,
Я васъ убью.

ГОСТИ (бросаясь между нихъ).

Стыдитесь, господа!

(Входитъ донъ Карлосъ)

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Я, донъ Жуанъ, принесъ вамъ новый вызовъ
Отъ донъ Октавьо. Исцѣлясь отъ раны,
Онъ бой вамъ на смерть предлагаетъ.

ДОНЪ ЦЕЗАРЬ.

Стойте!
Я первый долженъ биться съ донъ-Жуаномъ!

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Сеньоръ, за донъ Октавьо первенство: —
Онъ первый оскорбленъ.

ДОНЪ ПЕЗАРЬ.

Я не согласенъ!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Я весь къ услугамъ вашимъ, господа;
Рѣшите это дѣло между вами.
(Расходятся).

ОКРЕСТНОСТИ КАДИКСА, ДВОРЪ ПЕРЕДЪ ДВОРЦОМЪ ДОНЪ ЖУАНА.

Донъ Жуанъ, Лепорелло въ длинныхъ сапогахъ, съ плетью въ рукѣ.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Что̀ новаго?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Сеньоръ, я изъ Севильи
Скакалъ всю ночь. Я думаю, вашъ конь
Поѣздку эту долго не забудетъ.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Фискала видѣлъ ты? Донесъ ему
О новыхъ преступленьяхъ донъ Жуана!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Исполнилъ, словно въ слово, все что вы
Мнѣ приказать изволили намедни.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

И что же!

ЛЕПОРЕЛЛО.

О, сеньоръ, намъ очень плохо!
Случайно я провѣдалъ стороною,
Что къ нимъ изъ Рима будетъ новый членъ,
Какой-то донъ Йеро́нимо. Онъ въ Кадиксъ
На кораблѣ на дняхъ пріѣхать долженъ.
Святыхъ онъ братій хочетъ подтянуть;
Они его со страхомъ ожидаютъ;
Чтобъ избѣжать въ бездѣйствіи упрека,
Формальный вамъ готовится процессъ;
Арестовать должны васъ очень скоро.
Межъ тѣмъ разосланы во всѣ концы
Глашатаи, чтобъ ваше отлученье
Отъ церкви и закона объявить.
Пропали мы совсѣмъ!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Гдѣ Боабдилъ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Насчетъ его, позвольте мнѣ, сеньоръ,
Вамъ сообщить богатую идею.
Она пришла мнѣ въ голову, когда
Я къ вамъ скакалъ съ извѣстьемъ изъ Севильи.
Кто этотъ Боабдилъ! И какъ ему
Вы можете такъ безусловно вѣрить?
За то ль, что онъ хотѣлъ васъ ткнуть кинжаломъ,
Ему отъ васъ всѣ милости идутъ,
И наравнѣ вы ставите его
Со мной, и даже выше чѣмъ меня,
Который столько лѣтъ вамъ служитъ честно?
Вѣдь это васъ къ добру не поведетъ;
Увидите, еще бродяга этотъ,
Отступникъ, шельма, висѣльникъ и воръ,
На васъ бѣду накличетъ. Средство-жъ есть
Не только избѣжать бѣды, но пользу
Изъ шельмы этого извлечь, когда вы
Послушаетесь моего совѣта
И въ разсужденье вникните мое.
Мой взглядъ на это дѣло очень простъ:
Вѣдь Боабдилъ, не правда ль, осужденъ
Былъ инквизицьей на сожженье? Такъ ли?
Его мы свободили. Но потомъ
На нашу жизнь онъ покусился. Такъ ли?
Теперь спрошу васъ: еслибы мы знали,
Что онъ покусится на нашу жизнь,
Спасли ли бъ мы тогда его отъ смерти?
Нѣтъ, мы тогда его бы не спасли,

И былъ бы онъ теперь сожженъ. Неправда ль?
Итакъ, коль мы сожжемъ его теперь,
Мы этимъ не возьмемъ грѣха на совѣсть,
Понеже все останется какъ было.
А мой совѣтъ: схватить его сейчасъ
И на дворѣ публично сжечь. Мы этимъ
Докажемъ всѣмъ, въ комъ есть на насъ сомнѣнье,
Что добрые мы христіяне. Ну,
Что скажете, сеньоръ, на эту мысль?

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Что ты дуракъ, и сверхъ того завистливъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Прикажете ли разложить костеръ?

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Поди и позови мнѣ Боабдила.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Сейчасъ, сеньоръ. Я очень васъ прошу
Мое серьозно взвѣсить предложенье.
У васъ на шеѣ новыхъ два убійства:
Октавьо и донъ Цезарь.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Первый мнѣ
Своими вызовами надоѣлъ;
Втораго же не жаль; онъ былъ подлецъ.

Но ты наскучилъ мнѣ. Поди сейчасъ
И Боабдила позови.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Извольте.

(Уходитъ).

ДОНЪ ЖУАНЪ (одинъ).

Мнѣ оставаться долѣ невозможно,
Испанію покинуть долженъ я.
Но мысль о доннѣ Аннѣ не даетъ
Покоя мнѣ. Я не былъ никогда
Особенно къ чувствительности склоненъ;
Не помню даже, чтобы мнѣ ребенкомъ
Когда нибудь случалось плакать. Нынѣ жь,
Въ мучительныхъ и сладкихъ сновидѣньяхъ,
Когда ее я вижу предъ собой,
Я дѣлаюся слабъ, и пробуждаясь,
Я ощущаю слезы на лицѣ.
Я самъ себя не узнаю. Когда бы
Не горькій мой и многократный опытъ,
Я бъ это чувство принялъ за любовь.
Но я не вѣрю ей. Одно желанье,
Одна лишь страсть во мнѣ; и, можетъ-быть,
Я трудностью побѣды подстрекаемъ!
Чего же ждать? Не буду малодушенъ,
Чувствительность разсудкомъ изгоню,
Безъ нѣжныхъ вздоховъ и безъ колебаній
Пойду я прямо къ цѣли, и сомнѣньямъ
Развязкой скорой положу конецъ!

(Задумавшись).

Тогда и этотъ новый призракъ счастья
Исчезнетъ какъ всѣ прежніе. Да, да,
Я излѣчусь; но это излѣченье
Тяжеле будетъ самаго недуга,
И я куплю спокойствіе мое
Еще одной потерей идеала!
Не лучше ли оставить этотъ цвѣтъ
Несорваннымъ, но издали дышать
Его томительнымъ благоуханьемъ,
И каждый день, и каждое мгновенье
Воздушною идеей упиваться?
Безумный бредъ! То было бы возможно
Другому, но не мнѣ. Мечтатель я, —
Но я хочу мечты осуществленья,
Неясныхъ положеній не терплю.
Я не могу туманнымъ обѣщаньемъ
Довольствоваться въ жизни. Отъ нея
Я исполненья требую. Я знаю,
Что и теперь она не сдержитъ слова,
Но чѣмъ скорѣе выйдетъ ложь наружу,
Тѣмъ лучше для меня. Я не хочу
Быть убаюканъ этимъ заблужденьемъ.
Въ Испаніи да будетъ донна Анна
Моимъ послѣднимъ, горькимъ торжествомъ!
Съ чего жь начну? Еще не знаю самъ,
Но чувствую, что ужь готовъ мой демонъ
Мнѣ снова помогать: въ моей груди
Ужь раздуваетъ онъ губящій пламень,
Къ безумной страсти примѣшалъ вражду...
Въ моемъ желаньи тайный гнѣвъ я чую,

Мой замыселъ безжалостенъ и золъ,
На власть ея теперь я негодую,
Какъ негодуетъ раненый орелъ,
Когда полетъ влачить онъ долженъ низко,
И не рѣшу, что мнѣ волнуетъ кровь;
Любовь ли здѣсь такъ къ ненависти близко,
Иль ненависть похожа на любовь!

(Приходитъ Боабдилъ).

Ты все ли сдѣлалъ какъ я приказалъ?

БОАБДИЛЪ.

Надежныхъ удальцовъ до полусотни
На ваши деньги нанялъ я, сеньоръ.
Фелука также ужъ совсѣмъ готова:
Ходокъ отличный. Щегольски загнута,
Лихая мачта въ воздухѣ дрожитъ;
Прилаженъ къ ней косой латинскій парусъ;
Мадонна шелкомъ вышита на немъ,
На флагѣ гербъ Тенорьо де Маранья —
И провіанту вдоволь. По волнамъ,
Какъ ласточка, скользя на нихъ безъ звука,
Запрыгаетъ разбойничья фелука!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Гдѣ вы на якорѣ стоите?

БОАБДИЛЪ.

Близко
Отъ вашего дворца. Скалистый мысъ
Отъ крейсеровъ пока насъ закрываетъ.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

По первому готовы будьте знаку
Къ дворца ступенямъ подойдти. На пиръ
Я моряковъ удалыхъ приглашаю.
Сегодня, или завтра я намѣренъ
Испанію оставить навсегда.

(Боабдилъ уходитъ, входитъ Лепорелло).

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ну что́ жь, сеньоръ? Обдумали вы планъ мой?

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Сѣдлай сейчасъ мнѣ лучшаго коня,
Съ тобою вмѣстѣ я скачу въ Севилью.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Въ Севилью? Боже мой?

(Въ сторону).

Мой господинъ,
Мнѣ кажется, немного помѣшался!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Въ Севилью скачемъ мы съ тобой сейчасъ,
И прежде, чѣмъ настанетъ новый день,
Въ моихъ объятьяхъ будетъ донна Анна.

СУМЕРКИ, КЛАДБИЩЕ.

Донъ Жуанъ и Лепорелло слѣзаютъ съ лошадей.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Здѣсь жди меня.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Помилуйте, сеньоръ,
Нельзя ли выбрать вамъ другое мѣсто?
Вѣдь это есть то самое кладбище,
Гдѣ погребенъ убитый командоръ!
Смотрите, — вонъ и памятникъ его!
Весь мраморный, на мраморномъ конѣ,
У, какъ на насъ онъ сверху смотритъ строго!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Ея отсюда вилла недалеко,
Сюда же ночью не придетъ никто.
Здѣсь жди меня, я до зари вернуся.

(Уходитъ).

ЛЕПОРЕЛЛО (одинъ.)

Брръ! Дрожь меня по жиламъ пробираетъ!
Вѣдь, право, ничему не вѣритъ онъ,
Все для него лишь трынъ-трава да дудки,
А на меня могильный холодъ вѣетъ,
И чудится мнѣ, будто межъ гробницъ
Уже какой-то странный ходитъ шепотъ.
Ухъ, страшно здѣсь! Уйду я за ограду!

САТАНА (является между могилъ.)

Люблю межъ этихъ старыхъ плитъ
Прогуливаться въ часъ вечерній.
Довольно смѣшанно здѣсь общество лежитъ,
Между вельможъ есть много черни;

Но это не бѣда, а жаль, что посѣщать
Иныя мнѣ нельзя гробницы:
Здѣсь есть двѣ-три отроковицы,
Пять-шесть еретиковъ, младенцевъ дюжинъ съ пять,
Къ которымъ мнѣ нельзя и носу показать.
Подъ вѣдѣньемъ небесной силы
Ихъ состоятъ могилы;
Мнѣ портятъ ангелы житье.
Не нужно напрягать имъ слуха,
Сейчасъ провѣдаютъ по духу, —
Такое тонкое чутье!
Ужь я ихъ слышу приближенье...
Ну, такъ и есть, явилися сюда...
Мое нижайшее почтенье,
Слуга покорный, господа!

НЕБЕСНЫЕ ДУХИ.

Оставь усопшимъ ихъ забвенье,
Оставь гробы до страшнаго суда,
Не преступай священнаго предѣла!

САТАНА.

На этотъ разъ до мертвыхъ нѣтъ мнѣ дѣла.
Иной заботой занятъ я.
Вы помните, друзья,
Нашъ давній споръ про донъ Жуана?
Я говорилъ, что поздно, или рано,
Онъ будетъ мой. И что жь? Свѣтъ побѣдила мгла.
Не понялъ той любви святаго онъ значенья,

Которая бъ теперь спасти его могла,
И слѣпо онъ свершитъ надъ нею преступленье.

ДУХИ.

Въ безмолвіи ночи
Мы съ нимъ говорили,
Мы спящія очи
Его прояснили,
Изъ тверди небесной
Къ нему мы вѣщали
И міръ безтѣлесный
Ему показали.
Онъ зрѣлъ, обновленный,
Въ чемъ сердца задача,
И рвался къ намъ сонный,
Рыдая и плача;
Въ дневной же тревогѣ
Земное начало
Опять отъ дороги
Его отвращало;
Онъ помнилъ видѣнье,
Но требовалъ снова
Ему примѣненье
Средь міра земнаго,
Пока его очи
Опять не смежались
И мы, среди ночи
Ему не являлись;
И вновь онъ, преступный,
Гналъ замыслъ обратно,

И мысли доступна,
И сердцу понятна
Стремленья земнаго
Была неудача,
И нашъ онъ былъ снова,
Рыдая и плача!

САТАНА.

Я вижу изъ сего, что путь его двойной,
И самъ онъ, кажется, двоится:
Во снѣ онъ вашъ, но на яву онъ мой, —
На этомъ я согласенъ помириться!

ДУХИ.

Высокой онъ душой на ложь ожесточенъ,
Невѣріе его есть только плодъ обмана,
Сгубить лишь на землѣ ты можешь донъ Жуана,
Но въ небѣ будетъ онъ прощенъ!

САТАНА.

Тогда бы въ небѣ было толку мало!
Онъ сердится на ложь, — сердиться воленъ всякъ.
Но съ правдой ложь срослась и къ правдѣ такъ пристала,
Что отскоблить ее нельзя никакъ!
А онъ скоблитъ сплеча, да ужь едва ли
Насквозь не проскоблилъ всѣ истины скрижали.
Не вѣритъ на слово онъ никому ни въ чемъ;
Вѣковъ работу предпринявъ сначала,
Онъ хочетъ все, что намъ преданье завѣщало,
Своимъ изслѣдовать умомъ.

Немножко щекотливо это!
Я самъ, вѣдь, врагъ авторитета,
Но пообтерся межъ людьми;
Бѣда все отрицать! Въ иное надо вѣрить,
Не то, пришлось бы, чортъ возьми,
Мнѣ самого себя похѣрить!

ДУХИ.

Лукаво ты его смущалъ,
Ты истощилъ его терпѣнье,
И гнаться онъ усталъ за тою бѣглой тѣнью,
Что́ лживо на землѣ ему ты показалъ.

САТАНА

Прошу покорно извиненья!
Конечно, я его морочилъ много лѣтъ,
Но нынѣшній его предметъ
Есть между всѣми исключенье.
Могу вамъ доложить, безъ лести и похвалъ,
Она, точь-въ-точь, на свой походитъ идеалъ,
И даже самому мнѣ странно,
Что въ форму вылилась такъ чисто донна Анна.
Когда бъ ее съумѣлъ онъ оцѣнить,
Свершилось бы неслыханное чудо,
Моихъ сѣтей разорвалась бы нить
И со стыдомъ бы мнѣ пришлось бѣжать отсюда.
Но слѣпъ онъ, словно кротъ. Къ чему жь еще обманъ?
Ужь нечего мнѣ болѣ добиваться;
Могу я руки положить въ карманъ
И зрителемъ въ комедіи остаться.

Безъ цѣли за него идетъ у насъ борьба,
Теперь бы отдохнуть могли мы;
Вліяній нашихъ нѣтъ — влечетъ его судьба
И неизбѣжности законъ неумолимый!

ДУХИ.

Вкругъ дѣлъ людскихъ загадочной чертой
Свободы грань очерчена отъ вѣка;
Но безъ насилья можетъ въ грани той
Вращаться вольный выборъ человѣка.
Лишь если онъ предѣлы перейдетъ,
Въ чужую область вступитъ святотатно,
Впадаетъ онъ въ судьбы водоворотъ
И увлеченъ теченьемъ невозвратно.
Въ тревогѣ думъ, въ разгарѣ мощныхъ силъ,
Жуанъ блуждаетъ, дерзостенъ и страстенъ,
Но за черту еще онъ не ступилъ
И къ правдѣ онъ еще вернуться властенъ.
Лукавый духъ, бѣжишь ты со стыдомъ!
Святой любви таящееся чувство
Сознаетъ онъ.

САТАНА.

Я сомнѣваюсь въ томъ.
Я отказался здѣсь отъ всякаго искусства,
На гвоздикъ я свою повѣсилъ сѣть;
Но къ милой онъ пошелъ, совсѣмъ ужь сбитый съ толку,
И вамъ, я думаю, пришлось бы покраснѣть,
Когда бъ на нихъ теперь вы поглядѣли въ щелку!

ДУХИ.

Онъ къ истинѣ придетъ! Его туманный взоръ
Уже провидѣлъ лучъ божественнаго свѣта!

САТАНА.

А что́ есть истина? Вы знаете ли это?
Пилатъ на свой вопросъ остался безъ отвѣта, —
А разрѣшить загадку сущій вздоръ:
Представьте выпуклый узоръ
На бляхѣ жестяной. Со стороны обратной
Онъ въ глубину изображенъ;
Двоякимъ способомъ выходитъ съ двухъ сторонъ
Одно и то же акуратно.
Узоръ есть истина. Господь же Богъ и я
Мы обѣ стороны ея;
Мы выражаемъ тайну бытія, —
Онъ верхней частью, я исподней,
И вотъ вся разница, друзья,
Между моей снаровкой и Господней.

ДУХИ.

Когда, какъ хоръ одушевленный,
Земля и звѣзды и луна
Гремятъ хвалой Творцу вселенной,
Себя со злобою надменной
Ему равняетъ Сатана!
Но бѣса умствованья ложны,
Тождественъ съ истиною Тотъ,
Кого законы непреложны,

Предъ Чьимъ величіемъ ничтожны
Равно кто любитъ иль клянетъ!
Какъ звѣздный блескъ въ небесномъ полѣ
Яснѣй выказываетъ мгла,
Такъ на твою досталось долю
Противурѣчить Божьей волѣ,
Чтобъ тѣмъ свѣтлѣй она была!

САТАНА.

Извѣстно, что отъ всякаго контроля
Должны выигрывать дѣла.

ДУХИ.

Два разнородныя начала,
Тому равно подвластны мы,
Кого премудрость указала
Намъ быть глаголомъ идеала,
Тебѣ же быть глаголомъ тьмы!

САТАНА.

Согласенъ и на то. Безъ комплимента,
Мы, значитъ, въ родѣ парламента;
Мы, такъ сказать, правленія вѣсы.
Сознайтесь, что Господь здѣсь только для красы;
Онъ символъ лишь замысловатый;
Дѣлами жь правимъ мы, двѣ равныя палаты;
Точнѣй: коль на Него посмотришь съ двухъ сторонъ,
Выходитъ вы да я, мы совокупно — Онъ.
Разрывъ нашъ — только умозрѣнье,
Но въ самомъ дѣлѣ мы одно;

А для пустаго развлеченья
Дробиться цѣлому смѣшно.
Пора двухъ половинъ устроить сочетанье:
  Химически смѣшавъ со злобою любовь,
Въ итогъ безстрастія сольемся вновь
И погрузимся въ самосозерцанье!
А міръ совѣтую предать его судьбѣ,
Какъ заведенную разъ навсегда машину.
Когда же внѣшности съ себя мы смоемъ тину
  И будемъ сами по себѣ, —
Какое дѣло намъ какимъ путемъ къ сознанью,
  Съ какого именно конца,
  Съ параднаго, иль съ чернаго крыльца,
Придетъ какой-нибудь маркезе де-Маранья?

ДУХИ.

Едино, цѣльно, недѣлимо,
Полно созданья своего,
Надъ нимъ и въ немъ, невозмутимо,
Царитъ отъ вѣка Божество.
Осуществилося въ немъ ясно
Чего постичь не могъ никто:
Несогласимое согласно,
Съ грядущимъ прошлое слито,
Совмѣстно творчество съ покоемъ,
Съ невозмутимостью любовь,
И возникаютъ вѣчнымъ строемъ
Ея созданья вновь и вновь.
Всемірнымъ полная движеньемъ,
Она свѣтиламъ кажетъ путь,

Она нисходитъ вдохновеньемъ
Въ пѣвца восторженную грудь;
Цвѣтами рдѣя полевыми,
Звуча въ паденьи свѣтлыхъ водъ,
Она законами живыми
Во всемъ, что́ движется, живетъ.
Всегда различна отъ вселенной,
Но вѣчно съ ней съединена,
Она для сердца несомнѣнна,
Она для разума темна.
Замолкни, жалкій сынъ паденья,
И словъ язвительныхъ, не трать, —
Тебѣ святаго Провидѣнья
Душой холодной не понять!

САТАНА.

Я только пошутилъ. Хотѣлъ вамъ доказать я,
Что всѣмъ системамъ, безъ изъятья,
Есть въ безпредѣльности просторъ,
И что, куда мы нашъ ни кинемъ взоръ,
Мы мѣтя въ кругъ неизмѣримый,
Никакъ попасть не можемъ мимо.
Въ той области, гдѣ центра нѣтъ,
Гдѣ центромъ служитъ каждый пунктъ случайный,
Гдѣ вмѣстѣ явно все и тайно,
И гдѣ условны мракъ и свѣтъ, —
Тамъ всѣ воззрѣнія возможны,
Всѣ равно вѣрны, или равно ложны.
Поэтому и вашъ я допускаю взглядъ,
И если на явленій рядъ

Съ извѣстной точки посмотрю я,
Готовъ, какъ вы, кричать я: Аллилуя!
Ура! Осанна! Святъ, святъ, святъ!
Усердья моего ничье не перевыситъ;
Досадно то, что результатъ
Отъ точки зрѣнія зависитъ.

ДУХИ.

Царь тьмы, къ чему двусмысленная рѣчь?

САТАНА.

Къ тому, чтобъ васъ предостеречь
Отъ безполезнаго старанья
Спасти Жуана де-Маранья.
Какую бъ намъ систему ни принять:
Систему вѣры, иль рацьонализма,
Деизма, или пантеизма,
Хоть всѣ до одного оттѣнки перебрать,
Которыми привыкла щеголять
Философическая призма, —
Того, кто Промысла отвергнулъ благодать,
Но сѣсть не хочетъ въ кресла фаталисма,
А претъ себѣ впередъ, и въ сторону, и вспять,
Какъ по льду гладкому скользя, —
Спасти нельзя!

ДУХИ.

Господь! Постигнуть дай Жуану
Что́ смутно видѣлъ онъ вдали!
Души мучительную рану

Сознаньемъ правды изцѣли!
Но если, тщетно званный нами,
Онъ не пойметъ Твоей любви,
Тогда сверкающій громами
Свой гнѣвный ликъ ему яви,
Да потрясетъ Твой зовъ могучій
Его какъ голосъ судныхъ трубъ!

САТАНА.

На эти чудеса Господь довольно скупъ,
И скромно прячется за тучей,
Когда гремитъ. На всякій случай
Позвольте мнѣ сюда ту силу пригласить,
Которая, безъ воли и сознанья,
Привыкла первому служить,
Кто только дастъ ей приказанье.
Кто бъ ей ни овладѣлъ, порокъ иль благодать,
Слѣпа, могуча, равнодушна,
Готова сила та крушить иль созидать,
Добру и злу равно послушна.
Ты, что философы зовутъ душой земли,
Ты, что магнитный токъ сквозь міръ всегда струила,
Услышь теперь мой зовъ, словамъ моимъ внемли,
Явись, таинственная сила!
Ты, жизненный агентъ, алхимиковъ азотъ,
Незримое астральное теченье,
Твой господинъ тебя зоветъ,
Явись принять его велѣнья!
Ты, что людской всегда питаешь потъ и трудъ,
Ты, что такъ много душъ сгубила,

Усердье, преданность, иль какъ тебя зовутъ,
Явись, безсмысленная сила!

(Является туманная фигура).

Смотрите, вотъ она, покрыта пеленой,
Еще не знаетъ чѣмъ ей выдти изъ тумана.
Готовься жь петлю, спутанную мной,
Разсѣчь иль затянуть, по выбору Жуана!
Отнынѣ будь ему во всемъ подчинена:
Что-бъ ни задумалъ онъ отъ прихоти иль скуки, —
Все слѣпо исполняй. Теперь я сторона,
Я совершилъ свое и умываю руки!
Смотрите: ревности полна,
Уже дрожитъ и зыблется она,
Всѣ виды принимать и образы готова.
Терпѣнье, бабушка! Жди знака, или слова,
Потомъ уже не знай ни страха, ни любви,
Свершай что́ онъ велитъ, безъ мысли ни пощады,
И воплотившись разъ, топчи, круши преграды —
И самого его въ усердьи раздави!

ДУХИ.

Постой, внемли и намъ! Въ то страшное мгновенье
Когда на бездны край ужь ступитъ Донъ-Жуанъ,
Послѣднее ему неси остереженье
И духа тьмы предъ нимъ разоблачи обманъ.
Тогда лишь, если онъ отъ правды отвратится, —
Его судьба да совершится!

(Фигура исчезаетъ).

МѢСТО ПЕРЕДЪ ВИЛЛОЙ ДОННЫ АННЫ.

Офицеръ съ патрулью.

ПЕРВЫЙ СОЛДАТЪ.

Сейчасъ онъ промелькнулъ передо мною.

ОФИЦЕРЪ.

Увѣренъ ты, что это точно онъ?

ПЕРВЫЙ СОЛДАТЪ.

Я видѣлъ бѣлое перо на шляпѣ.

ОФИЦЕРЪ.

Довольно бѣлыхъ перьевъ безъ него.

ВТОРОЙ СОЛДАТЪ.

Мнѣ кажется, онъ въ этотъ дворъ вошелъ.

ОФИЦЕРЪ.

Не можетъ быть. То вилла донны Анны;
Сюда войдти не смѣлъ бы донъ Жуанъ.

ВТОРОЙ СОЛДАТЪ.

Я точно видѣлъ.

ТРЕТІЙ СОЛДАТЪ.

Мнѣ такъ показалось,
Что за уголъ онъ повернулъ.

ОФИЦЕРЪ.

Пойдемъ
Сперва по этой улицѣ, когда же
Тамъ никого не встрѣтимъ, то вернемся.
(Уходятъ).

ВИЛЛА ДОННЫ АННЫ.

Сначала сумерки. Потомъ луна освѣщаетъ часть комнаты. Другая остается въ тѣни.

ДОННА АННА (одна).

Все та-же неотвязчивая мысль
Вокругъ меня какъ черный воронъ вьется....
Такъ поступить! Зачѣмъ онъ не сказалъ мнѣ,
Что онъ во мнѣ ошибся? Что не та я,
Которую искалъ онъ? Не сказалъ мнѣ,
Что полюбивъ, онъ разлюбилъ меня?
Я поняла-бъ его, я извинила-бъ,
Я оправдала-бы его! Ужели
Моихъ упрековъ, слезъ, или моленій,
Боялся онъ? Я не давала права
Ему такъ низко думать обо мнѣ!
Все могъ онъ сдѣлать, все, — но это, — это, —
О боже, боже, пожалѣй меня!
(Подходитъ къ окну).
Октавіо нейдетъ. Я знаю гдѣ онъ.
Но мысль о немъ мнѣ не тревожитъ сердца, —
Я не страшуся друга потерять, —
Страшуся только, чтобъ его противникъ

Изъ боя вновь не вышелъ невредимъ.
Уже во мнѣ изсякли безъ возврата
И жалость и участіе. Меня
Онъ какъ потокъ схватилъ неумолимый
И отъ всего роднаго оторвалъ.
Съ боязнію теперь въ себя гляжу я:
Тамъ прошлаго не видно и слѣда,
И чуждыя мнѣ чувства поселились
Въ опустошенномъ сердцѣ. Страшно, страшно!
Лишь смерть его, лишь только смерть одна
Покой душевный возвратить мнѣ можетъ!
Пока онъ живъ, ни здѣсь, ни на могилѣ
Отцовской, ни въ стѣнахъ монастыря,
Не въ силахъ я ни плакать, ни молиться.
Но, кажется, послышались шаги...
Звенятъ по мраморнымъ ступенямъ шпоры...
Идутъ сюда... Октавіо вернулся!

(Донъ Жуанъ показывается, въ плащѣ, съ надвинутой на глаза шляпой. Донна Анна бросается къ нему на встрѣчу)

Октавіо!.. ну, что́ же?

ДОНЪ ЖУАНЪ (сбрасывая плащь).

Это я.

(Донна Анна, въ ужасѣ, отступаетъ).

Я знаю, донна Анна, что мой видъ
Вселяетъ въ васъ и ненависть и ужасъ.
Вы правы. Для меня прощенья нѣтъ, —
Нѣтъ никакихъ предъ вами оправданій.
Я былъ для васъ орудіемъ судьбы,

И не могу исправить что случилось.
Но я пришелъ сказать вамъ, что на вѣкъ
Я покидаю этотъ край, что вы
Отъ близости избавитесь несносной
И можете свободнѣе дышать.

ДОННА АННА (въ сторону).

Что́ мнѣ мѣшаетъ въ грудь ему сейчасъ
Вонзить кинжалъ? Какое колебанье
Мою безсилитъ руку?

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Донна Анна,
Когда до васъ извѣстіе дойдетъ
О смерти ненавистнаго Маранья,
Могу ли ожидать, что это имя
Не будете вы болѣ проклинать?

ДОННА АННА.

Онъ говоритъ о смерти! Боже правый!
О смерти онъ дерзаетъ говорить,
Тотъ, кто всегда кровавой смертью дышетъ.
Кому она послушна какъ раба!
Гдѣ донъ Октавьо? Отвѣчайте, гдѣ онъ?

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Октавіо убитъ.

(Донна Анна хочетъ говорить, онъ ее предупреждаетъ).

Я не искалъ
Его погибели. Онъ самъ хотѣлъ

Со мною биться. Я не могъ ему
Подставить горла, какъ овца; но я
Завидую теперь его судьбѣ.

ДОННА АННА.

Обрызганъ кровью моего отца,
Онъ моего еще зарѣзалъ брата
И хвалится убійствомъ предо мной!
И не разступится подъ нимъ земля?
И пламя не пожретъ его? Громъ Божій,
Ударь въ него! Изпепели его!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Увы, никто не слышитъ, донна Анна,
Проклятій вашихъ. Ясенъ сводъ небесъ,
Мерцаютъ звѣзды, лавръ благоухаетъ,
Торжественно на землю сходитъ ночь,
Но въ небесахъ все пусто, донна Анна.
Въ нихъ Бога нѣтъ. Когда бъ внезапно громъ
Теперь ударилъ, я бъ повѣрилъ въ Бога,
Но громъ молчитъ, — я вѣрить не могу!

ДОННА АННА.

Онъ богохульствуетъ! Доколь, о Боже,
Терпѣніе Твое не истощится?

ДОНЪ ЖУАНЪ.

О если бы я могъ въ Него повѣрить, —
Съ какимъ бы я раскаяньемъ палъ ницъ,
Какія бъ лилъ горячія я слезы,

Какія бы молитвы я нашелъ!
О, какъ тогда Его я умолялъ бы,
Чтобы еще Онъ жизнь мою продлилъ,
И могъ бы я, босой и въ власяницѣ,
Простертый въ прахъ, и съ пепломъ на главѣ,
Хоть долю искупить тѣхъ преступленій,
Которыя безвѣрьемъ рождены!
Какихъ бы я искалъ себѣ мученій,
Какимъ бы истязаньямъ предалъ плоть,
Какъ жадно бъ я страданьямъ упивался,
Когда бы могъ повѣрить въ божество!
О горе мнѣ, что не могу я вѣрить!

ДОННА АННА.

Что слышу я? Тотъ самый, кто въ другихъ,
Съ разсчитаннымъ, холоднымъ наслажденьемъ,
Всегда святыню сердца убивалъ, —
Тотъ сожалѣетъ о своемъ безвѣрьи!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Я разрушалъ въ моемъ ожесточеньи
Обманъ и ложь вездѣ, гдѣ находилъ.
За жизнь мою и самое рожденье
Слѣпой судьбѣ безъ отдыха я мстилъ.
Себя, другихъ, весь міръ я ненавидѣлъ,
Я все губилъ. Одинъ лишь только разъ,
Въ тотъ свѣтлый день, когда я васъ увидѣлъ,
Въ моей душѣ надежда родилась.
Но я ужь былъ испорченъ. Я не могъ
Моей любви повѣрить. Слишкомъ часто

Я былъ обманутъ. Я боялся вновь
Попасться въ сѣть; я гордо захотѣлъ
Убить въ себѣ мучительное чувство.
И святотатно я его попралъ.
Я самъ себѣ безумно посмѣялся,
И моего упорнаго безвѣрья,
Моей насмѣшки горькой надъ собой,
Вы сдѣлалися жертвой. Не глядите
Такъ гнѣвно на меня, — увы, я знаю,
Что я преступникъ, но ужь я наказанъ.
Не удалося мнѣ торжествовать.
Я побѣдить себя не могъ. Вашъ образъ
Не въ силахъ я изгладить, ни забыть.
Да! Въ Бога я давно уже не вѣрю,
Но вѣрить въ васъ еще не пересталъ!
Когда бъ я могъ, хоть изрѣдка, васъ видѣть, —
Не здѣсь, — о нѣтъ, но въ церкви гдѣ-нибудь;
Незримый вами, въ темномъ углубленьи,
Межь нищими, колонною сокрытъ,
Когда бъ я могъ, хоть издали украдкой,
Вашъ иногда услышать голосъ, — о!
Тогда быть-можетъ былъ бы я спасенъ
И вѣрить вновь тогда бы научился!

ДОННА АННА.

Ужь слишкомъ долго слушала я васъ, —
Межь нами разговоровъ быть не можетъ.
Раскаялись когда вы непритворно,
Ищите утѣшенье въ лонѣ церкви,
Меня жь оставьте, — вамъ не мѣсто здѣсь.

*

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Я церковью отринутъ. Въ этотъ мигъ,
Пока я съ вами говорю, убійцы
Вездѣ ужь рыщутъ по моимъ слѣдамъ,
И голова оцѣнена моя.
Отъ церкви не могу я ждать пощады!

ДОННА АННА.

Идите въ Римъ. Къ ногамъ падите папы.
Петра намѣстникъ можетъ васъ простить.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Когда не вѣрю въ самого я Бога,
Чего у папы мнѣ еще искать!
Не папа можетъ воскресить надежду,
Не папа съ жизнью можетъ помирить!
Простите донна Анна. Я безумецъ.
Увлекся я несбыточной мечтой.
Нѣтъ, для меня не можетъ быть спасенья!
Идти я долженъ до конца. Нельзя
Остановиться мнѣ на полдорогѣ.
Въ отчаянье я брошуся опять!
Пусть опьянятъ мой разумъ преступленья,
Въ страстей тревогѣ пусть забуду я
Блеснувшій мнѣ отрадный лучъ надежды!
Какъ бѣшенный, неукротимый конь,
Я къ пропасти направлю бѣгъ безумный,
И какъ шумящій водопадъ, съ высотъ

Низринусь въ бездну. Мнѣ одна дорога:
Ничтожества спасающая ночь!

ДОННА АННА.

Слова безумья, или ослѣпленья!
Я ненавижу васъ... но долгъ велитъ
Вамъ указать убѣжище молитвы...

(Барабанный бой).

ГОЛОСЪ ПОДЪ ОКНАМИ.

«Во имя короля и Sant' Officio!
Симъ объявляется всѣмъ христіанамъ,
Что донъ Жуанъ, Маркезе де-Маранья,
Отъ церкви отлучается Христовой
И внѣ законовъ нынѣ состоитъ.
Всѣ для него убѣжища закрыты,
Не исключая божьихъ храмовъ. Всѣмъ,
Кому его извѣстно пребыванье,
Вмѣняется въ священный долгъ о немъ
Немедленно начальству донести.
Къ кому жь онъ обратится, тотъ его
Обязанъ выдать въ руки мѣстной власти,
Подъ опасеньемъ вѣчнаго проклятья. —
Таковъ надъ нимъ церковный приговоръ.»

(Барабанный бой).

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Вы слышали? Могу ли я еще
Мириться съ церковью или съ закономъ?
Простите! Кончено! Моя судьба
Да совершится!

ДОННА АННА (которая, между тѣмъ, подошла къ двери и прислушивалась).

Стойте, донъ Жуанъ!

(Входитъ слуга, Донна Анна становится передъ донъ Жуаномъ, который остается въ тѣни).

СЛУГА.

Сеньора, офицеръ священной стражи
Желаетъ васъ увидѣть.

ДОННА АННА.

Пусть войдетъ.

ОФИЦЕРЪ.

Прошу меня простить, сеньора. Я
Съ патрулью нарядженъ отъ Sant' Officio
Арестовать преступника.

ДОННА АННА.

Кто онъ?

ОФИЦЕРЪ.

Намъ показалось, что онъ въ эту виллу
Вошелъ недавно.

ДОННА АННА.

Какъ его зовутъ?

ОФИЦЕРЪ.

Къ несчастію, вамъ его извѣстно имя:
То донъ Жуанъ, Маркезе де-Маранья.

ДОННА АННА.

Какъ можете вы полагать, чтобъ онъ
Осмѣлился сюда придти? Вы, вѣрно,
Замѣтили кого-нибудь другаго.
Но я велю вездѣ васъ проводить,
И позволяю осмотрѣть всю виллу.

ОФИЦЕРЪ (поднимая плащъ донъ Жуана, съ замѣшательствомъ).

Сеньора... этотъ плащъ?..

ДОННА АННА.

Какую связь
Имѣетъ съ порученьемъ вашимъ чей-то
Оставленный здѣсь плащъ? Надѣюсь, вы
Не думаете, чтобъ я скрывала
Убійцу моего отца?

ОФИЦЕРЪ.

Сеньора,
Я виноватъ, простите, мы ошиблись.

(Уходитъ).

(Донна Анна слѣдитъ за нимъ глазами, потомъ смотритъ на донъ-Жуана, шатается и готова упасть. Донъ-Жуанъ ее поддерживаетъ).

КЛАДБИЩЕ ОСВѢЩЕННОЕ ЛУНОЮ.

ЛЕПОРЕЛЛО (вбѣгая въ ограду).

Нѣтъ, страшно мнѣ и тамъ! кругомъ вездѣ
Все движется и шепчетъ! Рвутся кони
И фыркаютъ, покрыты бѣлой пѣной...
Гдѣ господинъ мой? Ужъ пора бъ давно
Ему сюда вернуться!

ДОНЪ ЖУАНЪ (входя).

Свершено!
Полуобманъ и полуоткровенность,
Обратное движенье бурной страсти,
Которому такъ сладко уступать,
Мнѣ предали въ объятья донну Анну.
Я побѣдилъ! Не будетъ болѣ мучить
Меня любви обманчивая тѣнь!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Скорѣй, сеньоръ! Ускачемте отсюда!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Какъ вновь во мнѣ кипитъ и жизнь и сила!
Весь міръ теперь я вызвалъ бы на бой!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Прочь, прочь отсель! Ускачемъ, ради Бога!
Нечисто здѣсь, любезный мой сеньоръ!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Все тотъ же ты! Всегда труслив какъ заяцъ!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Повѣрьте мнѣ, ускачемъ! Командоръ...

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Что командоръ?

ЛЕПОРЕЛЛО (показывая на статую).

Глядите, какъ онъ смотритъ!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Зови его ко мнѣ на ужинъ завтра!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ай, ради Бога, не шутите такъ!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Я не шучу. Зови его на ужинъ!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Уйдемъ, уйдемъ!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Нѣтъ, надо проучить
Твою мнѣ трусость. Подойди сейчасъ
И пригласи на ужинъ командора!

ЛЕПОРЕЛЛО.

О, не могу!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Я заколю тебя!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Сейчасъ, сейчасъ! Исполню вашу волю!
(Подходитъ къ памятнику).
Великая статуя командора!
Мой господинъ—не я—ей, ей, не я,
Васъ приглашаетъ... нѣтъ, я не могу!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Кончай сейчасъ!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Васъ приглашаетъ завтра
Пожаловать къ нему на ужинъ.. Ай!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Ну что?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Она... ей, ей, она кивнула!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Постой же, трусъ, я научу тебя
Безстыдно лгать. Сюда! Смотри на верхъ!
(Беретъ Лепорелло за воротъ и обращается къ статуѣ).

Статуя командора! Я даю
Прощальный ужинъ завтра, и желалъ бы,
Чтобъ на него пожаловала ты.
Скажи, придешь на ужинъ?
(Статуя киваетъ).
Что за чортъ!
Я, кажется, не пьянъ, а вижу мутно.
Должно быть я усталъ. То къ головѣ
Кровь приливаетъ и туманитъ зрѣнье.
Эй, Лепорелло! лошадей!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Бѣгу!

ДВОРЕЦЪ ДОНЪ ЖУАНА.

Зала окнами къ морю.

ДОНЪ ЖУАНЪ (одинъ пасмурный и недовольный).

Я побѣдилъ. Но удовлетворенья
Ожиданнаго я не нахожу.
Она мнѣ отдалася безъ сознанья;
Мнѣ помогли внезапность и расплохъ;
Побѣду я укралъ какъ воръ. Не такъ
Мнѣ овладѣть хотѣлось этимъ сердцемъ!
Нѣтъ: шагъ за шагомъ, медленно впередъ
Все далѣе и далѣ подвигаться,
Вражду, и стыдъ, и совѣсти боренье
Въ послѣднія убѣжища тѣснить,
И гордую противницу мою

Самой ей къ изумленію, заставить
Мнѣ сдѣлаться послушною рабой, —
Вотъ гдѣ была бы цѣнность обладанья,
Вотъ что побѣдой полной я бъ назвалъ!
Нѣтъ, недоволенъ я собою. Много
Нетронутыхъ я въ ней оставилъ струнъ,
И много темныхъ сердца тайниковъ
Я не извѣдалъ. Но теперь ужь поздно!
Надъ головой моей сверкаетъ мечъ
И долженъ я Испанію покинуть!
Утѣшусь тѣмъ, что я бъ и въ этомъ сердцѣ
Открытья сдѣлать новаго не могъ.
Жалѣть о неисчерпанной интригѣ
Не все ль теперь равно, что сожалѣть
О кой-какихъ мѣстахъ моей отчизны,
Которыхъ я не посѣтилъ? Отчизна,
И женщины, и цѣлый родъ людской
Извѣстны мнѣ. Зачѣмъ же не могу я
Воспоминаніе о доннѣ Аннѣ
На днѣ души моей похоронить
Какъ и другія всѣ воспоминанья?

(Входитъ Боабдилъ, въ вооруженіи пирата).

Но вотъ моей фелуки капитанъ.
Послушаемъ, что онъ принесъ.

БОАБДИЛЪ.

Сеньоръ,
Исправно все. Къ отплытью мы готовы!

ДОНЪ ЖУАНЪ (осматривая его нарядъ).

Вотъ такъ люблю тебя. Колпакъ и куртка,
И абордажный на цѣпи топоръ,
Узорные морскіе шаровары,
И туфли на босую ногу. Браво!
Ты молодецъ, разбойникъ хоть куда!

БОАБДИЛЪ.

И хоть куда готовъ я васъ доставить,
Лишь поскорѣй бы въ море намъ уйдти!

ДОНЪ ЖУАНЪ (про себя)

Вотъ этого сомнѣнія не мучатъ
И нѣтъ разлада въ немъ съ самимъ собой.
Мнѣ любопытно знать, какъ на моемъ
Онъ поступилъ-бы мѣстѣ.
Постараюсь
Вопросъ мой примѣнить къ его понятьямъ.

(Къ Боабдилу).

Скажи мнѣ, Боабдилъ, тебѣ не жаль
Разстаться навсегда съ твоей отчизной?

БОАБДИЛЪ.

Сеньоръ, весь этотъ андалузскій край
Былъ нашъ когда-то. Намъ принадлежалъ
Весь кругозоръ, что́ обнимаетъ око
Съ зубчатыхъ башенъ царственной Альгамбры.
Въ ту пору я быть-можетъ пожалѣлъ бы
О родинѣ, какъ о своемъ добрѣ;

Но нынѣ проку мало въ ней, и я
Давно пустые бросилъ предразсудки;
Я родиной считаю всякій край,
Гдѣ золото мнѣ сыплется въ карманы.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Ты судишь здраво. Съ этой точки зрѣнья
Твой образъ мыслей можно похвалить.
Но еслибы внезапно ты нашелъ
Несмѣтный кладъ, такихъ сокровищъ груду,
Какія, по преданію, лежатъ
Въ заваленныхъ подвалахъ подъ Альгамброй,
Что бъ сдѣлалъ ты тогда?

БОАБДИЛЪ.

Сказать вамъ правду,
Нашедши кладъ, я разсудилъ бы тотчасъ,
Что бо́льшій кладъ еще найдти возможно,
И бо́льшій бы отыскивать я началъ.

ДОНЪ ЖУАНЪ (про себя).

Я къ этому мошеннику не даромъ
Сочувствіе имѣлъ. Мы схожи нравомъ,
Но въ клады я не вѣрю ужь давно!
А странно, что досель я не могу
О ней не думать! Въ память глубоко
Слова и голосъ врѣзались ея,
И этотъ взглядъ испуганный, когда
Опомнилась она въ моихъ объятьяхъ.
Безумный донъ Жуанъ! До коихъ поръ

Играть тобой воображенье будетъ!
Стыдись хоть Боабдила. Этотъ ищетъ
Чтó находить и добывать возможно —
А ты? Стыдись! тебя смущаетъ сонъ!

(Къ Боабдилу).

Ты не забылъ различною одеждой,
На всякій случай, запастися? Намъ,
Я думаю, придется въ Барселонѣ
Дня два, иль три, инкогнито прожить.

БОАБДИЛЪ.

Отъ капуцина и до пиккадора
Припасены наряды всѣхъ сортовъ;
Лишь стóитъ ихъ доставить на фелуку.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Я ночью сняться съ якоря намѣренъ,
Теперь же всѣхъ зову ко мнѣ на пиръ.

ЛЕПОРЕЛЛО (вбѣгая въ испугѣ).

Сеньоръ! Сеньоръ! Дворецъ вашъ окружаютъ
Со всѣхъ сторонъ святые familiares?
Весь дворъ ужь полонъ стражи; всѣ ворота,
Всѣ двери ими заняты! Сейчасъ
Арестовать придетъ васъ ихъ начальникъ!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Ого! Должно быть, донъ Йеронимо,
Тотъ новый членъ, котораго изъ Рима
Они въ Севилью ждутъ, шутить не любитъ!

Мы ихъ принять готовы. Боабдилъ,
Твои одежды намъ пришлися кстати:
Забавный мы затѣемъ маскарадъ.
Ты будешь капитанъ, который въ Кадиксъ
Йеронимо привезъ; ты жь, Лепорелло,
Ты — самъ Йеронимо. Смотрите жь, оба,
Я каждому его назначу роль.

ГАЛЛЕРЕЯ ВО ДВОРЦѢ.

Боабдилъ и офицеръ стражи.

БОАБДИЛЪ.

Съ утра они въ молельнѣ заперлись.
Я подходилъ на цыпочкахъ ко двери:
Тамъ тихо все; порой лишь слышны вздохи,
А иногда невнятное рыданье,
Да увѣщанья честнаго отца.
Должно быть донъ Жуанъ великій грѣшникъ!
Во время рейса, донъ Йеронимо
Мнѣ говорилъ, что у него отъ папы
Инструкція особенная есть
На счетъ сего еретика, Жуана.

ОФИЦЕРЪ.

Я наряженъ его арестовать;
Изъ устъ донъ-Іеронимо я долженъ
О томъ услышать, какъ мнѣ поступить.

БОАБДИЛЪ.

Вы подождать должны, пока они,
Свою бесѣду кончивъ, изъ молельни
Къ намъ выйдутъ.

ОФИЦЕРЪ.

Извините, капитанъ,
Отвѣтственность и служба мнѣ велятъ
Немедленно войти въ молельню. Мнѣ
Не можно ждать!

БОАБДИЛЪ.

Я умываю руки.
(Офицеръ входитъ въ боковую дверь).

КОМНАТА ВО ДВОРЦѢ.

Лепорелло въ креслахъ, одѣтый доминиканцемъ. Передъ нимъ на колѣняхъ донъ Жуанъ. Входитъ офицеръ стражи.

ОФИЦЕРЪ.

Отецъ, простите...

ЛЕПОРЕЛЛО.

Это что такое?
Кто смѣетъ насъ въ молитвѣ прерывать?

ОФИЦЕРЪ.

Я нарядженъ отъ Sant' Officio
Арестовать Жуана де-Маранья.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Какъ? Что? Теперь? При мнѣ? Ты знаешь ли,
Мошенникъ... я хотѣлъ сказать: мой сынъ, —
Что я съ инструкціей отъ папы присланъ
И самъ могу тебя арестовать?

ОФИЦЕРЪ.

Простите. Вотъ мандатъ мой! Я обязанъ
Вамъ предъявить коммиссію мою.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Гдѣ твой мандатъ? Давай его сюда!
(Офицеръ подаетъ бумагу. Лепорелло ее раздираетъ).
Вотъ твой мандатъ. И знай, что булла папы
Даетъ мнѣ власть Жуана де-Маранья,
Заблудшую, но кроткую овцу,
Благословить и отъ грѣховъ очистить;
Знай, что сей самый грѣшникъ, донъ Жуанъ,
Котораго арестовать пришелъ ты,
Моихъ словесъ проникнулся елеемъ,
Отвергъ душой мірскую суету
И поступаетъ кающимся братомъ,
Въ Севилію, въ картозскій монастырь!
Не такъ ли, сынъ мой?

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Такъ, отецъ мой, такъ!
Мнѣ міръ постылъ, я быть хочу монахомъ;
Моей безпутной, невоздержной жизни

Позналъ я скверн, и алчетъ безпредѣльно
Душа молитвъ, а тѣло власяницы!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ее ты примешь, сынъ мой, скоро примешь;
Тебѣ лишь испытанье предстоитъ —
И ты монахомъ будешь. Pax vobiscum!
(Къ Офицеру):
Ну что! Чего стоишь, розиня ротъ?
Ты этого не ожидалъ, безбожникъ?

ОФИЦЕРЪ.

Отецъ...

ЛЕПОРЕЛЛО.

Отецъ, отецъ! Скажи мнѣ лучше
Какъ исповѣдь ты нашу смѣлъ прервать?
Ты долженъ быть отъявленный еретикъ!
Распущены вы всѣ, я это вижу;
Но я васъ подтяну. Ты знаешь ли
Желѣзныя ботинки? Пытку? Цѣпи?
Тюрьму? Костеръ? Проклятье церкви и...
И прочее, и прочее? А? Знаешь?

ОФИЦЕРЪ.

Я виноватъ, что васъ прервалъ, но служба...

ЛЕПОРЕЛЛО.

Нѣтъ, ты скажи мнѣ, какъ ты не размыслилъ,
Что прерывать меня есть преступленье?

*

ОФИЦЕРЪ.

Отецъ мой, какъ я смѣю размышлять?
Начальству долженъ я повиноваться.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Начальству? Да. Но кто твое начальство!

ОФИЦЕРЪ.

Священный трибуналъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Такъ было прежде.
Но съ той поры, какъ я ступилъ на берегъ,
Твое начальство я. Смотри мнѣ въ грудь
И выражай лицомъ подобострастье,
Довѣрье, благодарность и любовь.
Что есть повиновенье? Отвѣчай!

ОФИЦЕРЪ.

Повиновеніе, отецъ мой?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Да!

ОФИЦЕРЪ.

Повиновенье есть..

ЛЕПОРЕЛЛО.

Неправда! Врешь!
Повиновеніе есть то, что если

Я прикажу тебѣ плясать качучу,
То долженъ ты ее плясать, пока...
Пока я не скажу: довольно! Если жь
Не хватитъ силъ твоихъ и ты умрешь,
Ты долженъ умереть, а все плясать!
Вотъ что повиновенье. Понимаешь?

ОФИЦЕРЪ.

Отецъ мой...

ЛЕПОРЕЛЛО.

Какъ? Ты смѣешь отвѣчать?
Эпитимью тебѣ! Эпитимью!
Бей каждый день сто пятьдесятъ поклоновъ,
И на колѣняхъ тридцать патерностровъ
И пятьдесятъ читай Ave Maria!
Ну что? Чего стоишь? Бѣги въ Севилью
И объяви, что видѣлъ!

ОФИЦЕРЪ.

Мой отецъ
Мнѣ письменное нужно приказанье.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ну да, конечно. Я бы посмотрѣлъ
Какъ ты посмѣлъ бы убѣжать отсюда
Безъ письменнаго приказанья!

(Къ донъ Жуану):

Сынъ мой.
Встань, напиши сейчасъ къ святымъ отцамъ

Цедулу. Я подъ ней поставлю крестъ.
Его въ Севильѣ знаютъ, славу Богу!

(Донъ Жуанъ пишетъ и подаетъ бумагу Лепорелло, который ставитъ крестъ и передаетъ офицеру).

Вотъ приказанье.. На, ступай, да помни:
Двѣсти поклоновъ! Сорокъ патерностровъ!
И семьдесятъ Ave Maria въ день!

(Офицеръ кланяется и уходитъ).

ДОНЪ ЖУАНЪ (смотря ему въ слѣдъ).

Ушелъ глупецъ. Счастливаго пути!
И всѣ они такого же покроя!
Онъ такъ привыкъ все слушаться начальства,
Что размышлять совсѣмъ уже отвыкъ.
Играть такимъ отродіемъ не трудно,
Лишь стоитъ подмѣнить начальство. Право,
Какъ вспомню я, что цѣлый родъ людской
Привычкѣ служитъ, подъ привычкой гнется,
То стыдъ беретъ, на эту сволочь глядя,
Что къ ней и я принадлежу!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Морозъ
Меня теперь по кожѣ подираетъ,
Когда я вспомню, чѣмъ я рисковалъ.
А славную мы выкинули штуку!
Ха, ха! Монахомъ будетъ донъ Жуанъ!
Пожалуй изъ монаховъ можно въ папы!
Сеньоръ, когда вы сдѣлаетесь папой,
Прошу и мнѣ пожаловать мѣстечко;

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Ты былъ бы инквизиторомъ въ Севильѣ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

И строгимъ инквизиторомъ, сеньоръ!
Иль думаете вы, я бъ не сумѣлъ
Безнравственность преслѣдовать и ересь!
Пусть кто-нибудь осмѣлился бъ при мнѣ
Жену чужую соблазнить! Пусть слово
Не въ пользу бъ инквизиціи сказалъ!
Будь онъ хоть шепетунъ, будь онъ заика,
Мнѣ перваго довольно было бъ слога
Чтобъ остальные отгадать. Да что тутъ!
Я мысль его узналъ бы по глазамъ,
По шапкѣ, по походкѣ. Стой, братъ, шутишь —
И тотчасъ на костеръ! Мнѣ не учиться,
Уловки всѣ я знаю наизустъ,
На все я въ вашей школѣ насмотрѣлся,
Меня бъ не провели. А съ новымъ платьемъ
И правила бъ я новыя надѣлъ,
Вы не узнали бы меня!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Не первымъ
И не послѣднимъ былъ бы ты. Однако
Меня продѣлка эта развлекла,
А то съ утра еще мнѣ было какъ-то
Особенно и скучно и досадно.
Скорѣй, скорѣй прожить мнѣ эту жизнь

И весело пробиться до конца!
Эй, Лепорелло! Весь чтобы дворецъ
Былъ освѣщенъ, чтобъ музыка гремѣла
И чтобъ вино всю ночь лилось рѣкой!
Мы на разсвѣтѣ подымаемъ якорь!

НОЧЬ, ОТКРЫТАЯ ГАЛЛЕРЕЯ У МОРЯ.

Въ глубинѣ видны мачты фелуки. Великолѣпное освѣщеніе и музыка. За убранными столами сидятъ пираты. Гости сходятся со всѣхъ сторонъ.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Всѣхъ звать ко мнѣ! Всѣ дорогіе гости!
Прошу моихъ сосѣдей веселиться
И быть какъ дома!

(Къ музыкантамъ).

Эй, играть фанданго!

(Музыка и танцы).

ДОНЪ ЖУАНЪ (Къ Боабдилу).

Никто изъ крейсеровъ васъ не замѣтилъ?

БОАБДИЛЪ.

Никто, сеньоръ. Мы подошли къ дворцу
Когда ужь все стемнѣло. Эти псы
Подозрѣвать не могутъ ничего.
Имъ виденъ съ моря блескъ дворцовыхъ оконъ
И музыка веселая слышна;

А убѣжать готовятся не такъ,
Чья голова обречена на плаху!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Чтобъ праздникъ нашъ и наше освѣщенье
Казались имъ еще великолѣпнѣй,
Передъ отплытьемъ я зажгу дворецъ
Пусть это будетъ также утѣшеньемъ
Соотчичамъ моимъ, что не могли
Они Жуана сжечь. Но время терпитъ,
Я вдаль плыву, и требуетъ учтивость
Спѣть что-нибудь въ честь родины моей!

(Беретъ гитару, строитъ ее и поетъ, глядя на море).

Мирно ночь благовонная
Опустилась окрестъ,
На излучины сонныя
Смотрятъ тысячи звѣздъ;
Волнъ влюбленныхъ лобзанія
Раздаются кругомъ,
Тихо дремлетъ Испанія
Упоительнымъ сномъ!
Но нерѣдко, прелестницу
Покидая средь сна,
Я измѣною лѣстницу
Укрѣплялъ у окна.
Такъ и нашъ, о Испанія,
Я кончаю союзъ, —
И съ тобой, безъ прощанія,
Навсегда разстаюсь!

ЛЕПОРЕЛЛО (таинственно къ донъ Жуану).

Сеньоръ, два слова! Слова два, не болѣ!

ДОНЪ ЖУАНЪ (не обращая на него вниманія переходитъ въ другой тонъ и продолжаетъ).

То, что снилося мнѣ, того нѣтъ на яву!
Кто мнѣ скажетъ, зачѣмъ, для чего я живу?
Кто мнѣ смыслъ разгадаетъ загадки?
Смысла въ ней безпокойной душой не ищи,
Но какъ камень, сорвавшись съ свистящей пращи,
Такъ лети все впередъ, безъ оглядки!
Невозможенъ мнѣ отдыхъ! Несносенъ покой!
Ужь я цѣли нигдѣ не ищу никакой,
Жизнь надеждой мою не украшу!
Не упился я ею, какъ крѣпкимъ виномъ,
Но за то я, смѣясь, опрокинулъ вверхъ дномъ
Безполезно шипящую чашу!

ЛЕПОРЕЛЛО (на ухо донъ Жуану).

Сеньоръ, здѣсь маскированная дама
Желаетъ съ вами говорить!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Проси!
Люблю я всегда новыя знакомства.
Не много времени осталось мнѣ,
Но приключенье кстати на отъѣздѣ!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Пожалуста, сеньоръ, поосторожнѣй!
Не забывайте, что у женъ мужья;
Хотя, признаться, было бы недурно,
Чтобъ женщины замужнія всѣ были,
А всѣ бъ мужчины были холостые!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Иди, болтунъ, проси ее сюда!
(Донна Анна подходитъ, въ маскѣ).

ДОНЪ ЖУАНЪ (идетъ къ ней навстрѣчу).

Сеньора, какъ я счастливъ...

ДОННА АННА (снимая маску).

Донъ Жуанъ...

ДОНЪ ЖУАНЪ (отступая).

Вы? Вы? Возможно ль?
(Въ сторону).
Какъ она блѣдна!

ДОННА АННА.

Я навсегда пришла проститься съ вами...
Услышьте умирающей слова...
Въ моей душѣ нѣтъ болѣе упрековъ,
Я васъ пришла предостеречь.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Сеньора...

ДОННА АННА.

Мой срокъ коротокъ... я должна спѣшить...
Послушайте внимательно меня;
Спасенья дверь для васъ еще открыта,
Но скоро будетъ поздно, донъ Жуанъ...
Я, передъ смертью, вижу вашу участь!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Сеньора, что за рѣчи? И зачѣмъ
Вамъ безъ нужды о смерти помышлять?

ДОННА АННА.

Надѣюсь, вы не думали, что я
Жива останусь, донъ Жуанъ?

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Сеньора,
Быть-можетъ васъ тревожатъ опасенья...
Но будьте безъ боязни. Честь моя
Мнѣ обо всемъ велитъ хранить молчанье,
А если бъ кто дерзнулъ подозрѣвать —
Его молчать заставитъ эта шпага!

ДОННА АННА.

Оставьте, донъ Жуанъ. Такія рѣчи
Теперь ужъ неумѣстны. Боже мой,
Какъ все мнѣ стало ясно и понятно!
Съ моихъ очей какъ будто спалъ туманъ,
И безъ труда я различаю нить

Запутанныхъ событій и дорогу,
Которой вы къ погибели пришли.
То, что̀ случилось, и что̀ скоро будетъ,
Теперь я разомъ обнимаю. Время,
Мнѣ кажется, исчезло для меня
И вѣчность началась. Я ошибалась
Когда васъ обвиняла безпощадно;
Преступной жизни вашей, донъ Жуанъ,
Найдутся, я надѣюсь, объясненья,
Которыя смягчитъ Господень судъ,
Но вы спасетесь только покаяньемъ!

ДОНЪ ЖУАНЪ (про себя).

Она теперь вступила въ періодъ
Раскаянья и мыслей религіозныхъ!
Но какъ идутъ къ ней эти угрызенья!
Изчезла гордость съ блѣднаго чела,
И грусть на немъ явилась неземная...
Вся набожно отдавшися Мадоннѣ,
Она теперь не знаетъ и сама,
Какъ живописно съ гребня кружевное
Ей падаетъ на плечи покрывало...
Нѣтъ, право, никогда̀ еще досель
Я не видалъ ея такой прекрасной!

ДОННА АННА.

Покайтесь, донъ Жуанъ! Еще не поздно!
Я знаю что̀ въ васъ вѣру погубило:
Искали вы блаженства, — есть оно!

Но на землѣ гналися вы напрасно
За тѣмъ, что̀ только въ небѣ суждено.

ДОНЪ ЖУАНЪ (про себя).

Несчастная вдалася въ мистицизмъ!
Но взглядъ ея и голосъ музыкальный
Предательски меня обворожаютъ...
Не думалъ я вчера, какъ мы разстались,
Что продолжится чувствъ моихъ обманъ!

ДОННА АННА.

О если въ вашей жизни, донъ Жуанъ,
Хоть что нибудь вамъ было свято, — если
Кого нибудь хоть разъ любили вы, —
О, донъ Жуанъ, воспоминаньемъ этимъ
Я васъ молю!

ДОНЪ ЖУАНЪ (про себя).

Еще единый мигъ —
И я паду къ ея ногамъ. Разсудокъ
Ужь начинаю я терять. Нѣтъ, нѣтъ!
Прочь глупый бредъ! Опомнись донъ Жуанъ!
(Къ доннѣ Аннѣ)
Осмѣлюсь ли вамъ предложить, сеньора,
Участье въ нашемъ праздникѣ принять?

ДОННА АННА.

Несчастный! Ослѣпленный! Боже, Боже!
Прости ему! Услышь молитву той,

Которая свою сгубила душу!
Я ухожу... пора... я умираю...

(Уходитъ. Боабдилъ подходитъ къ донъ Жуану).

БОАБДИЛЪ.

Уже свѣтлѣетъ небо на востокѣ,
Намъ время плыть. Мы ждемъ!

ДОНЪ ЖУАНЪ (въ раздумьи)

Она сказала:
«Я умираю..» Вздоръ! Не можетъ быть!
Однако, если... если въ самомъ дѣлѣ
Она рѣшилась на самоубійство?

(къ прислугѣ).

Бѣжать за ней! Догнать ее сейчасъ!
Слѣдить за ней! Не выпускать изъ вида!

(Лепорелло убѣгаетъ).

БОАБДИЛЪ.

Пора, пора! Когда мы опоздаемъ,
Галеры всѣ погонятся за нами!

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Зачѣмъ мое такъ больно сжалось сердце?
Ужели вправду я ее люблю?

БОАБДИЛЪ (топая ногой).

Скорѣй, сеньоръ! Мои матросы ропщутъ!

ДОНЪ ЖУАНЪ (опомнясь).

Ступайте къ чорту. Подымайте якорь.
Я остаюсь. Дарю тебѣ фелуку.

БОАБДИЛЪ.

Въ умѣ ли вы, сеньоръ? А инквизицья?

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Что мнѣ до инквизиціи, до смерти,
Когда, быть-можетъ, вправду я люблю!

БОАБДИЛЪ (въ сторону).

Нѣтъ, онъ съ ума сошелъ. Съ нимъ погибать
Намъ не приходится.

(Къ пиратамъ).

Эй, на фелуку!

(Суматоха между пиратами. Гости расходятся, зала пустѣетъ).

ДОНЪ ЖУАНЪ (въ сильномъ волненіи).

О, если я не брежу! Если вправду
Люблю ее любовью настоящей!
Какъ будто отъ ея послѣднихъ словъ
Отдернулася предо мной завѣса,
И все иначе вижу я теперь...
Когда она такъ ясно повторила,
Что хочетъ умереть, во мнѣ какъ будто
Оборвалося что-то; словно я
Ударъ кинжаломъ въ сердцѣ получилъ, —
Еще доселѣ длится это чувство...

Что́ жь это, если не любовь? Какимъ
Моя душа исполнилась волненьемъ?
Сомнѣнія исчезли безъ слѣда...
Я снова вѣрю какъ въ былые дни...
О, я съ ума сойду отъ счастья! Я...
О, Боже, Боже! Я люблю ее!
Люблю тебя! Я твой, о донна Анна!
Ко мнѣ! Я твой! Ко мнѣ! Люблю, люблю!

(Бѣжитъ и вдругъ останавливается какъ вкопанный. Лампы гаснутъ. Входитъ статуя командора).

СТАТУЯ.

Ты звалъ меня на ужинъ, донъ Жуанъ, —
Я здѣсь.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Во снѣ ли я, иль на яву?

СТАТУЯ.

Молись.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Не можетъ быть! Неправда! Сонъ!
Не онъ стоитъ изъ камня предо мной, —
Воображенье мнѣ на умъ приводитъ
Убитаго отца! Прочь, призракъ! Прочь!

(Статуя стоитъ неподвижно. Молчаніе).

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Спирается дыханіе... бьются жилы...
Разсудокъ мой туманится...

СТАТУЯ.

Молись.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Въ ушахъ шумитъ... темнѣетъ зрѣнье... Прочь!
Прочь! Пропусти меня! Гдѣ донна Анна?

СТАТУЯ.

Молись.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Гдѣ донна Анна?

СТАТУЯ.

Отравилась.

ДОНЪ ЖУАНЪ (хватаясь за сердце).

О, что со мною?

СТАТУЯ.

Ты любилъ ее.

ДОНЪ ЖУАНЪ.

Остыла кровь и сердце холодѣетъ!

СТАТУЯ.

Подумай о душѣ.

ДОНЪ ЖУАНЪ (воспрянувъ отъ цѣпенѣнія).

Смерть и проклятье!
Къ чему душа, когда любовь погибла!
Теперь мнѣ болѣ нечего терять —
И смерть и адъ на бой я вызываю!

(Бросается со шпагой на статую. Шпага ломается. Молчаніе).

СТАТУЯ.

Твой часъ пробилъ.

ДОНЪ ЖУАНЪ (въ отчаяніи).

Любилъ я! Горе, горе!
Въ нее повѣривъ, я повѣрилъ въ Бога, —
Но поздно! Все погибло съ нею — все —
И злѣе прежнихъ эта злая шутка!

СТАТУЯ.

Въ послѣдній разъ, молися.

ДОНЪ ЖУАНЪ (въ бѣшенствѣ).

Не хочу!
Кляну молитву, рай, блаженство, душу, —

*

И какъ въ безвѣрьи я непокорялся,
Такъ, вѣрящій, теперь не покорюсь!

СТАТУЯ (касаясь рукою донъ Жуана).

Погибни жь, червь.

(Донъ Жуанъ падаетъ мертвый; статуя исчезаетъ).

АЛХИМИКЪ.

НЕКОНЧЕННАЯ ПОЭМА (*).

I.

Дымясь, качалися кадила,
Хвалебный раздавался хоръ,
Алтарь сіялъ, органа сила
Священнопѣнію вторила
И громомъ полнила соборъ.
И подъ его старинной сѣнью
На волны набожной толпы
Отъ оконъ радужною тѣнью
Косые падали столпы;
А далѣ мракъ ходилъ по храму,

(*) Основаніемъ этому отрывку служитъ слѣдующая легенда:

Въ 1250 году Раймундъ Lullius, или Lulle, сенескалкъ Балеарскихъ островов, проѣзжая верхомъ черезъ площадь города Пальмы, увидѣлъ одну даму, входящую въ соборъ. Красота ея такъ поразила его, что онъ, забывъ всякое приличіе и не сходя съ лошади, послѣдовалъ за нею. Такой соблазнъ надѣлалъ много шума, но съ этой поры Донъ Раймундъ не переставалъ преслѣдовать своей любовью Донью Элеонору (или, какъ называютъ ее другіе, Амброзію De Castello). Чтобы отъ него избавиться, она обѣщала полюбить его, если онъ достанетъ ей жизненный элексиръ. Донъ Раймундъ съ радостью принялъ условіе, сдѣлался алхимикомъ, отправился въ отдаленные края и обрекся цѣлому ряду самыхъ невѣроятныхъ приключеній.

Лишь чрезъ открытые врата,
Какъ сквозь узорчатую раму,
Синѣла неба красота,
Виднѣлся берегъ отдаленный,
И зелень лавровъ и оливъ,
И бѣлой пѣной окаймленный,
Лѣниво плещущій заливъ.

И вотъ, когда замолкли хоры,
И съ тихимъ трепетомъ въ сердцахъ,
Склонивъ главы, потупя взоры,
Благоговѣйно пали въ прахъ
Ряды молящихся густые,
И прославляя Бога силъ,
Среди великой литургіи
Епископъ чашу возносилъ, —
Раздался шумъ. Невнятный ропотъ
Пронесся отъ открытыхъ вратъ,
Въ испугѣ вдругъ за рядомъ рядъ,
Тѣснясь отхлынулъ, — конскій топотъ, —
Смятенье, — давка, — женскій крикъ, —
И на конѣ во храмъ проникъ
Безумный всадникъ. Вся обитель
Волнуясь, въ кликъ слилась одинъ:
«Кто онъ, святыни оскорбитель?
«Какого края гражданинъ?
«Египта-ль онъ, Марока житель,
«Или Гранады гордый сынъ,
«Передъ которою тряслися
«Ужъ наши веси столько кратъ,

«Иль не отъ хищнаго-ль Туниса
«Къ брегамъ причалившій пиратъ?»

Но не языческаго края
На немъ одежда боевая:
Ни шлема съ пестрою чалмой,
Ни брони съ притчами корана,
Ни сабли нѣтъ на немъ кривой,
Ни золотаго ятагана.
Изгибы бѣлаго пера
Надъ шапкой зыблются шелкòвой,
Прямая шпага у бедра,
На груди вышиты оковы,
И, сброшена съ его плеча,
Въ широкихъ складкахъ величаво
Падетъ на сбрую епанча
Съ крестомъ зубчатымъ Калатравы.

Межъ тѣмъ какъ, пѣня удила,
Сердитый конь по звонкимъ плитамъ
Нетерпѣливымъ бьетъ копытомъ,
Онъ самъ, не трогаясь съ сѣдла,
Толпѣ не внемля разъяренной,
И какъ видѣньемъ пораженъ,
Вперяетъ взоръ свой восхищенный
Въ толпу испуганную женъ.
Кто-жъ онъ? И чьей красою чудной
Поступокъ вызванъ безразсудный?
Кто изъ красавицъ этихъ всѣхъ
Его вовлекъ во смертный грѣхъ?

Ихъ собралось сюда не мало,
И юныхъ женщинъ и дѣвицъ,
И не скрываютъ покрывала
Во храмѣ Божіемъ ихъ лицъ;
И послѣ перваго смущенья
Участья шопотъ и прощенья
Межъ нихъ, какъ искра, пробѣжалъ,
Пошли догадка за догадкой,
И смѣхъ послышался украдкой
Изъ за нарядныхъ опахалъ.
Но, мыслью полная иною,
Одна, въ сознаньѣ красоты,
Спѣшила тканью кружевною
Покрыть виновныя черты.

II.

— Я сознаюсь въ любви мятежной,
Въ тревогѣ чувствъ, въ безумьѣ дѣлъ, —
Тому безумье неизбѣжно,
Кто разъ, сеньора, васъ узрѣлъ!
Пусть мой поступокъ безъ примѣра,
Пусть проклятъ буду я отъ всѣхъ, —
Есть волѣ грань, есть силамъ мѣра;
Господь проститъ мой тяжкій грѣхъ,
Проститъ порывъ мой дерзновенный,
Когда я, страстію горя,
Твой ликъ узнавъ благословенный,
Забылъ святыню алтаря!
Но если нѣтъ ужъ мнѣ прощенья,

Я не раскаиваюсь — знай —
Я отрекаюсь отъ спасенья,
Моя любовь мнѣ будетъ рай!
Я все попру, я все разрушу,
За мигъ блаженства отдаю
Мою измученную душу
И мѣсто въ будущемъ раю!...
Сеньора, здѣсь я жду отвѣта,
Рѣшите словомъ мой удѣлъ,
На край меня пошлите свѣта,
Задайте рядъ опасныхъ дѣлъ, —
Я жду лишь знака, жду лишь взора,
Спѣшите участь мнѣ изречь, —
У вашихъ ногъ лежатъ, сеньора,
Мой умъ и жизнь, и честь, и мечъ!

Замолкъ. Въ невольномъ видитъ страхѣ
Она лежащаго во прахѣ;
Ему отвѣтить силы нѣтъ, —
Какой безумцу дать отвѣтъ?
Не такъ онъ какъ другіе любитъ,
Прямой отказъ его погубитъ.
И чтобъ снести его онъ могъ,
Нужны пощада и предлогъ.
И вотъ она на вызовъ страстный
Склонивъ привѣтливо свой взоръ,
Съ улыбкой тихой и прекрасной:
— Вставайте, говоритъ, сеньоръ!
Я вижу, вами овладѣла
Любовь безъ мѣры и предѣла,

Любить какъ вы никто-бъ не могъ,
Но кратокъ жизни нашей срокъ;
Я вашу страсть дѣлить готова,
Но этотъ пылъ для міра новый
Мы заключить бы не могли
Въ условья бренныя земли;
Чтобъ огнь вмѣстить неугасимый
Безсмертны сдѣлаться должны мы.
Оно возможно; жизни нить
Лишь стоитъ чарами продлить.
Я какъ-то слышала случайно,
Что достаютъ для этой тайны
Какой-то корень, или злакъ,
Не знаю гдѣ, не знаю какъ,
Но вамъ по сердцу подвигъ трудный, —
Достаньте-жъ этотъ корень чудный,
Ко мнѣ вернитесь — и тогда
Я ваша буду навсегда!
И вспрянулъ онъ, блестя очами:
— Клянуся небомъ и землей
Исполнить заданное вами,
Какою-бъ ни было цѣной!
И вѣдать отдыха не буду,
И всѣмъ страданьямъ обрекусь,
Но жизни тайну я добуду
И къ вамъ съ безсмертіемъ вернусь!

III.

Отъ береговъ благоуханныхъ,
Гдѣ спятъ лавровые лѣса,

Уходитъ въ даль зыбей туманныхъ
Корабль надувши паруса.
На немъ изгнанникъ молчаливый
Вдали желанный ловитъ сонъ
И взоръ его нетерпѣливый
Въ пространство синее вперенъ.
—Вы, моря шумнаго пучины,
Ты, неба вѣчнаго просторъ,
И ты, свѣтилъ блестящій хоръ,
И вы, родной земли вершины,
Поля и пестрые цвѣты,
И съ горъ струящіяся воды,
Отдѣльно взятыя черты
Всецѣльно дышащей природы,
Какая васъ связала нить
Одну другой свѣтлѣй и краше?
Какимъ закономъ объяснить
Родство таинственное наше?
Ты, всесторонность бытія,
Неисчерпаемость явленья,
Въ тебѣ повсюду вижу я
Того-же свѣта преломленья.
Внутри души его собрать,
Его лучей блудящій пламень
Въ единый скопъ всесильно сжать,—
Вотъ Соломонова печать,
Вотъ Трисмегиста дивный камень!
Тотъ всеобъемлющій законъ,
Которымъ все живетъ отвѣка,
Онъ въ насъ самихъ,—онъ заключенъ

Незримо въ сердцѣ человѣка!
Его любовь, и гнѣвъ, и страхъ,
Его стремленья и желанья,
Все что́ кипитъ въ его дѣлахъ,
Чѣмъ онъ живетъ и движетъ прахъ,—
Есть та-же сила мірозданья!
Не въ пыльной кельѣ мудреца
Я смыслъ ея найду глубокой,—
Въ живыя погрузить сердца
Я долженъ мысленное око!
Среди борьбы, среди войны,
Средь треволненія событій,
Отдѣльныхъ жизней сплетены
Всечасно рвущіяся нити,
И кто безсмертье хочетъ пить
Изъ мимолетнаго фіала,
Тотъ микрокосма изучить
Спѣши кипящія начала!
Есть край завѣтный и святой,
Гдѣ дважды жизненная сила
Себя двояко проявила
Недостижимой высотой:
Одинъ, въ поляхъ Кампаньи дикой,
Предназначеніемъ хранимъ,
Стоитъ торжественной, великой,
Несокрушимый, вѣчный Римъ.
Къ нему, къ подобію вселенной,
Теперь держать я долженъ путь,
Въ его движеньи почерпнуть
Законъ движенья неизмѣнный.

Лети-жъ, корабль крылатый мой,
Лети въ безбережномъ просторѣ,
А ты, подъ вѣрною кормой,
Шуми, шуми и пѣнься, море....

. . . .
. . . .
. . . .

КОНЕЦЪ.

ГЛАВНЫЯ ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Страница:	Строка:	Напечатано:	Читай:
15.	22.	Киргизъ-Кайласъ	Киргизъ-Кайсакъ.
30.	13.	безпрерывномъ	безпредѣльномъ.
50.	14.	Сонъ-дремотою	Сномъ-дремотою.
55.	7.	И выжми ржавчину покоя	И выжги ржавчину покоя
88.	1.	Что все рожденное отъ слова	Что все рожденное отъ Слова.
89.	19.	..... и всѣ края вселенной	..... и всѣ красы вселенной.
111.	4.	Отъ юга сѣверъ отдаленъ	Отъ юга сѣверъ отдѣленъ.
143.	9.	Пушканчикъ	Тушканчикъ.
164.	5.	....да проститъ тебя Богъ	....да проститъ тебѣ Богъ.
173.	7.	Всякъ разсказывалъ по своему	Всякъ разсказывалъ правду по своему.
198.	15.	учетель	учитель
208.	18.	Какъ горпей бури	Какъ горней бури.
214.	9.	Чтó разглашалъ иконоборства тьму	Чтó разогналъ иконоборства тьму.
222.	17.	..положилъ	наложилъ.
223.	20.	мнишь	мнилъ.
228.	12.	Пріими усопшаго брата.	Пріими усопшаго раба.
229.	9.	братскій прахъ	братній прахъ.
237.	7.	Да хвалитъ	Да хвалятъ.
—	17.	Расторгши	Расторгни.
239.	3.	Sündenfals	Sündenfalls.
—	6.	dämonichen	dämonischen.
—	—	irdichen	irdischen.
—	7.	überirdichen	überirdischen.
250	15.	......душей	душой.
274	24.	утомныя	утомленія.
291.	15.	.....склоняюсь	склонюся.
313.	10.	Я чаю ужъ теперь.....	Я чай уже теперь.
220.	6.	Октавіо	Октавьо.
321.	1.	Въ сравненьи съ ревностью моею.	Въ сравненіи съ ревнивостью моею.
—	20.	....уже не вижу я	....ужъ не живу я.
396.	5.	Чѣмъ онъ живетъ и движетъ прахъ.	Чѣмъ онъ живитъ и движетъ прахъ.

